

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Северо-Западный
институт управления
филиал РАНХиГС

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

EURASIAN
INTEGRATION

Том 15

№4(38)
2021

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 15, № 4 • 2021

Тема номера:
ПРОЕКТ «БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ» — ПУТЬ К ПОЛИЦЕНТРИЧНОМУ МИРОУСТРОЙСТВУ

Информационная поддержка: пресс-служба Евразийской экономической комиссии

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям (Распоряжение Министерства науки и высшего образования Российской Федерации о включении в перечень рецензируемых научных изданий от 25.12.2020 номер 469-р):

08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.10 – Международное право; европейское право (юридические науки), 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки), 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки), 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки), 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (социологические науки).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,

В. О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10

Факс: (812) 335-42-16

<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Редколлегия журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2021
- © Все права защищены

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS

International Scientific and Analytical Journal

Vol. 15 No 4 • 2021

Topic of the Issue:
THE GREATER EURASIA PROJECT IS THE PATH TO A POLYCENTRIC WORLD ORDER

Information support: press service of the Eurasian Economic Commission

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.eijournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2021
 - © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2021
 - © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: Economics, Law, Politics“ (compilation), 2021
 - © All rights reserved
-

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК, академик Российской академии наук, доктор экономических наук

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС, профессор, доктор философских наук, эксперт Российской академии наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ШАМАХОВ Владимир Александрович, Председатель международного научного совета, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель Председателя международного научного совета, советник директора Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук

РАХИМИ Фарход Кодирович, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амирали, заместитель Генерального секретаря ПА ОДКБ, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор философских наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор, доктор политических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права юридического факультета Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Казахстан), доктор юридических наук, профессор

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике, Чрезвычайный и полномочный посол (Россия), кандидат экономических наук

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета (Армения), доктор политических наук, профессор

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, ректор Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Россия), доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Россия), доктор политических наук

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры «Жана Моннэ» (Европейский союз) (Россия), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан), доктор экономических наук, профессор

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), академик РАЕН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право»

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ (Россия), доктор экономических наук, профессор

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика»

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Россия), доктор политических наук, профессор

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права (Россия), доктор юридических наук, профессор

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Россия), доктор исторических наук, профессор

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути» (Россия), доктор экономических наук

САИДАМИРОВ Баходур Шовалиевич, директор центра Евразийских исследований и межпарламентского сотрудничества Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), кандидат юридических наук

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, заведующий кафедрой конституционного и административного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), доктор политических наук, профессор, редактор раздела «Политика»

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала (Россия), доктор юридических наук

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии (Монголия), доктор социологических наук, профессор

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге (Китай), доктор экономических наук

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Director of the Center for Geopolitical Expertise, North-West Institute of Management, RANEPA, Professor, Doctor of Philosophy, Expert of the Russian Academy of Sciences

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

SHAMAKHOV Vladimir, Chair of the International Scientific Council, Director of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economics

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Chairman of the International Scientific Council, Advisor to the Director of the North-West Institute of Management, RANEPA, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics

RAHIMI Farhod, President of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Deputy Secretary-General, Secretariat of the CSTO Parliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philosophy

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences

EDITORIAL BOARD

ABAYDELDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Nur-Sultan)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAIL Maksim, Doctor of Economics

DENISOV Andrey, PhD in Economics, Ambassador the Russian Federation to the People's Republic of China, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (Russia, Moscow)

ENGOYAN Ashot, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan)

YEREMEEV Stanislav, Doctor of Economics, PhD in Political Sciences, Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University (Russia, St. Petersburg)

KASHKIN Sergey, Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow)

KAZANTSEV Andrey, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow)

KAYUMOV Nuriddin, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe)

KIRILENKO Viktor, Doctor of Laws, Professor, Academician of RANS, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPa, academician of the Russian Academy of natural Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, editor of the "Law" section (Russia, St. Petersburg)

KROTOV Mikhail, Doctor of Economics, Professor, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow)

KUKLINA Evgenia, Doctor of Economics, Professor, North-West Institute of Management of RANEPa, Editor of the "Economics" section (Russia, St. Petersburg)

LEBEDEVA Marina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow)

LIVEROVSKY Alexey, Doctor of Laws, Professor, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, St. Petersburg)

MISHALCHENKO Yuri, Doctor of Laws, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPa, Doctor of Economics (Russia, St. Petersburg)

NOVIKOVA Irina, Doctor of History, Professor, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

REMYGA Vladimir, Doctor of Economics, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow)

SAIDAMIROV Bahodur Shovalievich, PhD in Law, Director of the Center for Eurasian Studies and Interparliamentary Cooperation, North-West Institute of Management, RANEPa (Russia, St. Petersburg)

SERGEVNIN Sergey, Doctor of Laws, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPa, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Doctor of Laws, Professor Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management of RANEPa, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)

TOROPYGIN Andrey, Doctor of Political Sciences, Professor, North-West Institute of Management of RANEPa, editor of the "Politics" section (Russia, St. Petersburg)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal (Russia, Moscow)

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in St. Petersburg (China, Beijing)

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**
Международный научно-аналитический журнал
Том 15, № 4 2021

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

Идеи и реалии современного евразийства..... 9

ГЛАВНОЕ

Когут В. Г., Нурышев Г. Н.

Геополитический резонанс VI Всебелорусского народного собрания 11

ЭКОНОМИКА

Додонов В. Ю.

Внешняя торговля Казахстана с партнерами ЕАЭС: предварительные итоги..... 21

Кириленко В. П., Мишальченко Ю. В., Чаплик А. В.

Международные правовые и экономические аспекты оборота недвижимого имущества
в государствах — членах ЕАЭС..... 33

Козьменко С. Ю.

Согласование экономической и оборонной деятельности в Тихоокеанском регионе..... 40

Мисько О. Н., Сысоев Ф. И.

Неолиберальный постмодерн и гиперимпериализм 49

ПРАВО

Березина Е. К.

Особенности политико-правовых документов ЕАЭС с третьими странами 61

Кириленко В. П., Алексеев Г. В.

Классификация морских споров и современные правовые средства их разрешения 67

Коростелев С. В.

Задачи государств — участников СНГ в обеспечении национальной безопасности 82

Павлова М. А.

Противодействие коррупции в рамках функционирования

Евразийского экономического союза 93

ПОЛИТИКА

Берладир Ю. В., Харичкин И. К.

Политическая сущность международного терроризма..... 99

Кефели И. Ф., Николаенко А. В.

Арктическая стратегия России в Большом Евразийском партнерстве..... 109

Мусяненко Т. В., Лукин В. Н., Матвеев А. В.

Стратегический регион Юго-Восточной Азии: формирование архитектуры безопасности..... 122

Суданц М. Б.

Состояние и перспективы исследования урбанизации как международно-политического
феномена 134

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

..... 140

Публикации журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» в 2021 г..... 144

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией научно-аналитического
журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»..... 146

EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics

International scientific and analytical journal

Vol. 15 No 4 2021

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

Ideas and Realities of Contemporary Eurasianism..... 9

MAIN

Victor G. Kogut, Gennady N. Nuryshv

Geopolitical Resonance of the VI All-Belarusian People's Assembly..... 11

ECONOMICS

Vyacheslav Yu. Dodonov

Kazakhstan's Foreign Trade with EAEU Partners: Preliminary Results..... 21

Viktor P. Kirilenko, Yuri V. Mishalchenko, Alina V. Chaplik

International Legal and Economic Aspects of Real Estate Turnover in the EAEU Member States 33

Sergey Yu. Kozmenko

Coordination of Economic and Defense Activities in the Pacific Region..... 40

Oleg N. Misko, Philipp I. Sysoev

Neoliberal Postmodernity and Hyperimperialism..... 49

LAW

Elizaveta K. Berezina

Specifics of the Political and Legal Documents of the EAEU with Third Countries..... 61

Viktor P. Kirilenko, Georgy V. Alekseev

Classification of Maritime Disputes and Modern Legal Means of their Resolution 67

Stanislav V. Korostelev

Tasks of the CIS Member States in Ensuring National Security..... 82

Maria A. Pavlova

Countering Corruption within the Framework of the Functioning of the Eurasian Economic Union 93

POLITICS

Julia V. Berladir, Igor K. Kharichkin

The Political Nature of International Terrorism..... 99

Igor F. Kefeli, Anastasia V. Nikolaenko

Russia's Arctic Strategy in the Greater Eurasian Partnership..... 109

Tamara V. Musienko, Vladimir N. Lukin, Alexandr V. Matveev

Strategic Region of Southeast Asia: The Formation of a Security Architecture 122

Marat B. Sudants

The State and Prospects of the Study of Urbanization as an International Political Phenomenon 134

EURASIAN CHRONICLE

..... 140

Publications in the journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics" in 2021..... 144

For the authors of the journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics"

Rules for the design of articles accepted for consideration by the editors of the scientific and analytical journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics" 146

Идеи и реалии современного евразийства

Уходящий 2021 г. ознаменовался еще одним столетним юбилеем. В 1921 г. зародилось движение евразийцев, представленное группой молодых русских ученых, эмигрировавших из Советской России и на протяжении 20–30-х гг. прошлого века развернувших интенсивную научную, пропагандистскую и издательскую деятельность, главной темой которой было настоящее и будущее «России — Евразии».

Полноценное освоение идейного наследия евразийства воплощается в реальных шагах по обустройству ЕАЭС и формированию реальных контуров Большого Евразийского партнерства. Эта задача рассчитана на многие десятилетия, а решение ее потребует совместных усилий ученых, государственных и политических деятелей, предпринимателей по разработке соответствующих прогнозов и проектов. Следует отметить, что в ряде статей, опубликованных в последних номерах журнала, предлагаются некоторые подходы к решению этой задачи, и это дает основание считать, что воплощенное в жизнеспособный Евразийский экономический союз новое евразийство откроет перед Россией и другими государствами — членами Союза широкие возможности и перспективы. Главное теперь для авторского коллектива — придать системный характер публикациям по трем основным направлениям деятельности журнала.

Работа ЕАЭС в новых условиях выявила ограниченность современных исследований и управления преимущественно экономическими (финансовыми) и производственными связями государств — членов Союза, что порой сказывается на эффективности принимаемых решений. В условиях глобального, периодически сотрясаемого кризисными процессами мира необходимо формулировать задачи управления в рамках междисциплинарной и волновой (циклической) парадигмы, опирающейся на современные естественно-научные и математические знания, в том числе на теорию сложности. Решение этих задач позволит достичь кратко-, средне- и долгосрочных целей безопасности и развития в контексте самосохранения России и становления эффективного партнерства в Евразии.

Жизнь подтверждает необходимость выработки новой парадигмы социально-экономического, технологического и финансового развития России, восприимчивой к урокам прошлого, адаптивной к вызовам настоящего и ориентированной на будущее. Она должна иметь междисциплинарный характер и включать широкий спектр проблем и решений — исторических, цивилизационных, геополитических, культурных, философских, мировоззренческих и многих других. Творческие возможности авторского коллектива, значительно расширившегося на протяжении нынешнего года, дают основания полагать, что разработку такой парадигмы следует рассматривать как главное направление деятельности нашего журнала.

И еще на одну проблему хотелось бы обратить внимание. На ближайший период деятельности ЕАЭС руководящим документом служит Стратегия развития ЕАЭС до 2025 года. Реализация Стратегии основывается не только на принятии более десяти международных договоров, внесении значительных изменений и дополнений в Договор о ЕАЭС, разработке и утверждении более полусотни актов Союза, но и на признании данного документа как институциональной платформы, на которой будет осуществлена синергия национальных и наднациональных органов управления, включенность экспертного, научного и бизнес-сообществ.

Следует обратить внимание на нормативно-правовое сопровождение евразийской интеграции. На сегодняшний день правовая система ЕАЭС, объединяющая нормы международного права и положения актов органов Союза (принятых в рамках их полномочий), находится пока в стадии формирования.

Я надеюсь, что наш журнал в своих разделах найдет место публикациям, способствующим реализации данной Стратегии, которая предусматривает в том числе и преодоление центробежных тенденций внутри Союза, которые прослеживаются в действиях и заявлениях некоторых представителей государств — членов ЕАЭС. Не развивая эту тему далее, обращаю внимание читателей на пророческие слова Г. В. Вернадского из работы «Опыт истории Евразии» 1934 г.: «Панславизм всегда являлся более утопией, чем орудием практической политики ввиду того, что группа славян западных (поляки, чехи) и геополитически, и культурно-исторически к Европе была и есть ближе, чем к России. Пантюркизм был особенно силен, пока мог быть практически связан с панисламизмом и одушевлен его идеями... Что касается пантюркизма, то поскольку целью его является отрыв турецких народов Евразии от политического объединения с этой последней, такое распадение Евразии (если оно было бы возможно) явилось бы в первую очередь крайне невыгодным для самих турецких народов, ныне входящих в состав Евразии. Течения панславизма и пантюркизма могли бы стать крупною силою и сыграть крупную политическую роль в случае их примирения между собою и согласованных между собою действий. В этом случае течения эти могли бы способствовать сближению и союзу между Евразией, с одной стороны, и зарубежными турецкими и славянскими народами — с другой». Я полагаю, есть над чем задуматься и подискутировать!

Главный редактор
Сергей Глазьев

Геополитический резонанс VI Всебелорусского народного собрания

Когут В. Г.¹, Нурышев Г. Н.^{2,*}

¹ Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств, Минск, Республика Беларусь

² Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; * g.nuryshhev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Настоящая работа направлена на исследование итогов работы VI Всебелорусского народного собрания.

Цель. Определить геополитическое измерение VI Всебелорусского народного собрания как интеграционного проекта Республики Беларусь.

Задачи. Изучить характер подготовки в Республике Беларусь к VI Всебелорусскому народному собранию. Проанализировать основные положения и выводы доклада Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и выступающих на собрании. Обобщить геополитическое измерение итогов VI Всебелорусского народного собрания.

Методология. Исследование документов VI Всебелорусского народного собрания на основе информационно-аналитических технологий, включая положения критической геополитики и качественный контент-анализ.

Результаты. Ни один из предыдущих подобных форумов не получал на подготовительном этапе столь заметного политического резонанса и не подвергался забвению после его окончания. Обстоятельная подготовка, изучение общественного мнения, предшествующий широкий общенациональный диалог определили главную отличительную черту собрания. Состав его участников достаточно полно отразил социальную структуру всего белорусского общества. Характер дискуссии на собрании определил доклад главы государства. Подавляющее большинство делегатов, проявив высокий уровень геополитической самоидентификации, поддержали основные выводы и положения этого доклада. В ходе дискуссии на собрании встал вопрос о геополитической безопасности Республики Беларусь в новой геополитической конфигурации в Европе. Дана оценка России как основного геоэкономического партнера и геостратегического союзника. Определена позиция делегатов в отношении укрепления эффективности государственного управления и, соответственно, геополитического положения Республики Беларусь.

Выводы. Геополитическое значение Беларуси сегодня заключается в том, что она приобретает образ полноправного конструктора евразийского пространства. VI Всебелорусское собрание стало особым форумом в новейшей истории республики, которое состоялось в судьбоносный период развития белорусского общества. VI Всебелорусское народное собрание стало показателем понимания белорусским обществом геополитического будущего своей страны, умения «подниматься» на геополитический уровень оценки современной ситуации как в республике, так и в мире в целом.

Ключевые слова: Всебелорусское народное собрание, геополитическое положение, цивилизационный фронт, геополитическая самоидентификация, турбулентность, национальный бренд

Для цитирования: Когут В. Г., Нурышев Г. Н. Геополитический резонанс VI Всебелорусского народного собрания // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 11–20.

Geopolitical Resonance of the VI All-Belarusian People's Assembly

Victor G. Kogut^a, Gennady N. Nuryshv^{b,*}

^a Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States, Minsk, Republic of Belarus

^b St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation; g.nuryshv@yandex.ru

ABSTRACT

This work is aimed at studying the results of the VI All-Belarusian People's Assembly.

Aim. Determine the geopolitical dimension of the VI All-Belarusian People's Assembly as an integration project of the Republic of Belarus.

Tasks. To study the nature of preparation in the Republic of Belarus for the VI All-Belarusian People's Assembly. Analyze the main provisions and conclusions of the report of the President of the Republic of Belarus A. G. Lukashenko and speakers at the Meeting. To generalize the geopolitical dimension of the results of the VI All-Belarusian People's Assembly.

Methodology. Study of documents of the VI All-Belarusian People's Assembly on the basis of information and analytical technologies, including the provisions of critical geopolitics and high-quality content analysis.

Results. None of the previous similar forums received such a noticeable political resonance at the preparatory stage and was not subject to oblivion after its end. Thorough preparation, the study of public opinion, the preceding broad national dialogue determined the main distinguishing feature of the Assembly. The composition of its participants quite fully reflected the social structure of the entire Belarusian society. The nature of the discussion at the Meeting was determined by the report of the Head of State. The overwhelming majority of delegates, showing a high level of geopolitical self-identification, supported the main conclusions and provisions of this report. During the discussion at the Meeting, the question arose about the geopolitical security of the Republic of Belarus in a new geopolitical configuration in Europe. The assessment of Russia as the main geo-economic partner and geostrategic ally is given. The position of the delegates in relation to strengthening the efficiency of public administration and, accordingly, the geopolitical position of the Republic of Belarus has been determined.

Conclusions. The geopolitical significance of Belarus today lies in the fact that it is acquiring the image of a full-fledged designer of the Eurasian space. The VI All-Belarusian Assembly became a special forum in the modern history of the republic, which took place in the fateful period of the development of Belarusian society. The VI All-Belarusian People's Assembly became an indicator of the understanding of the Belarusian society of the geopolitical future of their country, the ability to "rise" to the geopolitical level of assessing the current situation, both in the republic and in the world as a whole.

Keywords: All-Belarusian People's Assembly, geopolitical position, civilizational frontier, geopolitical self-identification, turbulence, national brand

For citing: Kogut V. G., Nuryshv G. N. Geopolitical Resonance of the VI All-Belarusian People's Assembly // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 11–20.

Подготовка к VI Всебелорусскому народному собранию стала предметом пристального внимания различных внутренних и внешних политических сил. Наверное, ни один из предыдущих подобных форумов не получал на подготовительном этапе столь заметного политического резонанса¹. Однако итоги работы VI Всебелорусского народного собрания и его геополитическое значение некоторые политиче-

¹ Речь Е. Шестое Всебелорусское народное собрание апеллирует к мудрости белорусов [Электронный ресурс] // БИСИ. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie-apelliruet-k-mudrosti-belorusov> (дата обращения: 21.06.2021).

ские силы сегодня стараются подвергнуть забвению. Поэтому мы считаем, что необходимо еще раз акцентировать внимание на этой проблематике и более детально обсудить итоги и выводы состоявшегося форума.

Уже в ходе обстоятельной подготовки к форуму на диалоговых площадках, в общественных приемных, в рамках работы с обращениями граждан было уделено большое внимание изучению общественного запроса на дальнейшее развитие Беларуси. Еще 28 декабря 2020 г. заработал сайт VI Всебелорусского народного собрания по адресу vsebel.by. На сайте ежедневно в режиме онлайн публиковалась информация из различных информационных источников, включая аналитические и информационные статьи печатных изданий, видео- и фотосюжеты телеканалов, электронных платформ и информагентства БЕЛТА.

Такое изучение общественного запроса показало, что в процессе определения траектории дальнейшего развития республики очень важно учитывать мнение граждан, общественных организаций и активнее привлекать их к выработке управленческих решений. Общение с людьми показало, что деятельность государственного аппарата должна быть более открытой для населения. Именно такой общественный запрос и лег в основу проблемного поля, выносимого на обсуждение VI Всебелорусского народного собрания, сделал его работу достаточно продуктивной и придал принимаемым решениям легитимный характер.

Следует также отметить, что концепция VI Всебелорусского народного собрания была анонсирована еще в конце 2020 г. в ходе новогоднего обращения Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и заблаговременно нашла свое отражение в медийном пространстве¹.

Как известно, VI Всебелорусское народное собрание состоялось в Год народного единства в Минске 11–12 февраля 2021 г. и стало одним из важнейших политических событий на современном этапе развития белорусского государства. В работе форума приняли участие достойные и уважаемые представители всех регионов, основных этнических и конфессиональных групп, депутаты местных и областных советов, Палаты представителей, Совета Республики, члены крупнейших общественных объединений. Состав участников форума достаточно полно отражал социальную структуру всех слоев белорусского общества. Делегатами собрания стали рабочие, труженики села, инженерно-технические работники, представители социально-культурной сферы и СМИ, частного бизнеса, руководители предприятий и организаций, военнослужащие, женщины, студенческая и учащаяся молодежь, пенсионеры и иные слои населения. Таким образом, делегатами стали граждане Беларуси, кто имеет богатый профессиональный и жизненный опыт и заслужил высокий авторитет в своих коллективах и у населения. Не случайно 380 участников были удостоены государственных наград. К участию в работе собрания были также приглашены зарубежные гости — главы дипмиссий, представители межгосударственных объединений и международных организаций, белорусской диаспоры за рубежом².

Форум собрал в Минске 2,7 тыс. делегатов и приглашенных, представлявших трудовые, учебные, воинские коллективы и общественные организации всех регионов Беларуси, а также другие страны. VI Всебелорусский форум проходил под лозунгом «Единство. Развитие. Независимость», получившим и геополитическое измерение. Предварительно от участников дискуссионных площадок и общественных приемных поступило около 17 тыс. предложений о том, какой в будущем быть стране.

Эти предложения и вошли в основу доклада Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. На первый план в докладе главы государства на собрании встал вопрос о геополитической безопасности Республики Беларусь в новой геополитической конфигурации в Европе. Неслучайно А. Г. Лукашенко сравнил нынешнее геополитическое положение Беларуси «с развалом Советского Союза и его последствиями». В своем докладе Президент Республики Беларусь проанализировал место и роль страны в геополитической архитектуре мира. Он подчеркнул: «Здесь мы должны четко понимать, что происходит в геополитике, вокруг нас, в глобальном масштабе. Очевидно, что на смену глобализации приходит

¹ Речиц Е. Шестое Всебелорусское народное собрание апеллирует к мудрости белорусов [Электронный ресурс] // БИСИ. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie-apelliruet-k-mudrosti-belorusov> (дата обращения: 21.06.2021).

² Там же.

региональный эгоизм с элементами протекционизма. Важно определить, как эти процессы влияют на нашу жизнь и какое предположительно место должна занять Беларусь в новом переформатированном мире» [3].

По его мнению, геополитическая конкуренция в мире все больше смещается в сторону ее силовой, жесткой составляющей, о чем свидетельствует стратегическое соперничество между США, КНР, ЕС, Россией и другими крупными государствами. А остальные страны все более теряют свою геополитическую субъектность и превращаются в лимитрофы, чему способствует и пандемия коронавируса в мире. На этом фоне международные организации деградируют и не выполняют свои задачи по поддержанию мира и безопасности. В то же время на сопредельной с Беларусью территории наращивается группировка войск США и НАТО. Постоянные учения войск США и НАТО приближают их боевое применение. О чем свидетельствует даже приостановка вывода американских войск из Европы¹.

Глава государства заостряет внимание делегатов и всего международного сообщества на очень актуальном вопросе — проблеме легитимности суверенитета небольших государств. Он подчеркивает: «Мы неугольны, мы не должны были появиться на международной сцене. И нас будут постоянно атаковать. И мы должны выдержать. ...Беларусь не случайно оказалась в фокусе внимания основных международных игроков. По сути, наша страна сегодня — это, если хотите, последнее действительно суверенное государство в Европе. Может быть, и по этой причине страдаем. В этом основной вопрос, вокруг этого идет борьба».

По словам А. Г. Лукашенко, не надо считать, что «белорусский вопрос» не важен для глобальных геополитических игроков — идет борьба за вовлечение Беларуси в орбиту своего влияния. В связи с этим президент подчеркивает рост геополитического значения республики: «Беларусь сегодня — это господствующая высота на поле боя в центре Европы, — заявил он. — За эту высоту идет жесточайшее сражение. Так было всегда в нашей многовековой истории». «Мы должны хорошо понимать, какую беду предотвратили», — отметил глава государства. В его речи была подчеркнута необходимость противостоять всем геополитическим вызовам и не допустить повторения прошедших турбулентных процессов как в Беларуси, так и на постсоветском пространстве [Там же].

В этих условиях форум подтвердил неизменную роль Беларуси как надежного партнера в сфере региональной безопасности и донора стабильности на постсоветском пространстве, отмечая при этом людей талантливых, трудолюбивых, преданных своей земле как важнейший геополитический потенциал республики, своего социально-ориентированного государства. В связи с этим, по оценке главы государства, геополитическая роль Беларуси состоит в том, что страна остается донором стабильности, надежным партнером в сфере региональной безопасности в центре Европы, хотя и подвергается жестокой атаке извне [Там же].

На наш взгляд, с геополитической точки зрения, важное геополитическое значение Беларуси сегодня заключается в том, что она, «находясь на цивилизационном фронтире, в контуре соприкосновения “Моря” и “Суши”, между Западом и Россией и как “срединная земля”, приобретает особое геостратегическое значение как для европейского пространства, так для всей Евразии в целом, особенно для развития евразийской интеграции, приобретая все более яркий образ — полноправного конструктора Большого Евразийского пространства» [2, с. 263–264].

Кроме того, по словам президента, рост геополитического значения республики обуславливается укреплением ее логистического потенциала и связанности территории. Беларусь становится страной новейших технологий, космической, атомной, биохимической отраслей экономики. А. Г. Лукашенко подчеркивает: «Мы утвердились в статусе самостоятельного игрока на международной арене и надежного участника различных интеграционных объединений. Сохранили свои миротворческие позиции. Выдвинули ряд инициатив глобального масштаба. ...Стабильно занимаем высокие места в рейтинге по индексу человеческого развития. По индикатору ожидаемой продолжительности жизни Беларусь на

¹ Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] // Сайт Президента РБ. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> (дата обращения: 20.06.2021).

втором месте среди стран — участниц СНГ» [3]. Все это открывает перед Беларусью новые горизонты с усилением позиции в международной геоэкономической конкуренции.

Исходя из своего геополитического положения, по мнению президента, Беларусь выстраивает свою геополитику многовекторности, которая опирается как на страны ближней, так и дальней дуги. На ближней дуге выстраиваются в непростых условиях отношения с Евросоюзом, с которым республика имеет самую протяженную границу и высокую степень политической, экономической и культурной взаимозависимости. На геополитическом векторе дальней дуги находятся страны арабского мира, Африки, Латинской Америки, Южной и Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Индия, Индонезия, Пакистан), где важное место занимает дружественный Китай [1, с. 13–14].

Но в геополитике Республики Беларусь абсолютно приоритетное внимание уделяется братской России, основному геоэкономическому партнеру и стратегическому союзнику. Только вместе Беларусь и Россия могут сохранить свою геополитическую субъектность в мировой геополитике и выстоять против агрессии со стороны внешних геополитических сил в современной гибридной войне, направленной на срыв интеграционных процессов в постсоветском пространстве [4, с. 166–167].

Среди этих проектов весьма продвинутой и глубокую интеграцию представляет геополитический союз Беларуси с Россией. Глава государства отметил: «Мы спросили у людей, как они относятся к интеграции с Россией, Евросоюзом и прочее. ...71,5% высказались, прежде всего, за интеграцию с Россией. И около 30% из 100 — с Европейским союзом» [3].

Такой результат — следствие геополитики Республики Беларусь по максимальному сдерживанию центробежных процессов в постсоветском геополитическом пространстве в интересах белорусского и российского народов и наших экономик. Хотя проводить эту линию в первые годы своей независимости было совсем непросто, когда «как по живому разрывались кооперационные связи и производственные связи между республиками некогда единого государства, которое было в одночасье уничтожено. Начался парад суверенитетов» [Там же].

А Республика Беларусь, сохраняя прежний геополитический курс, нацелена в союзном строительстве в первую очередь на создание равных условий для российских и белорусских субъектов хозяйствования. А. Г. Лукашенко заявил: «И тогда мы решим любые проблемы. И тогда не 70%, а весь белорусский народ с благоговением будет смотреть на Россию и считать, что мы здесь, в Беларуси, являясь оплотом нашего единого отечества, будем умирать за свою страну — и за Россию в том числе» [Там же].

Геополитика Республики Беларусь направлена на укрепление не только постсоветского, но и всего евразийского пространства. Поэтому республика активно взаимодействует со своими интеграционными партнерами на действующих площадках ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, ШОС, АСЕАН, а также поддерживает развитие новых интеграционных форматов, включая концепцию «интеграция интеграций», развитие китайского проекта «Один пояс — один путь» [Там же].

Из доклада главы государства вытекает, что важное место в геополитике республики занимает «мягкая сила», главной составляющей которой является неизменный национальный бренд Беларуси как социального государства. По убеждению президента, основу геополитики «мягкой силы» республики составляет историческая память. Он особо подчеркнул: «Жемчужиной же нашей исторической памяти является подвиг белорусского народа. В нем мы видим лучшие черты национального характера белорусов — мужество, самоотверженность, преданность Отечеству, готовность защищать свою землю до конца. И далеко не каждая страна имеет в своей истории такой яркий пример героизма, который проявили наши предки в годы Великой Отечественной войны» [Там же].

Глава государства обращается с трибуны собрания не только к исторической памяти, но и этническому самосознанию белорусов. Поэтому он адресовал свои слова и к белорусской диаспоре, делая при этом особый акцент: «Если вы еще белорусы, если вы помните свою маленькую родину, вы должны понимать, что даже за пределами родины не перестаете быть частью белорусской семьи. Каждое ваше слово, дело и даже позиция прямо либо косвенно влияет на жизнь страны» [Там же]. Так он подчеркнул роль белорусской диаспоры как важного элемента «мягкой силы» государства.

А. Г. Лукашенко в своем докладе обращает особое внимание на информационную войну, которая направлена против геополитической субъектности Беларуси. Он подмечает: «Мы живем в эпоху так называемой постправды, где порядочные люди очерняются, а подлецы представляются героями с безупречной биографией» [3]. Сегодня сознание людей, по словам главы государства, находится в руках крупнейших гигантов интернет-индустрии геополитических противников республики, которые для реализации своих геополитических целей широко вовлекают на различные акции людей в социальных сетях, оказавшихся в искусственной реальности с потерей способности к аналитическому мышлению. С помощью спецслужб эти гиганты, осуществляя цифровую диктатуру и геополитическую агрессию, управляют большими группами людей и блокируют неудобные им политические силы [Там же].

В прениях по докладу выступили многие делегаты собрания. Были и критические высказывания представителей оппозиции, которые также приняли участие в работе собрания. Но подавляющее большинство поддержало основные выводы и положения доклада президента, проявив высокий уровень геополитической самоидентификации. Выступающие отмечали важность сохранения единства белорусского общества. Поэтому, по мнению делегатов, предстоящий период в деле сохранения геополитической субъектности государства будет определяющим.

В связи с этим первоочередной задачей в этом направлении признаны вопросы образования и культуры, защиты исторической памяти для обеспечения геополитической субъектности государства. Такой подход был вызван, как отмечалось на форуме, из-за жесточайшей информационной агрессии извне для подготовки не просто цветной революции в стране, а открытого мятежа через блицкриг. Не случайно, по мнению народных представителей, 2021 г. в Беларуси должен стать Годом народного единства. Делегат В. Данилович предложил ежегодно отмечать День народного единства 17 сентября (начало процесса воссоединения белорусского народа) или 14 ноября, когда Верховный Совет Белорусской ССР в 1939 г. принял решение о включении в состав республики территории Западной Беларуси. Другой делегат А. Камай предложил учредить государственный праздник День партизана и подпольщика 16 июля, когда в 1944 г. в Минске состоялся партизанский парад [1, с. 45].

К числу важных задач делегаты собрания отнесли повышение эффективности государственного управления, создание условий для укрепления связи между обществом и властью, для раскрытия потенциала человека, качественного роста экономики. Выступающие предложили внести ряд изменений в конституцию страны, включая сделать Всебелорусское народное собрание высшей формой народного представительства¹.

Такое решение, по мнению делегатов, должно застраховать республику от потрясений, так как «речь идет о создании в Беларуси нового органа власти, преобразовании Всебелорусского собрания из площадки широкого общественного диалога с консультативно-рекомендательными функциями в субъект принятия решений и законодательной инициативы, который, вероятно, будет обладать стратегическими полномочиями»².

Касаясь темы придания Всебелорусскому народному собранию самостоятельной правосубъектности в конституционной системе Беларуси, необходимо отметить, что данный тезис еще в 2019 г. был выдвинут белорусским исследователем В. Г. Когутом в своей монографии «Республика Беларусь в Евразийском пространстве — современный геополитический дискурс», где автор с учетом современных вызовов и угроз, присущих Беларуси, формирует гипотезу о необходимости разработки и принятия «национальной геополитической доктрины Республики Беларусь как основополагающей концепции развития страны». Резюмируя при этом: «Высокий статус этого документа можно закрепить через механизм всенародного обсуждения и принятия его на Всебелорусском народном собрании, предварительно зафиксировав полномочия нового представительного органа в конституционном устройстве республики» [2, с. 258].

¹ *Осипов М.* Акценты расставлены. О чем говорили и что решили на Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] // СОЮЗ: сайт Союзного гос-ва. URL: <https://rg.ru/2021/02/17/o-chem-govorili-i-cto-reshili-na-vsebelorusskom-narodnom-sobranii.html> (дата обращения: 04.05.2021).

² *Шпаковский А.* Всебелорусское народное собрание как «коллективный Лукашенко»: взгляд в будущее [Электронный ресурс] // Сайт «Минской правды» Млын.бү. URL: <https://www.mlyn.by/novosti/2021/02/vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie-kak-kollektivnyj-lukashenko-vzglyad-v-budushhee/> (дата обращения: 21.06.2021).

Сравнивая VI Всебелорусское народное собрание с предыдущим форумом, ветеран труда Г. Михальцова отмечает: «Но в этот раз духовный, патриотический подъем у делегатов был несравнимо выше, каждый по-настоящему переживал за будущее Родины. Многие, если не все, готовы были выступать с трибуны, вносить предложения. Все прошло максимально конструктивно. ...Как никогда, считаю, мы гордились статусом делегата, чувствовали эмоциональный подъем. Как и груз персональной ответственности»¹. Г. Михальцова уверена, что самое пристальное внимание сегодня необходимо уделять молодежи, которая не помнит, какой была Беларусь в начале 1990-х — с разрухой, пустыми полками магазинов.

Форум осудил программу и действия оппозиции. Не случайно в программе оппозиции запланированы выход из Союзного государства, ЕАЭС, ОДКБ, повальная приватизация, распродажа земель сельскохозяйственного назначения с участием западных компаний, возобновление таможенного и пограничного контроля на границе с Россией, запрет пророссийских фондов и организаций, российских телеканалов, полная свобода для западных СМИ, исполнение всех критериев членства в ЕС, восстановление белорусской автокефальной церкви как альтернативы Белорусскому экзархату РПЦ.

«На улицах вопросы не решить... Главное, чтобы молодые люди не потеряли страну. В приоритете у молодого поколения должны быть “корни”: родители, дом, страна, а также наши добрые традиции, которые складывались веками и, к слову, не всегда соответствуют капиталистической морали. Не все в этой жизни измеряется деньгами», — сказал И. Протасеня, начальник участка вентиляции рудника 2-го рудоуправления ОАО «Беларускалий»².

Поэтому А. И. Русецкий, лесничий Великоавтюковского лесничества, заявил: «Нужно формировать культ личности трудолюбивого человека, хозяина своей малой родины и страны в целом. Нельзя обойти стороной и патриотическое воспитание нашей молодежи. Строить будущее нужно с опорой на историческую память. Мы должны уметь делать выводы и продолжать развивать мирную Беларусь, основываясь на опыте наших предков. VI Всебелорусское народное собрание должно стать тем этапом, который поможет грамотному развитию страны с учетом современных реалий»³.

В. А. Свирид, делегат собрания, заслуженный работник сельского хозяйства, председатель СПК им. Деньщикова Гродненского района, оценивая ситуацию в Беларуси, заявил, что «люди настроены на работу, а не шатание по улицам». Он подчеркнул, что «основная задача тружеников села — сеять хлеб, получать молоко и мясо, чтобы накормить не только себя, но и горожан, создавать продовольственную безопасность страны, а не выходить на улицу и митинговать. Сельчане хотят жить в спокойной, мирной стране». В своем агрогородке Луцковляны, по мнению делегата, «есть, конечно же, и такие, кто смотрит различные деструктивные телеграмм-каналы и верит тому, что там преподносят. Но их немного. В целом люди настроены работать, чтобы лучше жилось им, их семьям, а не бастовать». В. А. Свирид, как делегат Всебелорусского народного собрания, считает, что причиной прошедших событий в Минске и некоторых других городах являются упущения за последние годы в идеологической работе и, прежде всего, среди подрастающего поколения⁴.

В связи с этим делегат собрания О. Гайдукевич заявил: «В основе всего должны быть патриотизм и любовь к Родине, недопустимо, чтобы политики призывали к санкциям в отношении к собственной стране. Я не представляю ни одной страны мира, где политики, представляющие национальные интересы, требуют ввести санкции в отношении собственного народа» [1, с. 61–62].

В выступлениях делегатов сквозила мысль о том, что в основу гражданской идентификации белорусов, их патриотизма составляет миролюбие. Так, делегат П. Муравейко подчеркнул, что «историческая

¹ Михальцова Г. Какие самые важные тезисы были озвучены на VI Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] // Новостной портал «Правда Гомель». URL: <https://gp.by/novosti/obshchestvo/news230716.html> (дата обращения: 23.06.2021).

² «Не все в жизни измеряется деньгами» — делегат на Всебелорусское народное собрание Игорь Протасеня [Электронный ресурс] // Информационный портал Солигорского района «Шахцёр». URL: <http://shahter.by/vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie/ne-vse-v-zhizni-izmeryaetsya-dengami-delegat-na-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie-ot-soligorskogo-raiona-igor-protaseniya/> (дата обращения: 05.05.2021).

³ VI Всебелорусское народное собрание [Электронный ресурс] // Официальный сайт Калинковичского лесхоза. URL: <https://klinleshoz.by/новости/754-vi-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> (дата обращения: 05.05.2021).

⁴ Заслуженный работник сельского хозяйства, председатель СПК им. Деньщикова В. Свирид о ситуации в Беларуси [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/lyudi-nastroeny-na-rabotu-a-ne-shatanie-po-ulitsam.html> (дата обращения: 09.05.2021).

память белорусского народа не приемлет войн. Слишком дорого они для нас обошлись. Мы не хотим повторения человеческих трагедий и делаем все, чтобы обеспечить мир» [3, с. 62].

Д. Мишура, председатель Комиссии по вопросам образования, науки и культуры молодежного парламента при Национальном собрании Республики Беларусь выразила уверенность, что каждого равнодушного белоруса форум вдохновил на еще более продуктивную работу. Она подчеркнула: «Мне приятно было услышать, что государство и впредь будет уделять большое внимание подрастающему поколению. Яркая и эмоциональная речь главы государства не оставила равнодушным никого из присутствующих. Благодарна президенту за преданность своему народу. Это было выступление настоящего лидера!»¹

По мнению участников собрания, работа с молодежью должна быть связана с укреплением геополитической безопасности страны. Делегат П. Муравейко, заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил Республики Беларусь, поддержал идею главы государства о необходимости разработки новой Концепции национальной безопасности. Он отметил: «Следует учитывать, что военные опасности по периметру наших границ и внутри республики постоянно трансформируются. Нельзя игнорировать объективные факты, когда некоторые соседние с нами страны становятся инструментом для реализации стратегических целей своих заокеанских “патронов”, попутно стараясь решить свои национальные проблемы за счет белорусов. Растут иные военные угрозы. Среди них — международный терроризм, развитие наемничества в лице частных военных компаний, информационные операции» [1, с. 18].

Не случайно в настоящее время штаб-квартира многонационального корпуса НАТО «Северо-Восток» находится в Польше. В боевых операциях корпуса принимают участие более двух десятков стран. США проводят серию непрерывных военных мероприятий «Атлантическая решимость», заявляя о своем постоянном присутствии в регионе. Многонациональные военные формирования НАТО в рамках «расширенного передового присутствия» сегодня находятся в Польше, Латвии, Литве и Эстонии. По дополнительным соглашениям только в одной Польше могут находиться до 20 тыс. американских военнослужащих [Там же, с. 21].

Таких деловых выступлений со стороны делегатов было много. Обобщая итоги собрания, С. Кандыбович, председатель Федеральной национально-культурной автономии белорусов России заявил: «От Всебелорусского народного собрания самые восхитительные впечатления. ...Само же Всебелорусское народное собрание прошло абсолютно по-деловому, люди говорили о своих проблемах, но самое главное — у всех позитивная нацеленность на будущее»².

Форум проанализировал итоги выполнения решений V Всебелорусского народного собрания и констатировал, что они в основном выполнены. В принятой резолюции собрания в первую очередь было отмечено, что «удалось обеспечить рост уровня жизни населения, сохранить безопасность и суверенитет страны. ...В стране обеспечена стабильная занятость населения, реальная заработная плата выросла более чем в 1,3 раза». В резолюции также отмечается о высоком уровне белорусского образования и здравоохранения³. Достигнутые успехи в выполнении решений V Всебелорусского народного собрания позволили в целом укрепить геополитический статус Республики Беларусь.

VI Всебелорусское народное собрание определило приоритеты предстоящего пятилетия. Они направлены на усиление единства и развитие белорусского общества, включая укрепление традиционных семейно-нравственных ценностей и установок. Резолюция собрания определила меры по укреплению здоровья нации, созданию образовательной системы нового типа, высокоинтеллектуальной среды, прежде всего среди молодежи.

¹ Мишура Д. Стабильное развитие государства зависит и от того, насколько его социально-экономический курс поддерживает молодое поколение [Электронный ресурс] // Новостной портал «Правда Гомель». URL: <https://gp.by/novosti/obshchestvo/news231497.html> (дата обращения: 23.06.2021).

² О чем говорили и что решили на Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] // Сайт новостей Seldon.News. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/245806104> (дата обращения: 23.06.2021).

³ Резолюция VI Всебелорусского народного собрания [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/rezolyutsiya-vi-vsebelorusskogo-narodnogo-sobraniya.html> (дата обращения: 03.05.2021).

Определены меры по укреплению региональной политики, формированию сильных регионов республики через «создание новых производств, комфортной среды проживания, разветвленной транспортной и социальной инфраструктуры за пределами столицы и областных центров». Особое внимание было обращено на «укрепление диалога и взаимного доверия между государством и обществом, государством и человеком, государством и бизнесом».

VI Всебелорусское народное собрание признало необходимость формирования новых высокотехнологических отраслей промышленности и сельского хозяйства, динамичного развития транзитного потенциала и логистики, расширения туризма, повышения качества и доступности социальных услуг.

Резолюция собрания акцентировала внимание на активную внешнюю политику, развитие взаимовыгодных экономических и культурных интеграционных процессов в рамках Союзного государства, ЕАЭС и СНГ, на укрепление стратегического сотрудничества с КНР.

Признана необходимость в 2021 г. «разработать предложения по изменению Конституции Республики Беларусь для их последующего вынесения на всенародное обсуждение и республиканский референдум»¹.

Все эти меры, по мнению делегатов, должны значительно повысить геополитический потенциал республики.

Таким образом, в заключение следует отметить, что VI Всебелорусское собрание стало особым форумом в новейшей истории республики, которое состоялось в судьбоносный период развития белорусского общества. Предшествующий широкий общенациональный диалог определил главную отличительную черту собрания [1, с. 3]. Итогом его работы стало создание позитивного образа будущего Беларуси. Политические и общественные силы, заинтересованные в сохранении и росте геополитического статуса республики, призваны развивать национальную модель государственности, руководствуясь принципом «Беларусь — высшая ценность».

Отношение к VI Всебелорусскому народному собранию является показателем отношения общества к геополитическому будущему Беларуси, что обязывает белорусов «подняться» на геополитический уровень оценки современной ситуации как в республике, так и в мире в целом. Каждое поколение белорусского общества через адекватную геополитическую самоидентификацию формирует свою историческую миссию в деле сохранения и укрепления геополитической субъектности Республики Беларусь².

Литература

1. Единство, развитие и независимость : материалы VI Всебелорусского народного собрания. Минск : Белорусский Дом печати. 2021. 111 с.
2. Когут В. Г. Республика Беларусь в Евразийском пространстве: современный геополитический дискурс. СПб. : Изд-во СПбГЭУ. 2019. 344 с.
3. Лукашенко А. Г. Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] // Сайт Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> (дата обращения: 21.02.2021).
4. Нурышев Г. Н., Когут В. Г. Актуальные проблемы геополитики. СПб. : Изд-во СПбГЭУ. 2020. 203 с.

Об авторах:

Когут Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ — полномочный представитель Национального собрания (Минск, Республика Беларусь), кандидат политических наук; vgkogut@gmail.com

¹ Резолюция VI Всебелорусского народного собрания [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/rezolyutsiya-vi-vsebelorusskogo-narodnogo-sobraniya.html> (дата обращения: 03.05.2021).

² Белорусский институт стратегических исследований (БИСИ) [Электронный ресурс] // Bistr.gov.by. URL: <https://bistr.gov.by/mneniya/vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie-apelliruet-k-mudrosti-belorusov> (дата обращения: 03.05.2021).

Нурышев Геннадий Николаевич, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; g.nuryshev@yandex.ru

References

1. Unity, Development and Independence: Based on the Materials of the VI All-Belarusian People's Assembly. Minsk : Belarusian Printing House, 2021. 111 p. (In Rus.)
2. Kogut V. G. The Republic of Belarus in the Eurasian Space: Modern Geopolitical Discourse. SPb. : Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2019. 344 p. (In Rus.)
3. Lukashenko A. G. Report of the President of Belarus at the VI All-Belarusian People's Assembly [Electronic resource] // Website of the President of the Republic of Belarus. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> (date accessed: 21.02.2021). (In Rus.)
4. Nuryshv G. N., Kogut V. G. Actual Problems of Geopolitics. Saint Petersburg : Publishing House of SPbSEU, 2020. 203 p. (In Rus.)

About the authors:

Victor G. Kogut, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic (Minsk, Republic of Belarus), PhD in Political Sciences; vgkogut@gmail.com

Gennady N. Nuryshv, Professor of St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences); g.nuryshev@yandex.ru

Внешняя торговля Казахстана с партнерами ЕАЭС: предварительные итоги

Додонов В. Ю.

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан,
Нур-Султан, Республика Казахстан; dodonovv@mail.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на выявление предварительных результатов внешней торговли Казахстана со странами, имеющими соглашения об экономическом сотрудничестве с Евразийским экономическим союзом.

Цель. Выявить наличие эффектов для внешней торговли Казахстана от соглашений с государствами — партнерами ЕАЭС, проявляющихся в увеличении товарооборота и экспорта.

Задачи. Проанализировать показатели внешней торговли Казахстана с государствами, имеющими с ЕАЭС преференциальные режимы сотрудничества, сопоставить эти показатели периода действия соответствующих соглашений с предыдущими периодами, а также с параметрами внешней торговли Казахстана в целом, оценить результаты внешней торговли в период действия соглашений об экономическом сотрудничестве.

Методология. В настоящей работе использованы методы анализа динамических рядов и сравнительного анализа.

Результаты. Исследование показало, что в большинстве случаев интенсивность взаимной торговли Казахстана со странами, имеющими преференциальные режимы сотрудничества с ЕАЭС, значительно возросла после заключения соглашений. Торговля Казахстана с единственной страной, имеющей относительно длительную историю действующего соглашения о свободной торговле, Вьетнаме, показала значительный рост в этот период, многократно превосходящий общие показатели внешней торговли. Опережающий рост товарооборота с рассмотренными странами происходит, как правило, за счет увеличения объема казахстанского экспорта, что положительно отражается на внешней торговле в целом и оказывает позитивное влияние на показатели торгового и платежного баланса. Совокупный эффект для внешней торговли Казахстана от наращивания товарооборота со странами — партнерами ЕАЭС достаточно велик и измеряется годовым приростом товарооборота на уровне более 650 млн долл. США и приростом экспорта в размере немногим менее 1 млрд долл. США.

Выводы. Предварительные итоги внешней торговли Казахстана со странами — партнерами ЕАЭС являются положительными и подтверждают наличие потенциала для углубления дальнейшего сотрудничества по линии заключения новых торговых и иных соглашений с другими государствами.

Ключевые слова: ЕАЭС, торговые соглашения, международная торговля, экспорт, внешняя торговля Казахстана

Для цитирования: Додонов В. Ю. Внешняя торговля Казахстана с партнерами ЕАЭС: предварительные итоги // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 21–32.

Kazakhstan's Foreign Trade with EAEU Partners: Preliminary Results

Vyacheslav Yu. Dodonov

Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan; dodonovv@mail.ru

ABSTRACT

This study is aimed at identifying the preliminary results of Kazakhstan's foreign trade with countries that have agreements on economic cooperation with the Eurasian Economic Union.

Aim. Identification the emergence of effects for Kazakhstan's foreign trade from agreements with the EAEU partner states.

Tasks. Analyze the indicators of Kazakhstan's foreign trade with states that have preferential modes of cooperation with the EAEU, compare these indicators of the validity period of the relevant agreements with previous periods and with the parameters of Kazakhstan's foreign trade as a whole, assess the results of foreign trade during the period of validity of agreements on economic cooperation.

Methods. In this work, we used the methods of time series analysis and comparative analysis.

Results. The study showed that in most cases, the intensity of Kazakhstan's mutual trade with countries that have preferential regimes of cooperation with the EAEU has significantly increased after the conclusion of agreements. Trade of Kazakhstan with the only country with a relatively long history of the current free trade agreement, Vietnam, showed significant growth during this period, many times higher than the general indicators of foreign trade. The outstripping growth in trade with the considered countries occurs, as a rule, due to an increase in Kazakhstani exports, which has a positive effect on foreign trade as a whole and has a positive effect on the indicators of the trade and balance of payments. The cumulative effect for Kazakhstan's foreign trade from increasing trade with the EAEU partner countries is quite large and is measured by an annual increase in trade turnover at the level of more than \$ 650 million, and an increase in exports in the amount of slightly less than \$ 1 billion.

Conclusion. The preliminary results of Kazakhstan's foreign trade with the EAEU partner countries are positive and confirm the existence of potential for further cooperation through the conclusion of new trade and other agreements with other states.

Keywords: EAEU, trade agreements, international trade, export, foreign trade of Kazakhstan

For citing: Dodonov V. Y. Kazakhstan's Foreign Trade with EAEU Partners: Preliminary Results // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 21–32.

Введение

Евразийский экономический союз стремится к сотрудничеству с другими странами мира, что подкрепляется встречным интересом многих государств к установлению преференциальных отношений. К настоящему времени ЕАЭС имеет пять подписанных соглашений о различных форматах торгового и иного сотрудничества с такими государствами, как Вьетнам, Иран, КНР, Сингапур и Сербия. Кроме того, с 2018 г. в ЕАЭС получили статус наблюдателя Молдова, Узбекистан и Куба. Со многими странами готовятся к подписанию новые торговые соглашения, интерес к более тесному сотрудничеству с ЕАЭС проявляют десятки государств.

Новые возможности экономического сотрудничества, которые открывают такого рода соглашения, потенциально выгодны для всех стран ЕАЭС, однако итоги их реализации могут быть различными. Существуют опасения, что выгоды от создаваемых преференциальных торговых режимов будут неравномерны, есть мнения, что открытие внутренних рынков в их рамках приведет к росту импорта из стран — партнеров ЕАЭС по таким соглашениям и ущемлению интересов национальных товаропроизводителей. В этой связи целесообразно проанализировать первые итоги торговли Казахстана с партнерами ЕАЭС по подписанным соглашениям с целью осмысления их преимуществ и недостатков для казахстанской стороны.

При этом необходимо учитывать, что итоги торговли Казахстана со странами, заключившими с ЕАЭС соглашения, пока что носят сугубо предварительный характер, так как имеют очень короткую историю, а некоторые соглашения еще не ратифицированы всеми сторонами и не вступили в силу. Тем не менее оценка даже столь предварительных итогов заслуживает внимания в контексте будущего расширения

экономического сотрудничества ЕАЭС с новыми партнерами и учета имеющегося опыта для Казахстана в данной сфере.

Обзор существующих соглашений ЕАЭС с третьими странами

Евразийский экономический союз нацелен не только на обеспечение свободной торговли товарами и услугами между государствами-членами, но и на усиление экономического сотрудничества с третьими странами. Основным направлением такого сотрудничества в настоящее время также является внешняя торговля, что выражается в заключении ЕАЭС соглашений в этой сфере с рядом государств. Данные соглашения призваны активизировать торгово-экономическое сотрудничество между его сторонами за счет установления преференциальных режимов внешней торговли (снижения или отмены ввозных таможенных пошлин, фиксации перечня товарных изъятий, взаимного уведомления об изменениях торгового режима, либерализации торговли услугами и пр.). В настоящее время действуют пять соглашений с отдельными странами о сотрудничестве, преимущественно в сфере торговли¹:

- Соглашение о свободной торговле между государствами — членами ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам (подписано в 2015 г., вступило в силу 5.10.2016);
- Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны (подписанное в 2018 г. и вступившее в силу 27.10.2019);
- Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны (вступившее в силу 29.10.2019);
- Соглашение о свободной торговле с Республикой Сингапур (подписано в октябре 2019 г.);
- Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербией, с другой стороны (подписано в октябре 2019 г.).

Как неоднократно заявляли представители Евразийской экономической комиссии, интерес к укреплению взаимосвязей с ЕАЭС проявляют несколько десятков государств мира, с рядом из них ведется предметная работа по подготовке соответствующих соглашений. К началу 2021 г. ЕЭК заключила 14 меморандумов о сотрудничестве или взаимопонимании с правительствами третьих стран (Бангладеш, Греция, Иордания, Индонезия, Камбоджа, Куба, Марокко, Молдова, Монголия, Перу, Сингапур, Таиланд, Фарерские острова, Чили), а также 9 меморандумов с региональными интеграционными группировками (Содружество Независимых Государств, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Общий рынок стран Южной Америки, Тихоокеанский альянс, Андское сообщество, Секретариат по экономической интеграции в Центральной Америке, Латиноамериканская ассоциация интеграции, Союзное государство, Африканский союз)². На состоявшемся 21 мая текущего года заседании Высшего Евразийского экономического совета главы государств ЕАЭС высказали пожелания ускорить работу по подготовке и заключению соглашений о свободной торговле с такими странами, как Индия, Израиль, Египет, Индонезия, Монголия³.

Следует отметить, что форматы уже заключенных соглашений имеют существенные отличия. Пять подписанных соглашений представляют три градации торгового (и иного) сотрудничества. Максимальный уровень благоприятствования взаимной торговле представляют соглашения с Вьетнамом, Сингапуром и Сербией о свободной торговле, каждое из которых предусматривает создание зоны свободной тор-

¹ Торговые соглашения Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия, 2021. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Торговые-соглашения-ЕАЭС.aspx> (дата обращения: 26.07.2021).

² Итоги заседания ВЕЭС 21 мая 2021 г. Общественный совет при ФТС России. 24 мая 2021 г. // Официальный сайт «Новости». URL: <http://www.osfts.ru/novosti/2021/1630-itogi-zasedaniya-vees-21-maya> (дата обращения: 26.07.2021).

³ Заседание Высшего Евразийского экономического совета. Владимир Путин в режиме видеоконференции принял участие в заседании Высшего Евразийского экономического совета 21 мая 2021 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/43/events/65626> (дата обращения: 24.07.2021).

говли (ЗСТ), хотя конкретные особенности в каждом случае могут отличаться в таких параметрах, как объем товарной номенклатуры, подпадающей под льготный режим, длительность переходных периодов и пр. Соглашение с Ираном отличается от соглашений о формировании ЗСТ тем, что в соответствии с его условиями ввозные таможенные пошлины в торговле между странами ЕАЭС и Ираном снижаются или устраняются по ограниченному охвату товаров, а не практически по всей товарной номенклатуре¹. Наконец, соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем не является соглашением о свободной торговле и не предусматривает снижения или устранения ввозных таможенных пошлин. Это соглашение направлено на совершенствование экономического взаимодействия по широкому кругу вопросов, включая таможенное сотрудничество, технические барьеры в торговле, санитарные и фитосанитарные меры, меры торговой защиты, вопросы электронной торговли, интеллектуальной собственности, конкуренции и государственных закупок, а также отраслевого сотрудничества².

Также можно отметить, что, помимо членства в ЕАЭС или торговых соглашений с объединением, существует формат государства-наблюдателя в союзе. За последние три года три страны получили статус наблюдателя при ЕАЭС. В 2018 г. такой статус получила Молдова, в 2020 г. — Узбекистан и Куба. Этот статус дает возможность направить своего представителя по месту пребывания Евразийской экономической комиссии, уполномоченного на регулярной основе взаимодействовать с ЕЭК. В то же время этот статус не предполагает создание конкретных преференций в торгово-экономическом сотрудничестве. Тем не менее представляет интерес и то, влияет ли данный статус на активизацию внешней торговли его обладателя со странами ЕАЭС.

Оценка результатов данных соглашений в экономической литературе в настоящее время не получила широкого распространения в силу непродолжительности их фактического функционирования. Многие авторы тем не менее высказывались о перспективах влияния такого рода соглашений на экономическое сотрудничество положительно еще до появления первых итогов на основе мирового опыта либо общей логики экономического развития [1; 5]. Многие специалисты отмечали, что курс на более тесные формы сотрудничества ЕАЭС с третьими странами отвечает их интересам, являясь фактором ускорения экономического развития [4; 6; 9], а также указывали на позитивные последствия данных форматов сотрудничества в более широком контексте, включая расширение экономических и политических связей [10]. Некоторые эксперты в то же время указывали на то, что расширение использования соглашений с третьими странами несет и определенные риски для экономических интересов ЕАЭС [3], а зарубежные исследователи традиционно акцентируют внимание на политических последствиях и рисках усиления экономических связей в рамках евразийской интеграции [11; 12].

Несмотря на пока что крайне непродолжительную длительность функционирования соглашений ЕАЭС с третьими странами, уже имеются и первые оценки их результатов, а также практики их заключения и применения. Рассматриваются особенности институциональных форматов взаимодействия с третьими странами [2], подводятся итоги влияния на внешнюю торговлю ЕАЭС и отдельных стран союза соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом, которое является самым длительным и фактически единственным, дающим материал для анализа, результаты которого свидетельствуют о позитивных итогах в части значительного роста экспорта и импорта [7; 8].

Действие соглашений ЕАЭС с третьими странами, на наш взгляд, целесообразно оценивать не только в рамках сотрудничества с ними союза в целом, но и на уровне отдельных стран. Такая оценка позволит уточнить специфику влияния соглашений на входящие в ЕАЭС экономики, которые при анализе общесоюзных параметров микшируются значительно превосходящими их масштабами внешней торгов-

¹ Обзор ключевых положений Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия, 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Иран/Брошюра_Временное%20соглашение%20с%20Ираном.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

² Обзор ключевых положений Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия, 2020. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Брошюра%20КНР.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

ли России. В настоящей статье предпринимается попытка оценить предварительные итоги влияния на внешнюю торговлю Казахстана более тесных отношений с государствами, не входящими в ЕАЭС, с точки зрения того, привел ли новый статус этих государств к увеличению товарооборота с ними Казахстана. В то же время, рассматривая соответствующие процессы, необходимо проводить оценку корректно, учитывая ряд следующих факторов:

- срок фактического действия торговых соглашений и возможный временной лаг между их вводом в действие и проявлением эффектов;
- общую ситуацию во внешней торговле Казахстана и влияние на нее иных факторов;
- эффекты базы и размера внешнеторгового оборота с отдельными странами, которые могут существенно исказить картину двустороннего сотрудничества.

Первый аспект из указанных выше представляется особенно актуальным, поскольку практически по всем пяти подписанным торговым соглашениям ЕАЭС существуют достаточно значительные временные лаги между их подписанием и вводом в действие. Соответственно, оценка эффектов для внешней торговли возможна в очень ограниченной по срокам ретроспективе и не для всех стран. В частности, два из трех соглашений о свободной торговле (с Сербией и Сингапуром) хотя и подписаны осенью 2019 г., еще находятся в стадии ратификации, соответственно, эффекты от них в настоящее время отсутствуют. Это же относится к возможностям оценки эффектов от предоставления статуса наблюдателей Узбекистану и Кубе, который был получен этими государствами в конце 2020 г.

Таким образом, количественной оценке в настоящее время поддаются торговые отношения только с Вьетнамом в период 2017–2020 гг. (поскольку соглашение с этой страной вступило в силу в конце 2016 г.), Ираном и Китаем (за 2020 г., как единственный полный год действия соответствующих соглашений) и с Молдовой за 2019–2020 гг., хотя в данном случае оценка будет носить достаточно условный характер, учитывая, что статус наблюдателя, полученный Молдовой в 2018 г., не сопровождается получением преференциального торгового режима. Для всех четырех государств, по которым возможна оценка влияния заключенных с ними торговых соглашений на внешнюю торговлю Казахстана, различны периоды этой оценки. Самый длительный период торговли в условиях соглашения с ЕАЭС у Вьетнама (четыре года), минимальный, всего один полный год — у Ирана и КНР, причем он совпал с годом мирового экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, которая очень сильно исказила как показатели мировой торговли, так и торговли Казахстана.

Анализ параметров внешней торговли Казахстана со странами — партнерами ЕАЭС

Для более полного представления о характере изменений, которые произошли в торговле между этими странами и Казахстаном после получения ими нового статуса в отношениях с ЕАЭС, целесообразно рассмотреть все три основных параметра внешней торговли — товарооборот, экспорт и импорт. При этом для повышения корректности оценок и учета более общих факторов изменения в двусторонней торговле следует соотносить с аналогичными показателями внешней торговли Казахстана в целом. В таблице 1 представлены указанные параметры для четырех стран, по которым существует доступный для анализа период их торговли с Казахстаном в качестве партнеров ЕАЭС по итогам 2020 г. Показатели внешней торговли этого года приведены в сравнении с аналогичными индикаторами того года, который предшествовал получению того или иного партнерского статуса соответствующей страны с ЕАЭС. Для Вьетнама это 2016 г., для КНР и Ирана — 2019-й, для Молдовы — 2017-й.

По трем странам из четырех в 2020 г. произошло увеличение объемов внешней торговли, несмотря на то что прошлый год был кризисным и характеризовался существенно меньшими объемами внешнеторгового оборота Казахстана (который уменьшился на 13% относительно 2019 г.). Единственной страной, торговля с которой в 2020 г. сократилась относительно периода, предшествующего установлению партнерства с ЕАЭС, стал Иран, в остальных случаях был отмечен рост, хотя за счет разных компонентов торговли — в случае Вьетнама рост произошел за счет импорта, в случае КНР и Молдовы — за счет экспорта (рис. 1). При этом необходимо отметить, что единственный пример отрицательного роста

товарооборота — с Ираном — мог быть обусловлен действием неэкономического внешнего фактора — санкций США в отношении этой страны, которые заметно осложнили сотрудничество с ней казахстанских партнеров. Ухудшение условий торговых связей с Ираном вследствие санкций США признают и отраслевые эксперты Казахстана, в частности, в отношении экспорта зерна¹, металлургии², морского транспорта³. Проблема признается и на официальном уровне — МИД РК отмечает, что «реализация ряда проектов затруднена в связи с санкциями США»⁴.

Таблица 1

Показатели внешней торговли Казахстана с Вьетнамом, Ираном, КНР и Молдовой в 2020 г. в сравнении с годом, предшествующим заключению соглашений с этими странами, млн долл. США⁵

Table 1. Indicators of Kazakhstan's Foreign Trade with Vietnam, Iran, China and Moldova in 2020 Compared to the Year Preceding the Conclusion of Agreements with these Countries, USD million

Страны	2016			2020		
	Товарооборот	Экспорт	Импорт	Товарооборот	Экспорт	Импорт
Вьетнам	366,3	167,5	198,8	380,8	57,4	323,5
Всего	62113,7	36736,9	25376,7	85031,1	46949,7	38081,4
	2019			2020		
	Товарооборот	Экспорт	Импорт	Товарооборот	Экспорт	Импорт
Иран	377,4	295,9	81,5	237,0	129,0	108,1
КНР	14792,5	8003,9	6788,6	15391,0	9004,0	6387,0
Всего	97774,9	58065,6	39709,3	85031,1	46949,7	38081,4
	2017			2020		
	Товарооборот	Экспорт	Импорт	Товарооборот	Экспорт	Импорт
Молдова	43,4	29,0	14,4	75,8	63,0	12,8
Всего	78102,9	48503,3	29599,6	85031,1	46949,7	38081,4

Оценивая влияние соглашений ЕАЭС на показатели внешней торговли, необходимо учитывать, что отдельные годы не являются репрезентативными для полноценной оценки ситуации, особенно с учетом того, что в последние несколько лет внешнеэкономическая конъюнктура была подвержена сильным искажениям из-за высокой турбулентности мировых рынков. Эти факторы затрудняют сопоставление как в части подведения итогов 2020 г., озаменованного пандемией и мировым экономическим кризисом, так и в части базового года сопоставления (например, 2016 г. также был отмечен нетипично низкими ценами на нефть). Поэтому для повышения корректности оценок целесообразно сравнить изменение параметров внешней торговли не по отдельным годам, а по периодам аналогичной продолжительности. В отношении Ирана и КНР эти периоды будут равны году, так как их особые отношения с ЕАЭС в рамках соответствующих соглашений имеют только по одному полному году истории. Для Молдовы такие пе-

¹ Американские санкции затрудняют экспорт казахстанского зерна в Иран [Электронный ресурс] // Inbusiness.kz, 05.11.2019. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/amerikanskije-sankcii-zatrudnyayut-eksport-kazahstanskogo-zerna-v-iran> (дата обращения: 01.06.2021).

² Санкции США пугают казахстанских металлургов [Электронный ресурс] // Информационный портал 365info, 19.07.2018. URL: <https://365info.kz/2018/07/sanktsii-ssha-pugayut-kazahstanskiy-metallurgov> (дата обращения: 02.06.2021).

³ Антииранские санкции США бьют по экономике казахстанских предприятий [Электронный ресурс] // Корпоративное издание группы компаний «Самрук-Казына» sknews.kz, 29.06.2021. URL: <https://sknews.kz/news/view/antiiranskije-sankcii-ssha-byut-po-ekonomike-kazahstanskiy-predpriyatij> (дата обращения: 03.07.2021).

⁴ Сотрудничество Республики Казахстан с Исламской Республикой Иран [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Республики Казахстан, 07.10.2019. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/468?lang=ru> (дата обращения: 23.07.2021).

⁵ Составлено по: [Электронный ресурс]. Основные показатели внешней торговли Республики Казахстан по странам. Статистика внешней и взаимной торговли // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6> (дата обращения: 02.06.2021).

риоды имеют длительность в два года, а для Вьетнама — четыре года. Поскольку для Ирана и КНР изменение показателей на годовом интервале были рассмотрены выше, рассмотрим изменение средних показателей внешней торговли Казахстана с Вьетнамом и Молдовой за четырех- и двухлетний период соответственно (таб. 2).

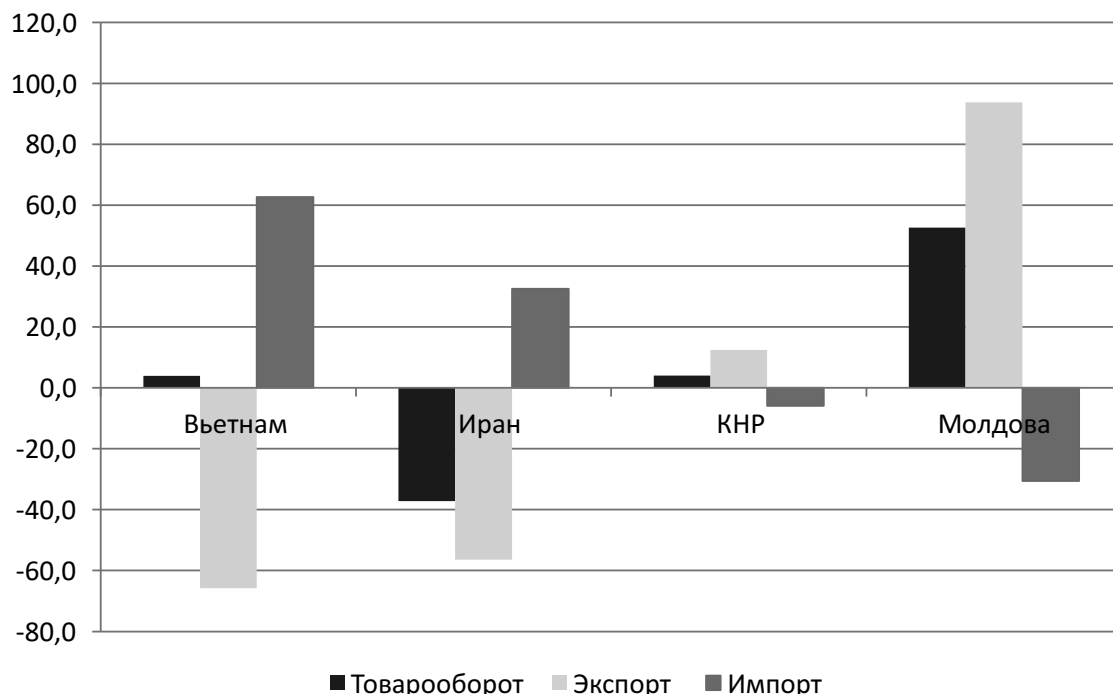

Рис. 1. Изменение показателей внешней торговли Казахстана с Вьетнамом, Ираном, КНР и Молдовой в 2020 г. относительно года, предшествующего заключению соглашений с этими странами¹, %

Fig. 1. Changes in the indicators of Kazakhstan's foreign trade with Vietnam, Iran, China and Moldova in 2020 relative to the year preceding the conclusion of agreements with these countries, %

Средние за период показатели внешней торговли Казахстана с двумя странами в обоих случаях продемонстрировали значительно лучшую динамику, чем общие показатели внешней торговли страны. Особенно выраженным был эффект в торговле с Вьетнамом. Средний за четыре года объем двусторонней торговли вырос с 270 млн долл. в 2013–2016 гг. до 459 млн долл. в период действия Соглашения о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом, то есть на 70%. При этом основной прирост товарооборота был обеспечен увеличением поставок казахстанской продукции во Вьетнам — средний объем экспорта в эту страну за период действия соглашения вырос в 3,5 раза, с 45 до 160 млн долл., хотя и импорт из Вьетнама также продемонстрировал рост.

Особо следует отметить тот факт, что динамика торговли с Вьетнамом была значительно более интенсивной по сравнению с показателями внешней торговли Казахстана в целом, которые в этот период были отрицательными. Таким образом, в период действия соглашения с Вьетнамом торговля Казахстана с этой страной показала многократное превышение показателей внешней торговли в целом.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в торговле Казахстана с Молдовой. Средние объемы взаимной торговли за два года, проведенные этой страной в качестве наблюдателя ЕАЭС, были значительно выше, чем для предшествующего двухлетнего периода. Средний объем товарооборота за 2019–2020 гг.

¹ Составлено по: [Электронный ресурс]. Основные показатели внешней торговли Республики Казахстан по странам. Статистика внешней и взаимной торговли // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6> (дата обращения: 02.06.2021).

вырос на 18%, экспорта — на 42%, импорт же сократился на 30%. Как и в случае с Вьетнамом, основной вклад в увеличение взаимной торговли внес рост казахстанского экспорта. И так же, как и в случае с Вьетнамом, рост как объема торговли в целом, так и объем экспорта в несколько раз превысили агрегированные показатели внешней торговли Казахстана за период.

Таблица 2

Изменение показателей внешней торговли Казахстана с Вьетнамом и Молдовой (млн долл. США)¹

Table 2. Changes in the indicators of Kazakhstan's foreign trade with Vietnam and Moldova (USD million)

ВЬЕТНАМ		
Товарооборот	Экспорт	Импорт
Среднее значение за 2013–2016 гг.		
270,2	45,3	225,0
Среднее значение за 2017–2020 гг.		
459,1	159,8	299,3
Изменение, %		
69,9	253,0	33,1
Изменение средних показателей внешней торговли Казахстана в целом за тот же период, %		
-9,5	-13,1	-3,4
МОЛДОВА		
Среднее значение за 2017–2018 гг.		
48,2	32,4	15,8
Среднее значение за 2019–2020 гг.		
57,0	45,9	11,0
Изменение, %		
18,3	41,9	-30,1
Изменение средних показателей внешней торговли Казахстана в целом за тот же период, %		
5,7	-4,2	23,0

Изменение объемов торговли Казахстана с Китаем и Ираном в сопоставлении с общими показателями за год действия соглашения с этим странами выглядит следующим образом. Товарооборот с Ираном в 2020 г. сократился на 37%, а товарооборот с КНР вырос на 4% при общем сокращении внешней торговли Казахстана на 13%. Экспорт из Казахстана в Иран сократился на 56%, а в КНР вырос на 12,5% при сокращении общего объема казахстанского экспорта на 19%. Импорт в Казахстан из Ирана вырос на 32,5%, из КНР сократился на 6% при сокращении общего объема импорта на 4%. Таким образом, торговля Казахстана с КНР в течение первого года действия Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС и Китая характеризовалась значительно большей интенсивностью, чем внешняя торговля страны в целом, тогда как в случае Ирана ситуация была обратной, хотя можно отметить значительный рост импорта из этой страны.

Оценка предварительных итогов торговли Казахстана с партнерами ЕАЭС

Промежуточные итоги торговли Казахстана с четырьмя странами, имеющими преференциальные отношения с ЕАЭС, демонстрируют ее активизацию в целом, причем преимущественно за счет увеличения экспорта в соответствующие страны. Годовой эффект от увеличения показателей внешней торговли с данными государствами достаточно значителен. Этот эффект может быть рассчитан как изменение средних годовых значений товарооборота, экспорта и импорта за период особого статуса страны в от-

¹ Составлено по: [Электронный ресурс]. Основные показатели внешней торговли Республики Казахстан по странам. Статистика внешней и взаимной торговли // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6> (дата обращения: 02.06.2021).

ношениях с ЕАЭС относительно аналогичных показателей предшествующего периода. Результаты этих расчетов по каждой из четырех стран и суммарных объемов приведены на рисунке 2. Совокупный эффект для внешней торговли от увеличения годового товарооборота с четырьмя государствами составил 656 млн долл. США, при этом годовой прирост экспорта составил 961 млн долл., а импорт сократился на 305 млн долл. Тот факт, что основной прирост товарооборота произошел за счет экспорта, также свидетельствует о росте положительного сальдо внешней торговли с этими странами и его вкладе в формирование профицита внешней торговли Казахстана в целом.

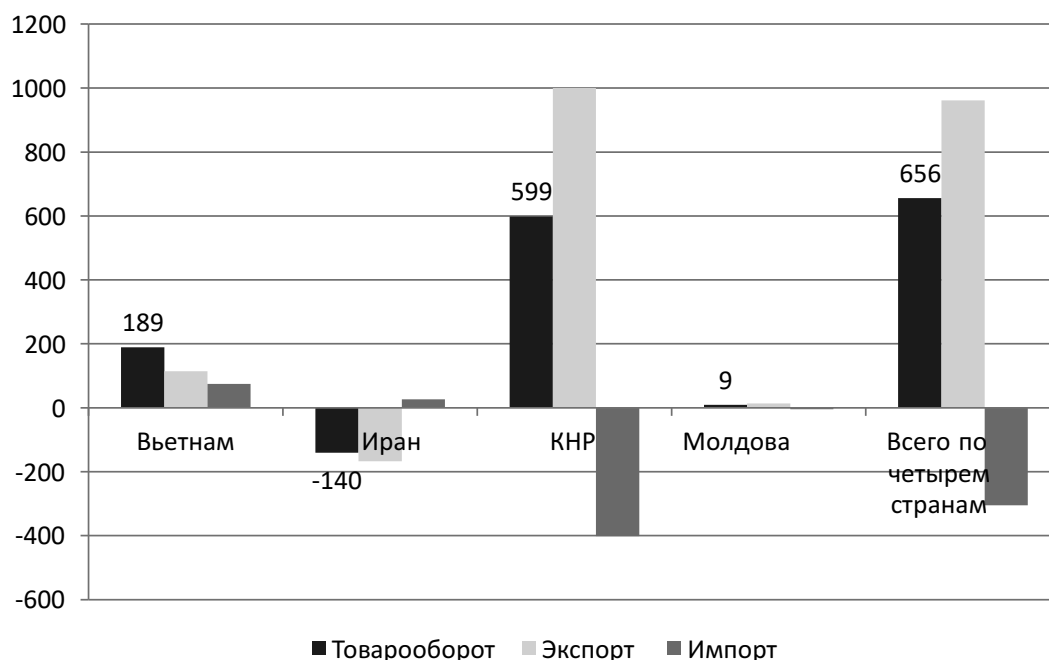

Рис. 2. Изменение среднегодовых объемов внешней торговли Казахстана со странами — партнерами ЕАЭС (млн долл. США)¹

Fig. 2. Change in the average annual volume of Kazakhstan's foreign trade with the EAEU partner countries (USD million)

Безусловно, рассматриваемый промежуток времени внешней торговли в условиях действия соглашений с партнерами ЕАЭС недостаточно велик и подвержен влиянию сильной волатильности вследствие доминирования в агрегированных показателях крупнейшего торгового партнера — КНР, который формирует основную часть суммарного эффекта. В то же время можно обратить внимание на достаточно показательный опыт внешней торговли с Вьетнамом, которая наиболее продолжительна в условиях соглашения о свободной торговле и за четырехлетний период продемонстрировала убедительную положительную динамику, значительно опередившую общие показатели внешней торговли Казахстана. Также можно отметить, что рост экспорта в эту страну в рамках новых условий торговли сопровождается значительным снижением издержек экспортеров на таможенных пошлинах. На момент подписания соглашения о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом ежегодная экономия на пошлинах оценивалась в интервале от 40 до 60 млн долл. для всех стран Союза.² Учитывая, что доля Казахстана в торговле с Вьетнамом среди стран ЕАЭС составляет около 7–8%, эффект

¹ Составлено по: [Электронный ресурс]. Основные показатели внешней торговли Республики Казахстан по странам. Статистика внешней и взаимной торговли // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6> (дата обращения: 02.06.2021).

² Вступило в силу соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 06.10.2016. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06-10-2016-1.aspx> (дата обращения: 31.05.2021).

экономии на пошлинах для казахстанских экспортеров в рамках данного соглашения может составлять порядка 4–5 млн долл.

Подводя итоги рассмотрению внешней торговли Казахстана со странами, имеющими особые режимы сотрудничества с ЕАЭС, можно выделить следующие ее особенности:

- в большинстве случаев, по трем странам из четырех, интенсивность торговли Казахстана значительно возросла после заключения соглашений;
- торговля Казахстана с единственной страной, имеющей относительно длительную историю действующего соглашения о свободной торговле, Вьетнаме, показала значительный рост в этот период, многократно превосходящий общие показатели внешней торговли, что может свидетельствовать об эффективности такой формы сотрудничества и с другими государствами;
- опережающий рост товарооборота с рассмотренными странами происходит, как правило, за счет увеличения казахстанского экспорта, что положительно отражается на внешней торговле в целом и оказывает позитивное влияние на показатели торгового и платежного баланса;
- совокупный эффект для внешней торговли Казахстана от наращивания товарооборота со странами — партнерами ЕАЭС достаточно велик и измеряется годовым приростом товарооборота на уровне более 650 млн долл. и приростом экспорта в размере немногим менее 1 млрд долл.;
- предварительные итоги внешней торговли Казахстана со странами — партнерами ЕАЭС являются положительными и подтверждают наличие потенциала для дальнейшего сотрудничества по линии заключения новых торговых и иных соглашений с другими государствами.

Выводы

Анализ результатов предварительных итогов внешней торговли Казахстана со странами, имеющими преференциальные режимы сотрудничества с ЕАЭС как следствие заключенных торговых соглашений или статуса наблюдателя в Союзе, позволяет сделать следующие основные выводы.

1. В настоящее время оценка эффекта для внешней торговли Казахстана от заключенных ЕАЭС соглашений может носить предварительный характер в силу непродолжительной истории этих соглашений, а также из-за сильнейших искажений экономических показателей, возникших в 2020 г. вследствие пандемии.
2. Предварительная оценка торговли со странами — партнерами ЕАЭС демонстрирует ее опережающий рост в целом, который сформирован показателями торговли с тремя государствами из четырех.
3. Динамика торговли Казахстана с четырьмя данными странами значительно опережала показатели внешней торговли страны в целом, при этом в двух случаях из четырех она была положительной на фоне спада общих показателей внешней торговли.
4. Особенностью наращивания торговли Казахстана со странами — партнерами ЕАЭС является опережающий рост экспорта; суммарное годовое значение прироста экспорта в четыре страны приблизилось к 1 млрд долл.
5. Единственный пример относительно длительных отношений в условиях соглашения о свободной торговле (с Вьетнамом) демонстрирует существенный прирост как товарооборота, так и казахстанского экспорта относительно аналогичного по срокам предшествующего периода.
6. В целом опыт первых лет торговли Казахстана со странами, имеющими преференциальные отношения с ЕАЭС, продемонстрировал положительные результаты данных соглашений и принес заметный экономический эффект в виде увеличения объема товарооборота и экспорта.

Литература

1. Баландина Г. В., Спартак А. Н. Перспективы и ограничения участия России в региональных и глобальных цепочках стоимости // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 11. С. 3–16.
2. Березина Е. К., Торопыгин А. В. ЕАЭС расширяет международное сотрудничество: направление — Латинская Америка // Управленческое консультирование. 2021. № 3 (147). С. 43–57.

3. Глинкина С. П., Тураева М. О., Яковлев А. А. Риски использования преференциального режима зоны свободной торговли ЕАЭС — Вьетнам хозяйствующими субъектами третьих стран // Инновации и инвестиции. 2018. № 7. С. 69–73.
4. Жильцов С. С. Роль ЕАЭС в экономической интеграции на постсоветском пространстве // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. РАН. ИНИОН / отв. ред. В. И. Герасимов. Москва, 2021. С. 211–213.
5. Лапенко М. В. Развитие евразийской интеграции: движение от «евразийской тройки» к континентальному евразийскому партнерству // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 8. С. 746–755.
6. Мигранян А. А. Факторы развития торгово-экономических отношений стран ЕАЭС и Вьетнама. Факторы развития // Обозреватель. 2018. № 2 (337). С. 48–66.
7. Ревенко Н. С. Внешняя торговля ЕАЭС с Вьетнамом: первые итоги функционирования зоны свободной торговли // Горизонты экономики. 2017. № 6 (39). С. 75–81.
8. Томилов М. В. Перспективы углубления торговой интеграции между участниками ЕАЭС и странами АТР // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3 (92). С. 32–43.
9. Чуфрин Г. И. Зарождение, становление и перспективы развития евразийской интеграции // Федерализм. 2021. Т. 26. № 2 (102). С. 115–148.
10. Шеров-Игнатъев В. Г. Соглашение ЕАЭС о свободной торговле с третьими странами: смысл для России // Россия и Азия. 2020. № 3 (12). С. 59–69.
11. Hinz J. The Ties that Bind: Geopolitical Motivations for Economic Integration // Kiel Working Papers 2085. Kiel Institute for the World Economy (IfW) (2017). P. 31.
12. Pieper M. The Linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian Economic Union between Russia's Defensive Regionalism and China's New Silk Roads // International Politics. 2020.

Об авторе:

Додонов Вячеслав Юрьевич, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (Нур-Султан, Республика Казахстан), доктор экономических наук; dodonovv@mail.ru

References

1. Balandina G. V., Spartak A. N. Prospects and Limitations of Russia's Participation in Regional and Global Value Chains // Russian Foreign Economic Bulletin [Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik]. 2017. No. 11. P. 3–16. (In Rus.)
2. Berezina E. K., Toropygin A. V. The EAEU Expands International Cooperation: Direction — Latin America // Management Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. No. 3 (147). P. 43–57. (In Rus.)
3. Glinkina S. P., Turaeva M. O., Yakovlev A. A. Risks of Using the Preferential Regime of the EAEU — Vietnam Free Trade Zone by Economic Entities of Third Countries // Innovations and Investments [Innovatsii i investitsii]. 2018. No. 7. P. 69–73. (In Rus.)
4. Zhiltsov S. S. The Role of the EAEU in Economic Integration in the Post-Soviet Space // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation [Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo]. Yearbook. RAS. INION / ed. V. I. Gerasimov. Moscow, 2021. P. 211–213. (In Rus.)
5. Lapenko M. V. Development of Eurasian Integration: Movement from the "Eurasian Troika" to the Continental Eurasian Partnership // Post-Soviet Studies [Postsovetskie issledovaniya]. 2018. Vol. 1. No. 8. P. 746–755. (In Rus.)
6. Migranyan A. A. Factors of Development of Trade and Economic Relations of the EAEU countries and Vietnam. Development Factors // Observer [Obozrevatel']. 2018. No. 2 (337). P. 48–66. (In Rus.)
7. Revenko N. S. Foreign Trade of the EAEU with Vietnam: The First Results of the Functioning of the Free Trade Zone // Horizons of Economics [Gorizonty ekonomiki]. 2017. No. 6 (39). P. 75–81. (In Rus.)

8. Tomilov M. V. Prospects for Deepening Trade Integration between the EAEU Members and the APR Countries // Power and Governance in the East of [Russia Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii]. 2020. No. 3 (92). P. 32–43. (In Rus.)
9. Chufrin G. I. The Origin, Formation and Prospects for the Development of Eurasian Integration // Federalism [Federalizm]. 2021. Vol. 26. No. 2 (102). P. 115–148. (In Rus.)
10. Sherov-Ignatiev V. G. The EAEU Free Trade Agreement with Third Countries: Meaning for Russia // Russia and Asia [Rossiya i Aziya]. 2020. No. 3 (12). P. 59–69. (In Rus.)
11. Hinz J. The Ties that Bind: Geopolitical Motivations for Economic Integration // Kiel Working Papers 2085. Kiel Institute for the World Economy (IfW) (2017). P. 31.
12. Pieper M. The Linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian Economic Union between Russia's Defensive Regionalism and China's New Silk Roads // International Politics. 2020.

About the author:

Vyacheslav Yu. Dodonov, Chief Researcher of Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Doctor of Science (Economy); dodonovv@mail.ru

Международные правовые и экономические аспекты оборота недвижимого имущества в государствах — членах ЕАЭС

Кириленко В. П.¹, Мишальченко Ю. В.^{2,*}, Чаплик А. В.³

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Экономический Суд СНГ, Москва, Российская Федерация; * myv2008@mail.ru

³ ООО «БиАр Групп», Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье проводится анализ современного состояния гражданского оборота недвижимости в рамках Евразийского экономического союза как надгосударственного образования, исследуются правовые основы международного оборота недвижимости, а также выявляются правовые проблемы.

Цель. Предложить наиболее оптимальные пути решения проблем международного оборота недвижимости в рамках Евразийского экономического союза.

Задачи. Определить правовые основы регулирования международного оборота недвижимости в рамках ЕАЭС, провести анализ состояния рынка недвижимости внутри ЕАЭС, а также определить правовые проблемы, препятствующие развитию данных правоотношений.

Методология. В настоящем исследовании были использованы методы сравнительного правоведения, методы анализа и синтеза, а также методы дедукции и индукции.

Результаты. В ходе исследования авторы приходят к выводу о существовании некоторых проблемных аспектов как национального, так и международного регулирования в сфере международного оборота недвижимости. Данные проблемы выражаются в отсутствии единых норм, регулирующих порядок удостоверения сделок с недвижимостью, а также в отсутствии единого правового механизма совершения таких сделок в ЕАЭС.

Выводы. В результате анализа проблем действующего законодательства государств — членов ЕАЭС авторами предлагаются пути их решения методом создания единообразных (унифицированных) норм в сфере нотариального удостоверения сделок с недвижимостью в системе права Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: международное право, мировая экономика, ЕАЭС, международный оборот недвижимости, сделки с недвижимостью, нотариальное удостоверение сделок, право ЕАЭС

Для цитирования: Кириленко В. П., Мишальченко Ю. В., Чаплик А. В. Международные правовые и экономические аспекты оборота недвижимого имущества в государствах — членах ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 33–39.

International Legal and Economic Aspects of Real Estate Turnover in the EAEU Member States

Viktor P. Kirilenko^a, Yuri V. Mishalchenko^{b,*}, Alina V. Chaplik^c

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Nord-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

^b The Court of the CIS, Moscow, Russian Federation; * myv2008@mail.ru

^c LLC “BiAr Group”, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article analyzes the current state of the civil circulation of real estate within the Eurasian Economic Union as a supranational formation, examines the legal basis for the international turnover of real estate, as well as identifies legal problems.

Aim. Suggest the best ways to solve the problems of international turnover of real estate within the Eurasian Economic Union.

Tasks. To determine the legal basis for the regulation of international turnover of real estate within the EAEU, to analyze the state of the real estate market within the EAEU, as well as to identify legal problems that hinder the development of these social relations.

Methods. In this research we used methods of comparative law, methods of analysis and synthesis, as well as methods of deduction and induction.

Results. In the course of the research the authors conclude that there are some problematic aspects of both national and international regulation in the field of international real estate transactions. These problems are expressed in the absence of uniform norms governing the procedure for certifying real estate transactions, as well as in the absence of a unified legal mechanism for such transactions.

Conclusion. As a result of analysis of problems of current legislation, the authors propose ways to solve them by creating a uniform (unified) rules in the field of notarization of real estate transactions within the Eurasian Economic Union.

Keywords: international law, world economy, EAEU, international real estate turnover, real estate transactions, notarization of transactions, EAEU law

For citing: Kirilenko V. P., Mishalchenko Y. V., Chaplik A. V. International Legal and Economic Aspects of Real Estate Turnover in the EAEU Member States // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 33–39.

На сегодняшний день с определенной долей уверенности можно говорить об усиливающихся интеграционных процессах в рамках стран — участниц Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС). Интеграция происходит не только в рамках создания благоприятного международного пространства, но и в отдельных сферах законодательства: природопользование, валютное и таможенное регулирование и многое другое [2, с. 21–22].

В соответствии со ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе¹ от 29.05.2014 создание единого экономического пространства и единого рынка товаров и услуг являются целями ЕАЭС как надгосударственного образования. Представляется очевидным, что достижение единого и стабильного экономического пространства невозможно без создания адекватного правового регулирования гражданского оборота в рамках Союза. Однако в силу непродолжительности существования ЕАЭС как надгосударственной структуры, а также в силу различного подхода стран-участниц к правовому регулированию гражданского оборота образуются правовые коллизии и сложности для участников гражданского оборота. В особенности это заметно в сфере оборота недвижимости, которая в силу миграционных процессов приобретает особую актуальность и важность. Таким образом, главной целью данного исследования является определение проблем и несоответствий в сфере правового регулирования сделок с недвижимостью в рамках ЕАЭС.

Изначально следует отметить тот факт, что сделки, связанные с куплей-продажей недвижимости, являются одними из самых сложных объектов правового регулирования. В первую очередь можно говорить о сложностях, возникающих с долевым строительством или с регистрацией прав на такого рода имущество [3, с. 110–111]. Говоря же о международной купле-продаже недвижимости, необходимо отметить ряд иных, имеющих большое значение вопросов: вопросы выбора юрисдикции и юрисдикционного органа, вопросы, связанные с нормами непосредственного применения (сверхимперативные нормы), а также непосредственно вопросы коллизии в правовом регулировании внутри самих стран — участниц ЕАЭС.

Представляется очевидным, что главной проблемой правового регулирования отношений, осложненных иностранным элементом, являются коллизии законодательств разных юрисдикций. Именно в целях устранения таковых правовых барьеров на международном уровне принимаются

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70670880/> (дата обращения: 15.10.2021).

различные международные договоры и другие соглашения, которые унифицируют правовые нормы [5, с. 173]. Ярким примером может служить Конвенция ООН «О договорах международной купли продажи товаров»¹ 1980 г. или иные международные регуляторы в сфере купли-продажи. Однако недвижимость, являясь специфическим объектом регулирования, не подпадает под действие таких международных соглашений, в связи с чем наиболее оптимальным путем решения данной проблемы является принятие двусторонних договоров или унифицированных норм исключительно внутри надгосударственных образований, как это сделано в рамках, например, Европейского союза². Так, например, директивы, принимаемые в Европейском союзе, регулируют нотариальную деятельность в сфере купли-продажи недвижимости внутри самого союза, определяют вопросы применимого права и другое.

По нашему мнению, такой подход является наиболее правильным, ввиду того, что в рамках ЕАЭС находится всего пять государств-участников, и согласование интересов в рамках данного пространства представляется самым оптимальным. Как отмечают некоторые ученые, ключевой проблемой совершения сделок с недвижимостью выступает нотариальное удостоверение такого рода сделок [7, с. 41–42]. В целях понимания тенденций и поиска наиболее оптимальных вариантов унификации следует проанализировать правовое регулирование данной сферы в странах — участницах ЕАЭС, ведь после распада СССР подход к нотариату в данных государствах стал существенно различаться.

Ранее, в Российской Федерации существовала обязательная нотариальная форма для всех сделок с недвижимостью, однако данное правило было исключено из законодательства. Аналогичным образом стали поступать и иные государства — участники ЕАЭС, упрощая тем самым порядок приобретения недвижимости. На сегодняшний день в Российской Федерации нотариальному удостоверению в обязательном порядке подлежит лишь небольшая часть сделок с недвижимостью, в основном связанная с долевой собственностью или ипотекой, что следует из пп. 1.1 п. 1 ст. 42 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»³. Также, согласно ст. 54 данного закона, нотариальное удостоверение обязательно в случаях, если распоряжение недвижимостью происходит опекуном (или имущество принадлежит несовершеннолетнему). Аналогичным образом подлежит нотариальному удостоверению и договор ренты, в соответствии со ст. 584 ГК Российской Федерации. Анализ положений действующего в Российской Федерации законодательства позволяет сделать вывод о том, что законодатель определяет важность нотариального удостоверения исключительно для незащищенных слоев населения, где вероятность совершения неправомерных действий наиболее высока. Для «стандартных» же договоров купли-продажи недвижимости, которые в большей степени и преобладают на международном уровне, нотариальная форма стала необязательной. Однако такой подход принят не во всех национальных правовых системах ЕАЭС.

Законодательство Республики Казахстан определяет в п. 1 ст. 154 Гражданского кодекса Республики Казахстан⁴, что сделка, заключенная в письменной форме, считается совершенной лишь после нотариального удостоверения, в случаях если такое удостоверение необходимо по закону или соглашению сторон. В иных странах, таких как Республика Армения, в ст. 299 Гражданского кодекса Армении⁵, а также Республика Беларусь, в ст. 164 Гражданского кодекса Республики Беларусь⁶, исходят из формального

¹ Конвенция ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г. // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 1994 г. № 1.

² Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции» (Директива об электронной коммерции) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2568904/> (дата обращения: 15.10.2021).

³ О государственной регистрации недвижимости : федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 29 (ч. I). 20.07.2015. Ст. 4344.

⁴ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27.12.1994 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061&pos=543;-54#pos=543;-54 (дата обращения: 15.10.2021).

⁵ Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 года № 2 ЗР-239 [Электронный ресурс] // Национальное собрание Республики Армения. URL: http://www.parliament.am/law_docs/050598HO239rus.html?lang=rus (дата обращения: 14.09.2021).

⁶ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 № 2 218-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218 (дата обращения: 14.09.2021).

подхода к удостоверению нотариусом сделки. Так, удостоверение сделок представляет собой совершение нотариусом удостоверительной надписи.

В данном случае же наибольший интерес представляет обязательный порядок нотариального удостоверения сделок, объектом которых выступает недвижимость. Подходы государств — участников ЕАЭС в данной сфере различаются: некоторые государства устанавливают обязательный нотариальный порядок удостоверения такого рода сделок, другие же правовые порядки указывают на необязательность такой процедуры. В частности, законодательство Республики Беларусь не устанавливает обязательную нотариальную форму для сделок с недвижимостью по общему правилу [6, с. 170]. Исключениями являются приватизируемые помещения, договоры ренты и некоторые другие. Наиболее типичные сделки, как, например, купля-продажа квартиры в многоквартирном доме, не предусматривают нотариального удостоверения. Схожий подход устанавливается и в Республике Казахстан, а также в Российской Федерации. Однако есть отличия в зависимости от вида недвижимого имущества, а также существуют некоторые коллизии в сфере самой процедуры такого нотариального удостоверения.

Например, нормы ст. 518 ГК Республики Казахстан, а также нормы, предусмотренные Законом Республики Казахстан от 14 июля 1997 г. № 55-1 «О нотариате»¹, предусматривают обязательную нотариальную форму лишь для сделок с недвижимостью по договору ренты. Другие сделки не подлежат обязательному нотариальному удостоверению.

По общему правилу сделки с недвижимостью не подлежат нотариальному удостоверению и в Кыргызской Республике, однако перечень сделок с недвижимостью, для которых нотариальные действия обязательны, несколько шире. Так, законодательство Кыргызской Республики распространяет обязательное нотариальное удостоверение также для договоров аренды здания или сооружения, предприятия, лизинга и некоторых других в соответствии со ст. 596, 725, 520 Гражданского кодекса Кыргызской Республики².

Законодательное регулирование Республики Армения выступает в данном случае «анклавом», потому что большинство сделок с недвижимостью подлежат нотариальному удостоверению. Так, исходя из ГК Армении, нотариальному удостоверению подлежат сделки в соответствии со ст. 263 (договор об ипотеке), ст. 562 (купля-продажа), ст. 595 (дарение), ст. 662 (аренда жилого помещения) и некоторые другие.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что, вступая в осложненные иностранным элементом отношения купли-продажи недвижимого имущества, возникают некоторые коллизии правовых порядков по вопросам нотариального удостоверения такого рода сделок, что с неизбежностью будет приводить к правовым проблемам. Также различные правовые подходы в рамках надгосударственного образования ЕАЭС препятствуют правовой интеграции данного образования.

Представляется, что наиболее оптимальным способом решения вопросов коллизий правовых порядков является международно-правовая унификация. В особенности международно-правовая унификация наилучшим образом проявляет себя в рамках надгосударственных образований, которым и является ЕАЭС. Создание в рамках ЕАЭС единого порядка оборота недвижимости повысит привлекательность совершения такого рода сделок, а также снизит правовые риски, возникающие при их осуществлении.

Как отмечает А. Я. Капустин, ЕАЭС, обладая самостоятельной правотворческой компетенцией, способен создавать интеграционные международно-правовые нормы, которые формируют интеграционный правовой порядок [1, с. 61]. В том числе компетенция ЕАЭС закреплена в ст. 6 Договора о Евразийском экономическом союзе, согласно которой акты, выпускаемые органами ЕАЭС, должны исполняться в государствах-участниках.

¹ О нотариате : закон Республики Казахстан от 14 июля 1997 г. № 155-І [Электронный ресурс] // Доступ из СПС Закон.kz. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1008028 (дата обращения: 15.09.2021).

² Гражданский кодекс Кыргызской Республики. Часть II (от 5 января 1998 г. № 21) [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Кыргызской Республики: Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/properties/ru-ru/5/290> (дата обращения: 15.09.2021).

Так, предлагается разрешить данную проблему одним из следующих способов.

1. Создание единого унифицированного акта в рамках ЕАЭС, в связи с которым государства-участники будут обязаны имплементировать его в национальное законодательство. Данный акт должен регулировать оборот недвижимости в рамках ЕАЭС.
2. Внесение изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе, дополнив данный документ специальным разделом «Оборот недвижимости в рамках Союза».

Определенно, каждый из вышеназванных способов имеет одну цель — унификацию национальных законодательств. Однако более предпочтительным является издание высшим органом ЕАЭС такого рода акта. Это обусловлено в первую очередь тем, что внесение изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе является более трудоемким процессом, нежели издание акта внутри надгосударственного образования. Также можно указать и на опыт Европейского союза, который выпускал ряд директив, регулировавших оборот недвижимости в рамках союза, что подтверждает большую привлекательность именно данного способа.

В рамках исследования представляется важным рассмотреть и обязанности нотариуса при удостоверении такого рода сделок. В ходе анализа законодательства всех стран — участниц ЕАЭС, в частности законодательства о нотариате, законодательства о недвижимости, а также гражданских кодексов, был сделан вывод о том, что деятельность нотариусов в рамках данного Союза практически идентична. Так, нотариус обязан устанавливать личность контрагентов по такому договору, выявлять вопросы о дееспособности, вправе требовать документы, которые ему необходимы (выписки из реестров, договор купли-продажи), разъяснять сторонам смысл такого договора, удостовериться в намерениях сторон и проводить правовую оценку. Некоторые сложности возникают при взимании нотариальных тарифов, однако в данном случае речь идет не о правовой регламентации.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что сам порядок удостоверения такого рода сделок не представляет никаких правовых препятствий для оборота. Однако следует отметить и то, что в эпоху цифровизации, в том числе и нотариальной деятельности, для упрощения работы существуют единые информационные системы. В настоящее время во всех странах — участницах ЕАЭС, в том числе и в Российской Федерации, созданы информационные системы нотариата, которые с каждым годом совершенствуются, позволяя упрощать деятельность нотариусов.

Так, в Республике Казахстан существует Единая нотариальная информационная система, которая функционирует уже несколько лет и совершенствуется. Аналогичным образом обстоит ситуация и с Единой нотариальной системой Беларуси, Армении, Киргизии. В Российской Федерации такая система действует с 2014 г. и показывает себя наилучшим образом. В частности, в таких системах существуют несколько электронных реестров: реестр нотариальных действий, реестр наследственных дел, реестр уведомлений о залоге движимого имущества и некоторые другие. С недавнего времени появилась возможность также совершать нотариальные действия по удостоверению сделок с недвижимостью с помощью названных систем.

Таким образом для создания благоприятного климата в сфере нотариального удостоверения сделок с недвижимостью в рамках ЕАЭС необходимо расширить информационные системы до наднационального уровня. В частности, реформы информационных систем могут быть осуществлены следующим образом: созданием единой системы нотариата стран — участниц ЕАЭС либо расширением национальных информационных систем, путем подключения к ним информационных систем нотариата стран — участниц ЕАЭС. При этом такие перспективы рассматриваются в юридической науке уже несколько лет, о чем свидетельствует ряд исследований как российских, так и зарубежных ученых [4, с. 94].

Главная цель создания единой информационной системы (или же объединения систем) заключается в углублении сотрудничества ЕАЭС в сфере нотариата и в сфере оборота недвижимости, в частности.

На наш взгляд, законодательство стран — участниц ЕАЭС, а также международно-правовое регулирование оборота недвижимости на сегодняшний день не соответствует потребностям общества. Это обусловлено как отсутствием комплексных механизмов защиты имущественных прав участников

оборота, так и отсутствием унифицированных материально-правовых норм в рамках надгосударственного образования ЕАЭС.

В целях минимизации правовых рисков, а также повышения защищенности участников оборота представляется целесообразным создание единого унифицированного акта в рамках ЕАЭС, который бы регулировал оборот недвижимости в рамках Союза. В данном акте должны быть предусмотрены вопросы нотариального удостоверения сделок, порядка перехода и регистрации прав на недвижимость, определения права, подлежащего применению, и другие вопросы, связанные с оборотом недвижимости. Представляется, что различные подходы национальных законодателей по вопросам нотариального удостоверения таких сделок влекут ряд проблем, в связи с чем предлагается ввести обязательное нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью в рамках международного оборота ЕАЭС. Реализация данного положения поможет предоставить участникам оборота дополнительную защиту, в особенности если в рамках ЕАЭС будет создана единая информационная система нотариальных действий.

Литература

1. Капустин А. Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 59–69.
2. Крохина Ю. А. Правовые основы и перспективы развития Евразийского экономического союза как валютного союза // Юридическая наука. 2018. С. 21–24.
3. Мамонтова К. С. Современные проблемы в области правового регулирования сделок с недвижимостью // Экономика. Право. Общество. 2017. № 2 (10). С. 110–116.
4. Павликов С. Г., Шевченко С. Н. О формировании международных финансовых центров и союзов, содействующих их деятельности (на примере нотариата) // Современный юрист. 2015. № 3 (12). С. 88–98.
5. Потапенко Е. Г. Теоретические основы правовой интеграции : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 225 с.
6. Тымчук Ю. А. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью в международном гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019. 220 с.
7. Тымчук Ю. А. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью: сравнительно-правовой анализ законодательства стран ЕАЭС // Legal Concept. 2019. № 1. С. 40–48.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; kirilenko-vp@ranepa.ru

Мишальченко Юрий Владимирович, Генеральный советник Экономического Суда СНГ (Российская Федерация), доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; myv2008@mail.ru

Чаплик Алина Вадимовна, ведущий юрист ООО «БиАр Групп» (Санкт-Петербург, Российская Федерация); alinachaplik1@mail.ru

References

1. Kapustin A. Ya. The Law of the Eurasian Economic Union: International Legal Discourse // Journal of Russian Law [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2015. No. 11. P. 59–69. (In Rus.)
2. Krokhina Yu. A. Legal Foundations and Prospects for the Development of the Eurasian Economic Union as a Monetary Union // Legal Science [Yuridicheskaya nauka]. 2018. P. 21–24. (In Rus.)
3. Mamontova K. S. Modern Problems in the Field of Legal Regulation of Real Estate Transactions // Economy. Right. Society [Ekonomika. Pravo. Obshchestvo]. 2017. No. 2 (10). P. 110–116. (In Rus.)

4. Pavlikov S. G., Shevchenko S. N. On the Formation of International Financial Centers and Unions Promoting their Activities (on the Example of a Notary) // Modern Lawyer [Sovremennyyi yurist]. 2015. No. 3 (12). P. 88–98. (In Rus.)
5. Potapenko E. G. Theoretical Foundations of Legal Integration : dis. ... PhD in Science (Jurisprudence). Saratov. 2010. 225 p. (In Rus.)
6. Tymchuk Yu. A. Notarization of Real Estate Transactions in International Civil Circulation : dis. ... PhD in Science (Jurisprudence). Volgograd. 2019. 220 p. (In Rus.)
7. Tymchuk Yu. A. Notarization of Real Estate Transactions: Comparative Legal Analysis of the Legislation of the EAEU Countries // Legal Concept. 2019. No. 1. P. 40–48. (In Rus.)

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Department of International and Humanitarian Law of the North-Western Institute of Management (RANEPA) (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; kirilenko-vp@ranepa.ru

Yuri V. Mishalchenko, General Adviser of the Economic Court of the CIS (Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Doctor of Science (Economics), Professor; myv2008@mail.ru

Alina V. Chaplik, Leading Lawyer of LLC “BiAr Group” (Saint Petersburg, Russian Federation); alinachaplik1@mail.ru

Согласование экономической и оборонной деятельности в Тихоокеанском регионе¹

Козьменко С. Ю.

ФИЦ «Кольский научный центр РАН», Апатиты, Российская Федерация; fregat22@mail.ru

РЕФЕРАТ

Европа — Евразия — Азия. Каждому континенту огромного материка соответствует доминирующая континентальная держава, соответственно Германия — Россия — Китай; в одной из них (в Китае), в зоне сопряжения евразийской и азиатской континентальных цивилизаций, то есть в российско-китайском приграничье, зарождается и развивается новое региональное образование с атрибутикой морской цивилизации.

Цель. Целью исследования является решение научной проблемы сопряжения национальных интересов двух стран в пределах этого регионального морского пространства.

Задачи. Для достижения цели исследования решаются следующие задачи: обосновать структуру выделенного геополитического образования и выявить направления взаимодействия двух стран на основе согласования экономической и оборонной деятельности в Тихоокеанском регионе.

Методология. В настоящей работе применяется методологический инструментарий пространственной экономики и теории новой экономической географии, позволяющий совместить на локализованном пространстве геополитические и экономические (геоэкономические) императивы при согласовании совместной деятельности.

Ядром этого образования являются три прилежащих к территории Китая моря Тихоокеанского бассейна. Однако стратегические интересы Китая распространяются и дальше, на север, в акваторию минимум двух российских морей. Тем самым и Россия вовлекается в совместную морскую деятельность в пределах Тихоокеанского региона.

Результаты. В результате так создается пространство общих национальных интересов, которое охватывает акваторию пяти морей и прилегающие территории. Региональное ядро этого образования имеет тенденцию к расширению на север, восток и юг, а также далее, на запад, в акваторию Индийского океана.

Выводы. Выводы исследования состоят в том, что морская (точнее, военно-морская) деятельность двух континентальных держав становится, по существу, основой сотрудничества и кооперации России и Китая, поскольку способствовать реализации обширным национальным интересам Китая Россия может только в оборонной сфере, оказывая, кроме того, существенную политическую поддержку этой стране.

Что касается экономической деятельности, прежде всего при удовлетворении растущего спроса китайской экономики на энергетические ресурсы (нефть, газ и уголь), то перспективы в этом направлении лежат за пределами актуальных горизонтов планирования (до 2035 г.) при реализации крупных арктических газовых проектов в акватории Обской губы «Арктик СПГ 1, 2, 3».

Ключевые слова: геополитика, Арктическая зона Российской Федерации, Тихоокеанский регион, Морской Шелковый путь, «Один пояс — один путь»

Для цитирования: Козьменко С. Ю. Согласование экономической и оборонной деятельности в Тихоокеанском регионе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 40–48.

¹ Работа выполнена в рамках темы № 0226-2019-0028 ИЭП «Взаимодействие глобальных, национальных и региональных факторов в экономическом развитии Севера и Арктической зоны Российской Федерации» по государственному заданию ФИЦ КНЦ РАН.

Coordination of Economic and Defense Activities in the Pacific Region

Sergey Yu. Kozmenko

Institute of Economic Problems n. a. G. P. Luzin Federal Research Center “Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Apatity, Russian Federation; fregat22@mail.ru

ABSTRACT

Europe — Eurasia — Asia. Each continent of the vast continent corresponds to a dominant continental power, respectively Germany — Russia — China; in one of them (China), in the zone of conjugation of the Eurasian and Asian continental civilizations, that is, in the Russian-Chinese borderland, a new regional entity is emerging and developing with the attributes of a maritime civilization.

Aim. The aim of the study is to solve the scientific problem of matching the national interests of the two countries within this regional maritime space.

Tasks. To achieve the goal of the study, the following tasks are being solved: to substantiate the structure of the allocated geopolitical entity and to identify the directions of interaction between the two countries on the basis of coordinating economic and defense activities in the Pacific region.

Methods. In this work, the methodological tools of spatial economics and the theory of new economic geography are used, which make it possible to combine geopolitical and economic (geoeconomic) imperatives in a localized space when coordinating joint activities. The core of this formation is the three seas of the Pacific basin adjacent to the territory of China. However, China's strategic interests extend further, to the north, into the water area of at least two Russian seas. Thus, Russia is also involved in joint maritime activities within the Pacific region.

Results. As a result, this creates a space of common national interests, which covers the waters of the five seas and adjacent territories. The regional core of this formation tends to expand, north, east and south, and further west, into the Indian Ocean.

Conclusion. The conclusions of the study are that the maritime (more precisely, naval) activities of the two continental powers are essentially becoming the basis of cooperation and cooperation between Russia and China, since Russia can contribute to the implementation of China's vast national interests only in the defense sphere, providing, in addition, significant, political support for China. As for economic activity, first of all, while meeting the growing demand of the Chinese economy for energy resources (oil, gas and coal), the prospects in this direction lie outside the current planning horizons (until 2035) when implementing large Arctic gas projects. in the water area of the Gulf of Ob “Arctic LNG 1, 2, 3”.

Keywords: geopolitics, Arctic zone of the Russian Federation, Pacific region, Maritime Silk Road, One Belt — One Road

For citing: Kozmenko S. Yu. Coordination of Economic and Defense Activities in the Pacific Region // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 40–48.

В начале XXI в. отмечаются глобальные изменения позиций мировых держав на геополитическом атласе современного мира. Это связано с бурным развитием новой морской цивилизации в Тихоокеанском регионе на основе интенсификации морской деятельности в Китае.

Поскольку при построении геополитических конструкций считается очевидным тот факт, что источником глобального развития является непреодолимое противоречие двух мировых цивилизаций — морской (талассократической) и континентальной (теллурукратической) — и противостояние последних в борьбе за мировое влияние во всех сферах жизнедеятельности, то эти цивилизации в совокупности создают современную картину мира, дополняя друг друга до системного целого.

В таком контексте для России, локализованной в Heartland, сердцевинной земле, то есть в Центральной Евразии [13], значимо зарождение и развитие в пограничном Китае, одном из центров азиатской континентальной цивилизации [5, с. 12–25], морского мировоззрения, причем теоретические

воззрения Sea power [8; 9, с. 575, 605] (Теории морской мощи) в Китае зримо реализуются на практике, подтверждая тем самым универсальность максимы [8, с. 636]: «сила на море решает судьбу истории» и «кто владеет морем, владеет всем». Эта максима основывается на концепции «свободного моря» Гроция (Гроция Гуго де Гроота), к основным принципам которой [11, р. 173] относится свобода мореплавания и морской торговли.

При этом следует подчеркнуть, что для успешности экономической морской деятельности важно не столько право собственности (владения) на морские акватории, земли и ресурсы [7, с. 708–736], сколько гарантированный доступ к последним, и особенно к морским коммуникациям, то есть реализация права распоряжения, использования и пользования. Так формировалась [10, с. 36–42] концепция экономического обладания морем как составляющая состояния господства (доминирования) на море.

До конца XIX в. обладание Средиземным морем, в акватории которого концентрировался основной мировой торговый коммерческий грузопоток, действительно решало «судьбу истории». С открытием Суэцкого канала (1869 г.) эта роль постепенно перешла к Северной Атлантике, а далее на рубеже XX и XXI вв. на волне морской экспансии Китая — к северным акваториям Индийского океана по направлению Южного Шелкового пути.

Экспансия Китая в акватории Мирового океана, главным образом за пределами прилежащих морей, в направлении Суэцкого канала началась в конце XX в. С этого времени (1976 г.) военные корабли стали впервые выходить за пределы ближней морской зоны, а в дальнейшем и сегодня Китай обеспечивает военно-морское присутствие для демонстрации силы и флага практически во всех значимых районах Мирового океана.

Наибольшей активности на море военно-морская и экономическая (коммерческая) деятельность китайского флота достигла с принятием (2013 г.) масштабной глобальной инициативы «Один пояс — один путь», в рамках которой морской деятельности Китая придается немыслимое ранее глобальное значение.

Проект «Морской Шелковый путь XXI», который геополитически и экономически существенно, прежде всего, качественно превосходит существующие сухопутные инфраструктурные проекты с китайским участием (например, «Новый шелковый путь» — транспортировка товаров из Китая в Европу по территории России, или «Шелковый ветер» — доставка товара по маршруту Китай — Казахстан — Стамбул), является основой и краеугольным камнем выдвинутой инициативы.

Поскольку Россия занимает особое (центральное) место в развитии евразийской цивилизации [5, с. 12–15], а Китай является крупнейшей азиатской державой, то многостороннее согласование интересов России и Китая осуществляется не столько по линии соприкосновения двух стран, сколько в зоне сопряжения двух континентов — Евразии и Азии. То же происходит и на западе при сопряжении Европы и Евразии по линии соприкосновения ведущих континентальных держав — Германии и России.

Основой экономической интеграции как стран, так и континентов является мировая торговля. Важнейшим направлением торговой экспансии Китая стали создание и строительство по всему миру инфраструктурных объектов. В частности, создание южной дуги морских портов с китайским участием (рис. 1). Среди двадцати крупнейших портов мира по объему перевалки грузов четырнадцать являются китайскими, также девять из двадцати крупнейших контейнерных терминалов располагаются в Китае [3, с. 45–52].

Амбициозные планы инициативы «Один пояс — один путь» определили увеличение потребления энергетических ресурсов, главным образом нефти и нефтепродуктов. В этом смысле согласование экономической деятельности Китая и России могло бы фокусироваться в энергетической сфере, поскольку Россия является второй в рейтинге поставщиков сырой нефти (с экспортом в 260 млн т) после Саудовской Аравии (349,1 млн т) и нефтепродуктов (с показателем экспорта в 106,8 млн т) после США (240,2 млн т)¹. В Китае импорт нефти и нефтепродуктов в 2020 г. составил 640 млн т при потреблении в 760 млн т.

¹ BP Statistical Review of World Energy 2021. 70-th edition. P. 32.

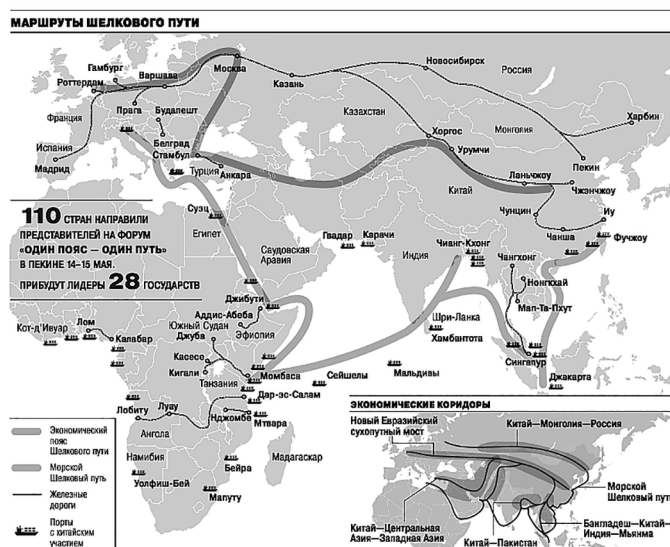

Рис. Шелковый путь и морские порты с китайским участием

Fig. Silk Road and Seaports with Chinese Participation

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://stanradar.com/news/full/25016-skoryj-pojas-moskvapekin-otnoshenija-mezhdu-rossiej-i-kitaem-stanut-kak-shelkovye.html?page=65> (дата обращения: 15.10.2021)

Основная часть импорта нефти (порядка 470 млн т) обеспечивается морской транспортировкой преимущественно южным маршрутом через Индийский океан и Малаккский пролив. В этом морском сегменте основными экспортерами являются страны Ближнего Востока (Саудовская Аравия — 88,2 млн т; Ирак — 60,4 млн т; ОАЭ — 36,5 млн т; Кувейт — 28,9 млн т; остальные страны этого региона, включая Иран, — 60,3 млн т), Африки (79,0 млн т) и Европы (18,8 млн т) — всего 372,1 млн т¹, а через Тихий океан — чуть более 100 млн т (США и Бразилия — 28,4 и 73,3 млн т соответственно). Импорт трубопроводной нефти и нефтепродуктов из России и стран СНГ составляет 86,4 и 6,3 млн т соответственно. Экспорт нефтепродуктов из Китая осуществлялся тем же морским путем через Малаккский пролив в объеме около 66 млн т.

Такая зависимость от безопасности морской транспортировки нефти Малаккским проливом, имеющим минимальную ширину в 2,5 км (ширина канала Филипп у побережья Сингапура, самое узкое место морских коммуникаций транспортировки нефти), является критичной для Китая, поскольку такая узость может быть легко перекрыта в случае возникновения локального конфликта с США.

Китай усиливает свое военно-морское присутствие в этом регионе. Однако, учитывая значительное качественное и количественное превосходство ВМС США, китайский флот не может гарантировать вполне безопасной транспортировки нефти этим путем. В этих условиях надежность поставок нефти может быть гарантирована использованием сухопутных коммуникаций, надежно защищенных от ударов с моря.

К категории таких безопасных поставок относится сырая нефть, импортируемая из России. Российские поставки составляют порядка 15% (83,4 млн т в 2021 г.) китайского нефтяного импорта, большая часть сырой нефти (67,0 млн т) поставляется по нефтепроводу «ESPO — Восточная Сибирь — Тихий океан» (по отводу Сковородино — Махэ) и через порт Козьмино (27,0 млн т), а также по нефтепроводу «Граница РФ — Казахстан — КНР» (10 млн т). Остальные поставки (до 20 млн т) осуществляются морским и железнодорожным транспортом.

В целом по объему экспорта нефти и нефтепродуктов в Китай Россия незначительно уступает только Саудовской Аравии — в 2020 г. 86,4 и 88,2 млн т соответственно. Китай является вторым по значимости

¹ BP Statistical Review of World Energy 2021. 70-th edition. P. 62.

потребителем российской нефти, первенство уверенно остается за Европой (138,2 млн т в 2020 г.), несмотря на то что население Китая превышает европейское практически в два раза — порядка 1400 и 750 млн чел. на 1 января 2021 г. соответственно. Для России значимы оба рынка — и растущий китайский, и устоявшийся европейский с примерно равными объемами импорта — 640 и 623 млн т. Китай импортирует на 81,3 млн т больше сырой нефти, чем страны Европы, и примерно на столько же — 65,8 млн т — меньше нефтепродуктов. Но растянутый с запада на восток на почти 10 тыс. км российский рынок с населением в 146,0 млн чел. не представляет особого интереса для Китая и считается по китайским меркам малонаселенным. Привлекательным для Китая является рынок Европы и США.

Наращивание добычи нефти для увеличения экспорта в Китай даже до уровня 100 млн т в год без сокращения поставок в Европу сталкивается с дефицитом добычных мощностей традиционных месторождений Западной и Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия) ввиду значительной выработанности последних.

Сырая нефть и нефтепродукты являются основной статьей экспорта России в Китай и составляют порядка 60% последнего (июль 2020 — июнь 2021 г.) в 52,8 млрд долл. США. Однако острая нехватка добычных мощностей, а также ограничение мощности нефтепровода ESPO уровнем 80 млн т и порта Козьмино до 30 млн т являются существенными препятствиями для наращивания экспорта нефти в Китай.

Поэтому в пределах актуальных горизонтов планирования¹ прогнозируется ожидаемый плавный «неизбежный спад добычи из традиционных месторождений» от базового уровня 2018 г. (567,9 млн т) до 490,0–555,0 в 2035 г. Реально уровень добычи нефти в России составляет (2020 г.) 524,4 млн т. Остальные статьи экспорта России, включая природный газ и уголь, не существенны, за исключением «закрытой» статьи, объем которой в 2020 г. составил всего лишь порядка 4 млрд долл. США. Речь идет о сотрудничестве и взаимодействии двух стран в сфере оборонной деятельности.

Таким образом, уровень экономической конъюнктуры российских энергетических ресурсов (нефти, природного газа и угля) на китайском рынке весьма незначителен. Проблема модернизации морских коммуникаций и средств транспортировки энергетических ресурсов актуальна уже более десяти лет [4]. Китай обладает практически самым крупным в мире стратегическим резервом нефти. Базы хранения нефти размещены, насколько это возможно с позиций военной безопасности, ближе к китайско-российской границе в провинциях Чжецзян (население 64,6 млн чел.) на побережье Восточно-Китайского моря и двух северных (Шаньдун и Ляонин) на побережье Желтого моря с населением порядка 40,0–42,0 млн чел. каждая. Это по китайским понятиям малонаселенные провинции. Для сравнения: население приграничных российских территорий значительно меньше — 17,0 и 8,1 млн чел. в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах соответственно.

Суммарный объем стратегического резерва составляет порядка 80 млн т (в США — 96 млн т), в том числе около 80% — это государственный резерв, а порядка 20% — коммерческий. Такой резерв обеспечивает 90 суток национального потребления нефти. Прибрежные нефтяные базы стратегического резерва отдалены от конфликтного района Южно-Китайского моря, но все же находятся в зоне досягаемости крылатых ракет, размещенных на о. Тайвань² и на островах Рюкю.

Для развития Китая как морской державы актуальным является обустройство проекта «Морского Шелкового пути XXI века», в рамках которого китайская версия мировой системы морских коммуникаций по существу формируется в акватории и на побережье двух морей — Восточно-Китайского и Южно-Китайского с включением Желтого моря в качестве операционной зоны Северного флота КНР. Образуется веер коммуникаций по трем стратегическим направлениям: двум — через Малаккский пролив в южную часть Тихого океана и через Индийский океан в Европу и обратно, и третьему — на север с разветвлением у полуострова Камчатка на восток (к США и Канаде) и в перспективе на север, в Европу,

¹ Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 г. : распоряжение Правительства РФ № 1523-р, 9 июня 2020 г. С. 35, 50 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354840 (дата обращения: 22.10.2021).

² Chang A. Analysis: China's Fuel Oil Reserves [Электронный ресурс] // United Press International. 21 December 2007. URL: <https://www.upi.com/Defense-News/2007/12/21/Analysis-Chinas-fuel-oil-reserves/37151198253797/> (дата обращения: 15.10.2021).

через Берингов пролив и Северный морской путь, то есть по маршруту, названному по древнекитайской традиции Полярным Шелковым путем. Для создания и развития Полярного Шелкового пути Китай все активнее включается в арктическую проблематику, приняв (2013 г.) «Арктическую политику Китая», которая определяет страну как «околоарктическое» государство.

Научные исследования по арктической тематике начались в Китае в 1999 г. За этот период выполнено десять арктических экспедиций. Все экспедиции, за исключением десятой, были выполнены первым китайским судном (купленным у Украины и достроенным в Китае) усиленного ледового класса Arc5 «Снежный Дракон», десятая (2019 г.) — экспедиционным судном «Сяньянхун-01». В 2020–2021 гг. арктические экспедиции временно не проводились в связи с пандемией COVID-19. Проведение десяти арктических и 22 антарктических экспедиций позволило создать отработанную китайскую команду ледовых капитанов и лоцманов. В 2019 г. введен в эксплуатацию ледокол собственно китайской постройки «Снежный Дракон — 2», в дальнейшем планируется построить еще два ледокола — компаниями Rainbowfish Ocean Technology (первая в Китае частная компания, которая приступит к эксплуатации собственного ледокола) и Damen Group (Нидерланды) [6, с. 66–67].

Кроме хозяйственного значения, акватории этих морей играют важнейшую роль в системе национальной безопасности Китая как основа первого стратегического рубежа противодействия проникновению авианосных объединений (АУГ — авианосных ударных групп) США в зону нанесения авиаудара по территории Китая, в том числе и провинциям Чжецзян, Шаньдун и Ляонин, где размещены стратегические резервы нефти. Здесь создается китайская «зона запрета доступа» (A2/AD). Учитывая значительное количество военных баз США, дислоцированных на основных Японских островах и островах Рюкю в Восточно-Китайском море (всего более 90 объектов), геополитические вызовы и угрозы в этом районе могут быть направлены на оба приморских государства — Россию и Китай. Китай определяет границы первого стратегического рубежа противодействия, включая акватории двух прилежащих к территории России морей — Японского и Охотского, в пространстве пяти морей, ограниченных с севера и юга полуостровами Камчатка и Малакка, с запада — территорией России и Китая, с востока — Курильской грядой, Японскими островами, островами Рюкю и островом Тайвань, а также Филиппинскими островами (часть Малайского архипелага) и островом Борнео на юго-востоке.

Возможная оборона районов хранения нефти в случае возникновения террористической или иной угрозы является одной из скрытых задач российско-китайского морского взаимодействия. Привлечение России как мировой ядерной державы имеет не столько военное, сколько геополитическое значение, которое состоит в совместном обеспечении безопасности этого пространства, которое представляет собой Тихоокеанский регион согласования оборонной деятельности двух стран при проведении учений в формате «Морское взаимодействие», которое утвердилось как формат учений Военно-морского флота России и Военно-морских сил Китая в процессе отработки совместных действий в зонах национальных интересов на море двух стран в течение восьми лет с 2012 по 2019 г. Пандемия COVID-19 временно в 2020 г. прервала сложившуюся традицию ежегодного проведения этого морского форума. В 2021 г. учения продолжились.

Впервые учения в таком формате состоялись в апреле 2012 г. в акватории Желтого моря в операционной зоне деятельности Северного флота КНР. При определенном допуске и соответствующей информационной поддержке СМИ это учение может быть квалифицировано как отработка модели поддержки сил ВМС Китая кораблями и судами ТОФ России в целях предотвращения вероятной атаки на китайский стратегический резерв, размещенный вблизи побережья Желтого моря, силами авианосной группы вероятного противника. Кроме обычных задач конвоирования судов и взаимодействия на морских коммуникациях, при противодействии терроризму и пиратству в этом учении показательно отрабатывались действия совместной АУГ (авианосной ударной группировки) по прикрытию собственных китайских авианосцев. Первый китайский авианосец Китая «Ляонин» — в прошлом советский (российский, украинский) ТАВКР (тяжелый авианесущий крейсер) «Варяг» (при закладке — «Рига») был куплен Китаем в 1998 г. По окончании достройки и модернизации в 2012 г. после учений «Морское взаимодействие — 2012» вошел в состав ВМС КНР [1, с. 41].

Следующее учение в июле 2013 г. проводилось в операционной зоне Тихоокеанского флота России в заливе Петра Великого. В дальнейшем учения проводились поочередно в акватории каждой стороны. Следует отметить [1, с. 42], что учения «Морское взаимодействие — 2012 и 2013» проводились в период обострения территориального спора между Китаем и Японией за острова Сенкаку в Восточно-Китайском море, поэтому переход китайских кораблей по легенде учений в Охотское море вслед за отрядом кораблей ТОФ был оценен японцами как «отработка варианта усиления сил ТОФ китайскими кораблями для действий в районе Курильских островов». Учения 2014 г. проводились с 20 по 26 мая в акватории Восточно-Китайского моря [Там же, с. 42–43]. В этом учении участвовали две китайские дизельные подводные лодки проекта 636.3М и 877 российской постройки.

В тематику учений ежегодно включаются эпизоды по конвоированию кораблей и судов, досмотру и сопровождению подозрительных морских объектов, поскольку еще с 2009 г. обе стороны осуществляют боевое дежурство в Индийском океане, а в начале 2014 г. синхронно конвоировали вывоз из Сирии химического оружия [Там же, с. 42–43]. К 2014 г. эскортная деятельность была существенно дополнена боевой составляющей, что значительно расширило поле морского взаимодействия. В 2015 г. «Морское взаимодействие» проводилось в два этапа — в операционной зоне ТОФ России в заливе Петра Великого 20–28 августа, а также на европейском театре, что свидетельствует о расширении морского пространства российско-китайского взаимодействия на море и подтверждает готовность Китая защищать свои национальные интересы во всех районах Мирового океана. В этом году была отработана высадка совместного воздушно-морского десанта под прикрытием сил армии, авиации и флота.

Очередное морское учение проводилось в сентябре 2016 г. в акватории Южно-Китайского моря у побережья китайской провинции Гуандун с основной задачей развития взаимодействия флотов при противодействии вызовам и угрозам с морских и океанских направлений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом были отработаны различные варианты высадки воздушно-морского десанта (на о. Дашудао) при совместной воздушной и морской поддержке. В два этапа, как и в 2015 г., проходило «Морское взаимодействие» в июле и сентябре 2017 г. — в акватории Балтийского и Японского морей соответственно. Темой второго, тихоокеанского, этапа стало обеспечение безопасности экономической морской деятельности на региональном уровне. Район учений общей протяженностью до 570 миль включал девять районов акватории Японского и южной части Охотского морей.

В 2018 г. и 2019 г. совместные морские учения проводились в акватории Желтого моря вблизи китайского порта Циндао. «Морское взаимодействие — 2019» стало одним из самых крупных морских учений этого формата с участием 13 кораблей основных боевых классов, двух подводных лодок и 10 летательных аппаратов [2, с. 35]. В целом следует подчеркнуть, что проведение серии учений «Морское взаимодействие» повышает оперативную совместимость флотов двух стран.

«Морское взаимодействие — 2021» прошло в Японском море 14–17 октября. В этом году в формат военно-морских учений включился и Иран. В конце 2021 г. — начале 2022 г. в Персидском заливе планируются совместные с Ираном российско-китайские маневры «Пояс морской безопасности». В этих учениях пока не участвуют атомные подводные лодки, включая ракетные подводные крейсера стратегического назначения, и не охватывают акватории морей Северного Ледовитого океана (СЛО), то есть трассы Северного морского пути (СМП) или (в китайской версии) Полярного шелкового пути, в этих акваториях российско-китайское взаимодействие было бы полезно при проведении совместных учений, например, в сфере мониторинга безопасности окружающей среды [12]. Кроме того, взаимодействие на уровне стратегических ядерных сил (СЯС) морского базирования, хотя бы демонстрация совместных действий (речь идет о демонстрации флага и отработки задач совместного плавания в рамках условной боевой службы), имело бы сильнейший геополитический эффект.

При этом Россия и Китай ценят стратегическую самостоятельность и не хотят брать на себя военные обязательства там, где у них нет общих интересов. Китай не хочет вмешиваться в ситуацию вокруг Крыма, а Россия — в историю с Тайванем. Вполне вероятно, что российско-китайские отношения будут развиваться и дальше, пока общность интересов преобладает над спорными моментами.

Литература

1. Авакянц С. И. Участие сил (войск) Тихоокеанского флота в совместных российско-китайских военно-морских учениях «Морское взаимодействие» // Морской сборник. 2018. № 2. С. 40–48.
2. Авакянц С. И. Тихоокеанский флот в годы Великой Отечественной войны, войны с Японией и на современном этапе // Морской сборник. 2020. № 5. С. 26–35.
3. Агарков С. А., Козьменко С. Ю., Ульченко М. В. Арктические коммуникации в китайских инфраструктурных проектах // Геополитика и безопасность. 2017. № 3 (39). С. 45–52.
4. Высоцкая Н. А., Евдокимов Г. П., Емельянов М. Д. и др. Национальные экономические интересы и тенденции развития морских перевозок углеводородных ресурсов в Арктике. Апатиты : КНЦ РАН. 2009. 163 с.
5. Кефели И. Ф. Евразийская цивилизация: от идеи к современному дискурсу // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 2. Т. 15. С. 12–25.
6. Козьменко С. Ю. Региональные факторы экономического развития морских коммуникаций в Арктике // Морской сборник. 2020. № 6 (2079). С. 66–70.
7. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М. : Экономика. 2002. 767 с.
8. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю / перевод Н. П. Азбелева (1895 г.). М. — СПб. : Terra Fantastica. 2002.
9. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю / русский перевод Н. Л. Кладо (1895 г.). В 2 т. М. — СПб. : Terra Fantastica. 2002.
10. Полюхович Г. И., Козьменко С. Ю. Теория морской силы и экономическое обладание морем // Морской сборник. 2005. № 3 (1900). С. 36–42.
11. Grotius H. The Freedom of the Seas or the Right which Belongs to the Dutch to Take Part in the East Indian Trade. New York. 1916.
12. Kozmenko S., Fedoseev S., Teslya A. Maritime Economics of the Arctic: Legal Regulation of Environmental Monitoring // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Part 3. History and Modernity. Ser. "Arctic: History and Modernity". 2018.
13. Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // Geographical Journal, 1904. XXIII. No. 4.

Об авторе:

Козьменко Сергей Юрьевич, главный научный сотрудник Института экономических проблем им. Г. П. Лузина ФИЦ «Кольский научный центр РАН» (Апатиты, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; fregat22@mail.ru

References

1. Avakyants S. I. Participation of Forces (Troops) Pacific Fleet in the Joint Russian-Chinese Naval Exercises "Maritime interaction" // Marine Collection [Morskoi sbornik]. 2018. No. 2. P. 40–48. (In Rus.)
2. Avakyants S. I. Pacific Fleet during the Great Patriotic War, the War with Japan and at the Present Stage // Marine Collection [Morskoi sbornik]. 2020. No. 5. P. 26–35. (In Rus.)
3. Agarkov S. A., Kozmenko S. Yu., Ulchenko M. V. Arctic Communications in Chinese Infrastructure Projects // Geopolitics and Security [Geopolitika i bezopasnost']. 2017. No. 3 (39). P. 45–52. (In Rus.)
4. Vysotskaya N. A., Evdokimov G. P., Emelyanov M. D., etc. National Economic Interests and Trends in the Development of Marine Transportation of Hydrocarbon Resources in the Arctic. Apatity : KSC RAS. 2009. 163 p. (In Rus.)
5. Kefeli I. F. Eurasian Civilization: From an Idea to a Modern Discourse // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. No. 2. Vol. 15. P. 12–25. (In Rus.)
6. Kozmenko S. Yu. Regional Factors of Economic Development of Maritime Communications in the Arctic // Marine Collection [Morskoi sbornik]. 2020. No. 6 (2079). P. 66–70. (In Rus.)

7. Kondratiev N. D. Big Cycles of Conjuncture and the Theory of Foresight. Moscow : Economics. 2002. 767 p. (In Rus.)
8. Mahan A. T. Influence of Sea Power upon History // Illustrated Naval and Military Magazine. N-Y. 1889.
9. Mahan A. T. Influence of Sea Power upon French Revolution and Empire / Russian translations N. L. Klado (1895). Moscow — Saint Petersburg : Terra Fantastica. 2002. (In Rus.)
10. Polyukhovich G. I., Kozmenko S. Y. Theory of Sea Power and Economic Possession of Sea // Marine Collection [Morskoi sbornik]. 2005. No. 3 (1900). P. 36–42. (In Rus.)
11. Grotius H. The Freedom of the Seas or the Right which Belongs to the Dutch to Take Part in the East Indian Trade. New York. 1916.
12. Kozmenko S., Fedoseev S., Teslya A. Maritime Economics of The Arctic: Legal Regulation of Environmental Monitoring // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Part 3. History and Modernity. Ser. “Arctic: History and Modernity”. 2018.
13. Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // Geographical Journal. 1904. XXIII. No. 4.

About the author:

Sergey Yu. Kozmenko, Chief Researcher at the Institute of Economic Problems n. a. G. P. Luzin Federal Research Center “Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation), Doctor of Economics, Professor; fregat22@mail.ru

Неолиберальный постмодерн и гиперимпериализм

Мисько О. Н.^{1, *}, Сысоев Ф. И.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* misko-on@ranepa.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербург, Российская Федерация; karfagen97@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье описывается трансформация идеологии либерализма и связанных с ним практик экономической доминанции на этапе перехода от социально-философской парадигмы модерна к парадигме постмодерна.

Цель. Определить связь, присутствующую между риторикой современного либерализма, парадигмальными установками постмодерна и тенденциями в эволюции мировой экономической системы.

Задачи. Рассмотреть исторические условия формирования либеральной и неолиберальной идеологии; определить место неолиберального дискурса в идеологическом ландшафте современности; соотнести его с другими актуальными дискурсами, которые претендуют на объяснение экономических, социальных и культурных процессов; проанализировать особенности современных практик экономической доминанции развитых стран по отношению к остальному миру.

Методология. В статье при помощи логического анализа устанавливаются характерные особенности современной либеральной идеологии, позволяющие говорить о новом этапе в истории развития либерализма. Сравнительный анализ позволяет выявить точки схождения либерализма на данном этапе с другими идеологическими направлениями современности. Вместе с этим статистический анализ позволяет увидеть важные факторы экономического характера, препятствующие сокращению дистанции между развитыми и развивающимися странами.

Результаты. Исследование показало, что к настоящему моменту либеральный дискурс претерпел значительные изменения, что позволяет говорить о совершенно новом этапе в развитии либеральной идеологии. Значительное влияние на него оказал общий парадигмальный сдвиг, затронувший весь спектр социально-экономической мысли на излете XX в., который мы определяем как интенсифицирующийся переход от парадигмы модерна к парадигме постмодерна. Однако анализ исторического пути империализма и присущих ему практик доминанции также позволяет говорить о его существенной трансформации в условиях постиндустриальной экономики и информационного общества. Параллельное рассмотрение этих аспектов (идеологического и практического), непрерывное соотнесение теории с экономическими реалиями позволяет авторам определить такое комплексное понятие, как гиперимпериализм. Этот термин предлагается использовать для обозначения специфической формы империализма в условиях постиндустриального уклада. При этом в качестве его ключевой особенности берется внутренняя неотделимость различных видов экспансии — экономической, идеологической и, шире, цивилизационной.

Выводы. В условиях масштабной социально-экономической и идеологической трансформации, имеющей глобальный характер, возрастает потребность в новых формах и средствах противостояния экономической гегемонии и поиска пути к самостоятельному экономическому и социальному развитию.

Ключевые слова: постмодерн, неолиберализм, гиперимпериализм, постиндустриальная экономика, информационное общество

Для цитирования: Мисько О. Н., Сысоев Ф. И. Неолиберальный постмодерн и гиперимпериализм // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 49–60.

Neoliberal Postmodernity and Hyperimperialism

Oleg N. Misko^{a, *}, Philipp I. Sysoev^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; karfagen97@mail.ru

^b St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; * misko-on@ranepa.ru

ABSTRACT

The article describes transformation of the ideology of liberalism and the associated practices of economic domination at the transition stage from the socio-philosophical Modern paradigm to Postmodern paradigm.

Aim. Identify the link between the rhetoric of modern liberalism, Postmodern paradigms and trends in the evolution of the world economic system.

Tasks. Consider the historical conditions for the formation of liberal and neoliberal ideology; determine the place of neoliberal discourse in the ideological landscape of our time; correlate it with other relevant discourses that claim to explain economic, social and cultural processes; to analyze the features of modern practices of developed countries economic domination in relations with the others world countries.

Methods. The article, using logical analysis, establishes the main features of modern liberal ideology, allowing us to talk about a new stage in the history of the liberalism development. Comparative analysis allows us to find out the points of liberalism convergence at this stage with other ideological directions in present time. However, statistical analysis reveals important economic factors impeding the reduction of the distance between developed and developing countries.

Results. The study showed that to date, the liberal discourse has undergone significant changes, which allows us to talk about a completely new stage in the development of liberal ideology. On the one hand, it was significantly influenced by a general paradigm shift that affected the entire spectrum of socio-economic thought in the 20th century, which we define as an intensifying transition from the Modern paradigm to the Postmodern paradigm. On the other hand, the analysis of the historical path of imperialism and its inherent practices of domination also allows us to talk about its significant transformation in the conditions of the post-industrial economy and the information society. Parallel consideration of these aspects (ideological and practical), the continuous correlation of theory with economic realities allows the authors to define such a complex concept as hyper imperialism. This term is proposed to be used to refer to a specific form of imperialism in a post-industrial manner. At the same time, the intrinsic inseparability of various types of expansion — economic, ideological and, more broadly, civilizational — is taken as its key feature.

Conclusion. In the context of a large-scale socio-economic and ideological transformation of a global nature, the need for new forms and means of confronting economic hegemony and finding a path to independent economic and social development is increasing.

Keywords: postmodern, neoliberalism, hyperimperialism, post-industrial economy, information society

For citing: Misko O. N., Sysoev Ph. I. Neoliberal Postmodernity and Hyperimperialism // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 49–60.

После распада Советского Союза и появления на его пространстве многих независимых государств перед ними объективно встал вопрос о выборе пути самостоятельного развития. Часть из них выбрала

путь ориентации на цивилизационный код Запада, другие начали развивать интеграционные процессы на других принципах. Однако и в первом, и во втором случае всем этим странам пришлось столкнуться с активным влиянием Запада, которое оказывало и продолжает оказывать разнонаправленное воздействие на их развитие, что объективно требует анализа тех глубинных процессов, которые формируют западный цивилизационный код.

В наиболее общем виде цивилизационный дискурс Запада лежит в развитии либерализма как категории, в рамках которой происходило становление рыночных отношений, и капитализма как социально-экономической системы, построенной на их использовании. В настоящей статье авторы попытаются проанализировать этот дискурс, определить закономерности и признаки фазового перехода от либерализма к неолиберализму на основании изучения перехода от модерна к постмодерну как западной цивилизационной оболочки, а также выяснить, насколько этот переход определяет отношение Запада к его окружению, какие экономические политики и тренды развития он может продуцировать в ходе реализации своей внешнеэкономической рефлексии.

Трансформация либерализма

В общественных науках является общепринятым выделение трех исторических типов общества — аграрного, индустриального и постиндустриального, которым соответствуют три типа экономических укладов. В то же самое время можно выделить три фундаментальные парадигмы, последовательно сменявшие друг друга на Западе: премодерн, модерн и постмодерн [11]. Сопоставить аграрный и индустриальный типы соответственно с традицией и модерном исторически и логически достаточно просто. Однако проблема нахождения глубинных социокультурных соответствий между постмодерном и постиндустриальным укладом является куда более сложной. Несомненно, однако, то, что процессы «вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры — в эпоху постмодерна» [16, с. 14] шли и продолжают идти параллельно. При этом в смене данных общественных типов трудно не заметить отчетливую цивилизационную специфику. Следовательно, вскрытие соответствия между экономическими укладами и данными «культурными формациями» позволит полнее показать цивилизационную природу современной экономической системы. Это, в свою очередь, будет важным теоретическим шагом на пути обоснования плюральности экономических систем и перехода к многополярному миру. Однако сегодня происходящие трансформации продолжают объясняться на языке детерминистского прогрессизма. На наш взгляд, эта риторика имеет своей целью скрыть тотальность не просто экономического, но и парадигмального доминирования одной цивилизации в глобальном масштабе. Поэтому в данной работе мы будем затрагивать ее идеологическое измерение, подчеркивая, где необходимо, соответствия между экономической теорией и философским дискурсом. Отметим, что такого типа соответствия присутствуют в большом количестве — в силу того, что оба направления мысли (экономической и философской) являются проекциями экзистенциальных установок конкретной цивилизации на соответствующие области.

Литературу, на основании которой можно проводить рассмотрение указанного выше вопроса, можно условно разделить на четыре основных типа. Первый тип является синтетическим и включает в себя четыре подгруппы. К нему относятся, во-первых, представители классического либерализма (А. Смит, Д. Рикардо), неолиберализма и либертарианства, включая неотделимую от них австрийскую экономическую школу (М. Фридман, Ф. Хайек, Л. Фон Мизес, М. Ротбард, А. Рэнд). Во-вторых, идеологи глобализации и Четвертой промышленной революции (К. Омаэ, К. Шваб). В-третьих, представители постмарксизма (З. Бауман, Д. Харви, И. Валлерстайн, А. Негри, М. Хардт). В-четвертых, анти / альтерглобалисты самых разных направлений (Дж. Рифкен, Н. Кляйн, Дж. Стиглиц).

Ко второму типу относятся философы-постмодернисты (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Фуко, Б. Латур, П. Фейерабенд, М. Маффесоли, Дж. Ваттимо).

К третьему типу можно отнести мыслителей — социологов, философов, историков, антропологов, обосновавших цивилизационную и антропологическую плюральность (О. Шпенглер, А. Тойнби,

К. Леви-Стросс, Ф. Бродель, М. Мосс, А. Корбен, Ж. Дюмезиль, С. Хантингтон, Н. Данилевский, Л. Гумилёв, А. Дугин).

К четвертому типу относится литература, посвященная анализу современного общества и современной экономики, учитывающая ее постмодернистское состояние (В. Иноземцев, Л. Ионин, А. Панарин, Ю. Осипов).

Поскольку основной идеологией эпохи модерна исторически являлся именно либерализм, то на стадии фазового перехода к новой парадигме необходимо проследить трансформации этой идеологии. Очевидно, что в конце 70 — 80-х гг. ярко обозначились признаки коренной трансформации индустриальной цивилизации. Этот процесс был связан, во-первых, с третьей промышленной (цифровой) революцией и, во-вторых, с полной победой либеральной идеологии (отход от кейнсианства, кризис марксизма). Однако эта победа не означала триумф модернизма. Более того, как считает Иммануил Валлерстайн [4], вместе с поражением марксизма наступил тяжелейший кризис самого либерализма. Дело в том, что с уходом со сцены основного идеологического и экономического противника идея модернизации, на которой основывался классический либерализм, не смогла больше скрывать свою несостоятельность: энергетические, долговые и финансовый кризисы показали иллюзорность попыток стран третьего мира догнать в развитии первый мир. Сама же идея модернизации вытекала из общей парадигмы Просвещения, что определяло ее основное содержание: данная теория предполагала, что для преодоления отставания необходимо проделать тот путь, который прошли в своем экономическом развитии страны первого мира (спорность этого подхода была выявлена еще школой депендентизма). Валлерстайн, поставив диагноз либерализму, совершенно логично подвел черту и под «проектом Просвещения». Итак, кризис модернизации был зафиксирован. Но в отношении идеологии либерализма, однако, ситуация обстоит гораздо сложнее. На наш взгляд, общий термин «либерализм» необходимо рассмотреть более подробно, поскольку под этим общим названием исторически в разные периоды существовало несколько идеологических течений: «классический» либерализм Адама Смита и Давида Рикардо; «социальный» либерализм XX в., а также «неолиберализм» и «либертарианство».

Наше предположение состоит в том, что вместе с идеей модернизации себя исчерпал именно модернистский либерализм, основанный на ценностях эпохи Просвещения, тогда как либертарианство и неолиберализм представляют вместе идеологию, имеющую отношение к иной парадигме. Такой подход позволит снять противоречие между кризисом модернизации, который Валлерстайн отнес к 1989 г., и одновременным стартом неолиберальной глобализации. Вместе с модернизацией, модерном и Просвещением себя исчерпал именно прежний либерализм (в своей классической или «социальной» форме), тогда как новый либерализм, ставя перед собой иные цели и оперируя с другими ценностями, продолжает оставаться доминирующей идеологией. Раскроем чуть подробнее их соотношение, указав также на некоторые причины, по которым «старый» либерализм переродился в нечто качественно иное. Учитывая, что чисто экономические причины этой метаморфозы на данный момент описаны уже достаточно хорошо (например, Дэвидом Харви [27]), сфокусируем внимание именно на внутренней логике развития либеральной идеологии, неразрывно связанной с логикой трансформации самого модерна.

В отношении классического либерализма можно сказать, что эта доктрина, как и любая доктрина эпохи модерна, оперировала идеей не только индивидуального, но и общего блага. Из этого следовали две характерные особенности этой идеологии. Во-первых, вслед за Джоном Локком она принимала *необходимость определенного разумного государственного участия*, имеющего целью «просветить» граждан. Это делало ее «половинчатой, компромиссной философией, которая пыталась определить соответствующие сферы для личности и для правительства» [19, с. 21]. Учитывая это, можно сказать, что если формирование политического либерализма, как и построение национального государства на заре модерна, было первым шагом на пути высвобождения политического субъективизма, то его демонтаж в контексте общего кризиса модерна — вторым. Во-вторых, признавая данность индивидуализма (эгоизма), классический либерализм, однако, не отрицал идею и по-

лезность социальной сплоченности. Принимая индивидуализм как данность человеческой природы, он не признавал его в качестве моральной ценности — на этом этапе либерализм в основном разводил экономические и этические вопросы (крайней формой такого смещения акцентов становится фактическая аннигиляция этики рациональностью, воплощенная в утилитаризме Джереми Бентама). Более того, можно сказать, что в социальном отношении основной целью либерализма являлось *укрепление социального порядка на рациональных основаниях*. Экономической формой воплощения вышеуказанного стремления должен был являться свободный рынок, а в качестве политической формы предлагалась демократия. Итак, как идеология либерализм являлся попыткой найти компромисс между индивидуальной свободой и интересами коллектива. В качестве хрестоматийного примера разрешения этой проблемы в оптике классического либерализма можно привести сатиру Бернарда Мандевилля «Пчелы», где эгоистические устремления отдельных лиц шли на пользу всему обществу. По сути, уже здесь между индивидуализмом и рационализмом (двумя коренными свойствами парадигмы модерна) был поставлен знак равенства — при допущении, что он пойдет на пользу всему обществу. В новом либерализме это допущение уже не делается: ведь, по сути, социальная сплоченность входит в противоречие с рационализмом. Бертран Рассел пишет: «человечество никогда не достигло бы успеха в установлении (социальной сплоченности) только разумными доводами» [19, с. 23] в силу того, что разум в принципе «враждебен социальной связи» [Там же, с. 22].

Выше мы отметили, что в целом (хотя и в сильно измененной форме) либерализм пережил разоблаченную как теоретически, так и практически идею модернизации. Важно проследить, в каких аспектах неолиберализм наследует классический либерализм (а вместе с ним и модерн), а в каких — отвергает. Связь неолиберализма со старым («классическим») либерализмом ожидаемо проходит по смысловой линии собственность — свобода, постулируя необходимость экономического индивидуализма. В то же самое время модернистский «запрет на создание гибридов» [15] снимается, и в результате в неолиберализме мы уже видим признание экономического индивидуализма не явлением рационального порядка, а моральной ценностью. В качестве яркого примера можно привести «добродетель эгоизма» у объективистов. Что касается австрийского направления либерализма, из которого, по сути, и выходит либертарианство, то там мы также видим «превращение индивидуализма в метафизику» [10, с. 430].

Преодолевая «компромиссность» и допущения классического либерализма, новый либерализм принимает намного более радикальные формы, гораздо менее связанные с социально-политическими и культурными ценностями модерна. Во-первых, основным требованием новой идеологии стало немедленное, бескомпромиссное *устранение государства* из всех сфер общественной жизни. Во-вторых, неолиберализм принимал во внимание обнаруженную невозможность практического сочетания индивидуализма (интересов капитала) с интересами и целями общества, приведшую к самоподрыву классического модернистского либерализма. Теперь *интересы общества уже не принимались во внимание* (более того, Маргарет Тэтчер заявила, что «общества никогда не существовало» [27]).

В результате этих идеологических ревизий классический либерализм был заклеен как «утилитаризм», а «классические либералы в конце концов получили клеймо консерваторов» [20, с. 25]. Соответственно, неолиберализм уже не ставит перед собой и задачи построения богатого национального государства (государство всеобщего благосостояния, *welfare state*), которое отныне определяется как «социальное милитаристское государство» [Там же, с. 27]. В новую эпоху приоритеты меняются, и место старых базовых структурных единиц мировой экономики занимают новые субъекты. Так, место «национальных государств» (*nation state*) в качестве основных экономических субъектов занимают, по мнению Киничи Омаэ, «регион-экономики» (*region economies*) [29].

Либертарианство и постмодернизм

Вместе с тем у либертарианцев присутствует радикальное переосмысление такой базовой ценности эпохи модерна, как демократия. Сменить ее, по их мнению, должна власть меньшинств,

осуществляемая не политически, а экономически: Милтон Фридман говорит о капитализме как об экономике меньшинств [22, с. 48]. Соответственно, политическая власть, выстраиваясь теперь по новым принципам, переходит к дерегулированию экономических процессов. Этот «метод властвования, основанный на институте неуверенности», естественным образом ведет к индивидуализации рисков, и в подобных условиях «история сжимается до (вечного) настоящего, и все вертится вокруг собственного я и личной жизни того или иного человека» [1, с. 27]. Так на социально-экономическом уровне осуществляется переход к «постобществу» — обществу с максимально редуцированной социальностью [2].

Схожим образом можно проследить близость взглядов представителей двух идеологий на примере отношения к другой базовой ценности модерна — общеобязательному образованию. Так, у Мюррея Ротбарда присутствует требование отделения образования от государства подобно тому, как в свое время была отделена от него церковь. Эта позиция в точности соответствует как логике освещения данной проблемы у Пола Фейерабенда [21], так и описанию репрессивной функции государственных учреждений (в частности, школы) у Мишеля Фуко [23].

Общим для новых либералов и теоретиков постмодерна является также принципиальный *анти-историцизм*. У Хайека можно встретить критику «исторического активизма» [24], у Поппера — неприятие попыток понять общественную жизнь на основе интерпретации истории [18, с. 37]. В той мере, в какой деконструкция любого метанарратива является лейтмотивом постмодернизма, можно утверждать, что в новом либерализме *ставится под сомнение сам прогресс*. Это возможно постольку, поскольку представление о нем несет на себе отпечаток историцизма; как отмечает Гиддэнс, «божественное предопределение было заменено [в модерне] предопределенным прогрессом» [7, с. 168].

В качестве еще одного примера можно рассмотреть одну из центральных концепций неолиберальной экономической теории — концепцию человеческого капитала, основателями которой были Теодор Шульц и Гэри Беккер, представители Чикагской экономической школы. Неолиберальное определение труда, принявшее форму «человеческого капитала», Фуко описывал как ансамбль «машина / поток» [28, р. 224]. Ключевым здесь является слово «машина», которое представляет собой аллюзию к известному концепту «машины желаний» [9]. Действительно, в неолиберальной теории человеческий капитал играет роль подобной машины: трудящийся представляет собой в одном лице предпринимателя и предприятие по производству удовольствия для самого себя. Таким образом, можно с легкостью установить смысловое соответствие между категорией человеческого капитала, являющегося частью «всеобъемлющей технологии» (Шульц), и важным элементом постмодернистского дискурса.

Выше мы указали на ряд моментов, идейно роднящих новый либерализм с постмодернизмом. Определим теперь среду, к которой обращаются оба этих идейных течения, которую они описывают и в которой находят, так или иначе, возможности для достижения своего социального идеала. Речь идет о глобальном постиндустриальном капитализме, существование которого стало возможным благодаря неолиберальным экономическим преобразованиям. Суть этих преобразований заключалась в детерриторизации и раскодировании всевозможных потоков, а их результатом стала новая экономическая система, работающая на свободных потоках денег, информации, рабочей силы и технологий [29]. В принципе, это описание полностью соответствует характеристике капитализма как системы, работающей на аксиоматике раскодированных потоков, данной «классиками» постмодернизма [9].

Между дискурсом постмодернистов и теорией неолиберализма существуют, безусловно, значимые различия. Во-первых, подавляющее большинство идеологов постмодерна либо «прошли через период марксизма, либо до конца находились под воздействием марксовских теорий и доктрин» [12, с. 45], а сам постмодернизм в определенном отношении можно рассматривать как новое издание марксизма. В то же время очевидно, что сама капиталистическая система обладает мощным ретерриторизирующим, ограничивающим и вместе с тем организующим потенциалом, т. е. по ряду параметров не подходит на роль «экономической системы» постмодерна. Здесь, однако, необходимо учесть

своеобразное отношение марксизма к капитализму, историческую задачу которого он видит в конструировании той реальности, в которой станет возможен переход к следующей формации. Поэтому нет ничего удивительного и в том, что теоретики постмодерна описывают капиталистическую реальность в категориях постмодернизма и видят в ней целый ряд его проявлений.

Итак, можно сказать, что развитие технологий в информационном обществе конструирует новую экономическую реальность — новую социальность, т. е. меняет характер социальных связей. Коммуникационная составляющая «становится с каждым днем все явственнее» [16, с. 46]. Конечно, существующая система *старается всячески удерживать ее под своим контролем, но в то же время она же сама ее создает*. С одной стороны, «решающие инстанции могут попытаться управлять этими облаками социальности» [Там же, с. 11], но, с другой стороны, «даже самый обездоленный никогда не бывает лишен власти над сообщениями, которые проходят через него и его позиционируют» [16, с. 45]. Сходную мысль высказывает и другой теоретик постмодернизма, Джанни Ваттимо. Согласно его мнению, логика рынка информации требует того, чтобы как можно больше голосов было услышано, а возможность высказываться, которую получают всевозможные субкультуры, оказывается нерасторжимо связанной с финалом европейского империализма [6, с. 12]. А значит, в новой социальности скрыт определенный революционный потенциал, противостоящий кодированию со стороны техники и управляющих ею групп.

Таким образом, постмодернизм, как и марксизм, обладает очень специфическим отношением к доминирующей системе — он наследует марксистскую позицию в отношении роли капитала в ее развитии. Впрочем, большой пессимизм в связи с этим выражает Бодрийяр, описывая наиболее вероятную, по его мнению, ситуацию: «Будут хозяева создающей сети — денег, информации, технологий — и будут изгои, которых абсолютное большинство» [3, с. 199]. Причем специфика нового типа контроля будет определяться технократическим характером «информационной» цивилизации. По мере того как функции управления все более будут передаваться технике, решающую роль будет играть новый «правлящий класс», который будет способен «давать информацию, которую технические средства должны держать в своей памяти, чтобы принимать правильные решения» [Там же, с. 43].

Со стороны либерализма также существуют подобные опасения. В узко экономическом смысле их сущность можно выразить в следующем фундаментальном вопросе: «Что является более ценным — владение платформой или базовым активом?» [25, с. 34]. Сам Шваб высказывает серьезные опасения, что решающую роль будет играть именно первый фактор. Таким образом, серьезнейшая проблема «наличия цифровых имущих и неимущих» [8, с. 147] отчетливо фиксируется и среди идеологов нового экономического порядка. Шваб видит выход в повышении общего уровня благосостояния, рассчитывая таким образом, что экономический рост если и не решит, то сделает малозначимой проблему имущественного неравенства. Иной точки зрения придерживается Бодрийяр: по его мнению, рост не может быть средством преодоления неравенства, так как он сам как социальный феномен является основным средством создания и поддержания неравенства в обществе [26]. Не могут решить проблему неравенства и тенденции, связанные с развитием человеческого капитала. В частности, проведенные исследования позволяют заключить, что доля человеческого капитала в общем доходе не растет. Для наглядной иллюстрации этого факта можно привести статистические исследования [17], которые демонстрируют устойчивое повышение доли доходов от «классических» форм капитала, начиная с момента старта неолиберальной глобализации. За сорок лет в богатых странах эта доля возросла с 15–25% до 25–35%¹. Это свидетельствует о том, что в перспективе владение технологиями будет являться ключевым фактором в распределении создаваемого богатства, что в целом совершенно естественно ввиду того, что в ходе любого масштабного технологического сдвига эластичность замещения труда капиталом высока, а на данный момент мы находимся как раз в начале новой промышленной революции.

¹ World Wealth & Income Database [Электронный ресурс]. URL: <http://wid.world/> (дата обращения: 20.01.2018).

Гиперимпериализм

Для описания ситуации, которую фиксируют все три из рассматриваемых идеологий — либерализм, постмарксизм и постмодернизм, мы предлагаем ввести концепт *гиперимпериализма*. Это понятие может интерпретироваться достаточно широко для того, чтобы учесть точки зрения различных интеллектуальных течений. Это понятие также способно охватить и весь спектр традиционных проблем. Одной из таких проблем является, безусловно, разрыв между «ядром» и «периферией» капиталистической мир-системы. В то же самое время природа современной глобальной постиндустриальной экономики вносит существенные коррективы в описание этой проблемы, придавая первоочередную значимость ее технологическим аспектам.

В связи с этим трансформация соотношений между «ядром и периферией» должна изучаться в контексте масштабного технологического сдвига. Происходящие технологические изменения часто рассматриваются в качестве фактора ускоренного роста экономик отстающих стран — в пользу этого говорят и высокие темпы роста «цифровой экономики» в странах третьего мира. Однако вместе с этим есть серьезные основания полагать, что в условиях технологического сдвига разрыв между экономически развитыми и развивающимися странами продолжит увеличиваться. В поддержку этого предположения говорит тот факт, что на сегодня существует существенная разница в уровне расходов на научно-исследовательские и конструкторские работы (НИОКР) между двумя группами стран. С одной стороны, имеющиеся данные позволяют сказать, что за 1996–2015 гг. доля развитых стран в общем объеме мировых расходов на НИОКР несколько сократилась (приблизительно с 84 до 66%). Однако при этом необходимо учитывать, что фактически увеличить свою долю смог только Китай — с 2% до 22%, в результате чего его расходы на НИОКР составляют порядка двух третей в общем объеме расходов развивающихся стран. В то же самое время совокупная доля остальных развивающихся стран за рассматриваемый период времени снизилась с 12% до 11%. Причем внутри этой группы также существует определенное расслоение: так, суммарная доля Бразилии, Индии, России, Турции, Египта, Малайзии, Мексики и Таиланда возросла с 8 до 9%, тогда как доля всех прочих развивающихся стран снизилась с 4 до 2% [5, с. 152]. Аналогичные изменения имели место в отношении такого важного показателя результативности осуществления расходов на науку, как доля в патентовании. Здесь КНР также удалось совершить скачок, тогда как доля остальных развивающихся экономик опустилась с 6 до 4% от общемирового объема. Причем если перечисленная выше группа из восьми стран сумела удержать свой уровень (3%), то доля прочих развивающихся стран снизилась с 3 до 1%, что позволяет говорить о неконкурентоспособности их экономик.

Цивилизационная природа гиперимпериализма

Очень интересно теперь сделать акцент на том, что неолиберально-постмодернистский гиперимпериализм в том виде, в каком мы его определили, имеет ярко выраженную цивилизационную природу, и наличие культурного кода, присущего американской цивилизации, фиксируется очень четко. Уточним, что под «американской цивилизацией» мы понимаем, по сути, развернутый проект европейского модерна, который получил в американском пространстве несравненно больше возможностей для реализации. Ротбард пишет: «хотя либерализм зародился в Англии, с наибольшей последовательностью и радикализмом он сумел развиваться и с наибольшей полнотой реализоваться на практике именно в Америке» [20, с. 13]. *Более того, именно в американском политическом дискурсе либерализм являлся идеологической константой.* Это не случайно, поскольку, как пишет Фуко, для США «притязания либерального типа были исторической точкой отсчета» [28, р. 217]. В отличие от стран Европы, в Америке либерализм представлял собой не просто идеологическое течение, но являлся «целостным способом бытия и мышления». Это значит, что либерализм в данном случае выражал целый ряд характерных особенностей американского культурного кода, был имманентно

присущ сознанию американского общества. Именно в особенностях этого кода нужно, на наш взгляд, искать истоки специфики американской экономической теории, развитой в доктрине неолиберализма. На этом моменте у нас появляется возможность, исходя из новых (цивилизационных) оснований, выявить причины глубинных соответствий между элементами (и общим настроением) неолиберальной теории и различными аспектами взглядов идеологов постмодерна. Необходимо при этом оговорить, что теоретические представления последних представляют собой скорее философскую рефлексию той социокультурной действительности, которая реализовалась в американском (и только потом в европейском) обществе. Если же в качестве объекта сравнения мы возьмем не уходящие в перспективу философские проекты, а актуальную социальную реальность, то соответствия проявятся еще более четко. Итак, в качестве доминирующего фактора, определяющего характерные особенности современной экономической системы и обуславливающего их неразрывную связь с парадигмой постмодерна, примем ключевые особенности североамериканской идентичности.

Природа альтернатив

Краткий анализ некоторых чисто экономических аспектов подводит нас к выводу о необходимости поиска экономической альтернативы существующей однополярной системе. Вскрытие же цивилизационных аспектов, лежащих в основе этой системы, ясно указывает на необходимое условие такой альтернативы — ее жизненность должна обеспечиваться выходом за жесткие парадигмальные (экономические, социальные, мировоззренческие) рамки, установленные Западом в процессе его исторической экспансии.

Мы убеждены, что полноценная альтернатива должна с неизбежностью иметь характер цивилизационного проекта. В возможности такого проекта нас убеждает собственная история, а в его необходимости — нарастающий, в том числе среди западных ученых, скептицизм в отношении исторических возможностей капитализма. В частности, ограниченный потенциал этой исторической системы был выявлен школой мир-системного анализа. «Это просто неправда, что капитализм как историческая система представлял собой прогресс по сравнению с различными предыдущими историческими системами, которые он трансформировал или разрушил», — пишет Валлерстайн [30, р. 98]. В отношении же России задача разработки такой альтернативы существенно облегчается на теоретическом уровне наличием глубокой и самобытной интеллектуальной традиции. С одной стороны, необходимо обращение к широкому кругу представителей русской философской и экономической мысли, в первую очередь к творчеству славянофилов — В. Соловьева, Л. Тихомирова, Н. Данилевского, С. Шарапова, К. Леонтьева. Огромную важность представляет тот факт, что эти мыслители старались не отделять вопросы организации экономической жизни от конкретных цивилизационных особенностей. Принятие такого подхода позволит развить экономическую теорию, которая бы соответствовала объективным потребностям страны. Более того, на актуальность ряда конкретных рекомендаций указанных мыслителей обращают внимание и сегодня [13]. С другой стороны, особое внимание следует уделить цивилизационному подходу — в том виде, в каком его развивали представители евразийства (Н. Трубецкой, Г. Вернадский, Л. Гумилев). Необходимо отметить, что сегодня заметны как серьезные теоретические усилия, так и значимые практические шаги на пути воплощения евразийского проекта, в частности, мощное развитие получает евразийская экономическая интеграция.

Подводя итог, можно сказать, что в целом нам удалось установить некоторые структурные соответствия между неолиберальным и постмодернистским дискурсами, а также отчасти объяснить происхождение этих соответствий. В целом представляется возможным заключить, что идеологическая программа нового либерализма представляет собой упрощенную, «капиталоориентированную» версию постмодернизма. Далее, проведя сравнение с другими идеологиями, мы увидели, какое место занимает неолиберальный дискурс в общем идеологическом пространстве современности. Мы отметили, что постмарксизм видит в глобализации, осуществляемой под знаменем неолиберализма,

этап создания материальных условий, в которых будет возможно осуществить переход к новому социальному порядку. Постмодернисты же видят в либеральной глобализации, проходящей в контексте Четвертой промышленной революции, способ создания новой, гибкой, мобильной и плюральной социальности, которая также позволит осуществить переход к новому устройству общественной жизни — своеобразному «либеральному архипелагу» [14]. Существуют, однако серьезные основания для сомнений относительно возможности подобного перехода. С одной стороны, реальные факты свидетельствуют о дальнейшем отставании стран третьего мира и о росте неравенства внутри развитых стран. С другой стороны, становится очевидной несостоятельность большинства формирующихся в рамках рассмотренного нами идеологического ландшафта альтернатив — постольку, поскольку гиперимпериализм, понимаемый как цивилизационное явление, с равной пользой для себя ассимилирует как либеральный, так и постмодернистский и марксистский дискурсы.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос. 2005.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Издательство Уральского университета. 2000.
3. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М. : Рипол Классик. 2017.
4. Валлерстайн И. После либерализма. М. : Едиториал УРСС. 2003.
5. Васильева Ю. А., Кряжева-Черная П. С., Сысоев Ф. И. Статистика расходов на НИОКР и патентования в развитых и развивающихся странах // Современные тенденции и инновации в области социально-гуманитарных наук : материалы Международной научно-практической конференции. 30.01.2018. Самара : Поволжская научная корпорация. 2018.
6. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М. : Логос. 2002.
7. Гидденс Э. Последствия современности. М. : Практикс. 2011.
8. Грингард С. Интернет вещей: будущее уже здесь. М. : Альпина Паблишер. 2017.
9. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория. 2007.
10. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Логос Европы: средиземноморская цивилизация во времени и пространстве. М. : Академический проект. 2014.
11. Дугин А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли : курс лекций на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : Евразийское движение. 2009.
12. Ионин Л. Политкорректность: дивный новый мир. М. : Ад Маргинем Пресс. 2012.
13. Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова. М. : Институт русской цивилизации, Издательский дом «Кислород». 2016.
14. Кукарас Ч. Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы. М. : Мысль. 2011.
15. Латур Б. Нового времени не было. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2006.
16. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб. : Алетейя. 2016.
17. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс. 2016.
18. Поппер К. Открытое общество и его враги. М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива». 1992.
19. Рассел Б. История западной философии. М. : АСТ. 2017.
20. Ротбард М. К новой свободе: Либертарианский манифест. М. : Новое издательство. 2009.
21. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М. : АСТ. 2010.
22. Фридман М. Капитализм и свобода. М. : Новое издательство. 2016.
23. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс. 2016.
24. Хайек Ф. Дорога к рабству. М. : АСТ. 2017.
25. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо. 2017.
26. Baudrillard J. The Consumer Society: Myths and Structures. London : SAGE Publications Ltd. 1998.
27. Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford University Press. 2005.

28. Foucault M. The Birth of Biopolitics. Palgrave Macmillan. 2008.
29. Omae K. The end of Nation State and Rise of Region Economies. HarperCollinsPublishers. 1996.
30. Wallerstein I. Historical Capitalism with Capitalist Civilization. Verso. 1996.

Об авторах:

Мисько Олег Николаевич, доцент, заведующий кафедрой экономики факультета экономики и финансов СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; miskoo-on@ranepa.ru

Сысоев Филипп Игоревич, магистрант экономического факультета СПбГУ, специальность: экономико-математические методы (Санкт-Петербург, Российская Федерация); karfagen97@mail.ru

References

1. Bauman Z. The Individualized Society. Moscow, Publ. House Logos. 2005. (In Rus.)
2. Baudrillard J. In Shadow of the Silent. The end of the Social. Ekaterinburg : Publ. House of Ural University. 2000. (In Rus.)
3. Baudrillard J. The Spirit of Terrorism. Moscow : Publ. House Ripol Classic. 2017. (In Rus.)
4. Wallerstein I. After Liberalism. Moscow : Editorial URSS. 2003. (In Rus.)
5. Vasilieva J., Kryazheva-Chernaya P. and Sysoev P. Statistics of R & D Expenditure and Patenting in Developed and Developing Countries // Materials of the International Scientific-practical Conference [Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii]. Samara : SIC "Volga Scientific Corporation". 01.30.2018. (In Rus.)
6. Vattimo G. Transparent Society. Moscow : Publ. House Logos. 2002. (In Rus.)
7. Giddens A. The Consequences of Modernity. Moscow : Publ. House Praxis. 2011. (In Rus.)
8. Greengard S. The Internet of Things. Moscow : Publ. House Alpina Publisher. 2017. (In Rus.)
9. Deleuze G. and Guattari F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. Ekaterinburg : Publ. House U-Faktoriya. 2007. (In Rus.)
10. Dugin A. Noomachia: The War of the Mind. The Logos of Europe: Mediterranean Civilization in Time and Space. Moscow : Publ. House Academic Project. 2014. (In Rus.)
11. Dugin A. Postphilosophy. Three Paradigms in the History of thought : A Course of Lectures at the Philosophy Faculty of Moscow state University. Moscow : Publ. House the Eurasian Movement. 2009. (In Rus.)
12. Ionin L. Political Correctness: A Brave New World. Moscow : Publ. House Ad Marginem Press. 2012. (In Rus.)
13. Katasonov V. Economic Theory of the Slavophiles and Contemporary Russia. Moscow : Institute of Russian civilization, Publ. House Oxygen. 2016. (In Rus.)
14. Kukatas C. The Liberal Archipelago. Moscow : Publ. House Thought. 2011. (In Rus.)
15. Latour B. We Have Never Been Modern. Saint Petersburg : Publ. House of the European University in St. Petersburg. 2006. (In Rus.)
16. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition. Saint Petersburg : Publ. House Aleteya. 2016. (In Rus.)
17. Piketty T. Capital in the Twenty-first Century. Moscow : Publ. House Ad Marginem Press. 2016. (In Rus.)
18. Popper C. The Open Society and Its Enemies. Moscow : Phoenix, International Fund "Cultural Initiative". 1992. (In Rus.)
19. Russel B. A History of Western Philosophy. Moscow : Publ. House AST. 2017. (In Rus.)
20. Rothbard M. For a New Liberty: The Libertarian Manifesto. Moscow : New Publishing. 2009. (In Rus.)
21. Feuerabend P. Science in a Free Society. Moscow : Publ. House AST. 2010. (In Rus.)
22. Friedman M. Capitalism and Freedom. Moscow : New Publishing. 2016. (In Rus.)
23. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. Moscow : Publ. House Ad Marginem Press. 2016. (In Rus.)

24. Hayek F. The Road to Serfdom. Moscow : Publ. House AST. 2017. (In Rus.)
25. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow : Publ. House Eksmo. 2017. (In Rus.)
26. Baudrillard J. The Consumer Society: Myths and Structures. London, SAGE Publications Ltd. 1998.
27. Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford University Press. 2005.
28. Foucault M. The Birth of Biopolitics. Palgrave Macmillan. 2008.
29. Omae K. The End of Nation State and Rise of Region Economies. HarperCollinsPublishers. 1996.
30. Wallerstein I. Historical Capitalism with Capitalist Civilization. Verso. 1996.

About the authors:

Oleg N. Misko, Associate Professor, Head of the Chair of Economics of the Faculty of Economics and Finance NWIM of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); misko-on@ranepa.ru

Philipp I. Sysoev, Masters Student of the SPbSU, Speciality Economic and Mathematics Methods (Saint Petersburg, Russian Federation); karfagen97@mail.ru

Особенности политико-правовых документов ЕАЭС с третьими странами

Березина Е. К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация;
berezina-ek@ranepa.ru, berezina.elizaveta.95@mail.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение «мягкосиловых» инструментов международной деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с третьими странами в рамках трансрегионализма на основе программных документов и институциональных форматов. В исследовании приводится опыт Китая, где «мягкая сила» используется с целью достижения экономической мощи и может выступать в роли источника как привлекательности, так и давления.

Цель. Определить целесообразность применения концепции «мягкой силы» в области международного сотрудничества ЕАЭС с третьими странами на основе программных документов и институциональных форматов.

Задачи. Определить концептуальные основы международного сотрудничества ЕАЭС с третьими странами, рассмотреть программные документы ЕАЭС в области международного сотрудничества, выявить институциональные форматы ЕАЭС в области взаимодействия с третьими странами.

Методология. В настоящей работе с помощью методов изучения документов и контент-анализа выявлены компетентные органы ЕАЭС и действующие институциональные форматы в области международного сотрудничества. В корне деятельности ЕАЭС прослеживаются два принципа: наднациональный, который отвечает за функционирование Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), и межгосударственный, когда к переговорам могут быть подключены и государства-члены.

Результаты. Исследование показало, что ЕАЭС осуществляет четыре институциональных формата взаимодействия с третьими странами, а именно: зона свободной торговли; временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли; преференциальные и непреференциальные торговые соглашения; меморандум о взаимопонимании. Так, высшим форматом взаимодействия ЕАЭС с третьими странами является зона свободной торговли. Выбор конкретного институционального формата ЕАЭС с третьими странами определяется не только историческими и геополитическими особенностями, а, скорее, комплексным анализом внешней политики и возможностей той или иной страны.

Выводы. Международная деятельность ЕАЭС в области взаимодействия с третьими странами направлена не только на углубление и упрощение торгово-экономического сотрудничества, но и дает возможность продвигать «мягкую силу» в международном глобальном пространстве через такие инструменты, как наука, технологии, инновации.

Ключевые слова: трансрегионализм, «мягкая сила», международное сотрудничество, региональная экономическая интеграция, зона свободной торговли, меморандум о взаимопонимании

Для цитирования: Березина Е. К. Особенности политико-правовых документов ЕАЭС с третьими странами // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 61–66.

Specifics of the Political and Legal Documents of the EAEU with Third Countries

Elizaveta K. Berezina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation;
berezina-ek@ranepa.ru, berezina.elizaveta.95@mail.ru

ABSTRACT

This study examines “soft power” international activity instruments of the Eurasian Economic Union (EAEU) with third countries within the framework of transregionalism on the basis of program documents and institutional formats. The study describes the experience of China, where soft power is used to achieve economic power and can act as a source of both attractiveness and pressure.

Aim. The study to determine the feasibility of applying the concept of “soft power” in the field of international cooperation of the EAEU with third countries on the basis of program documents and institutional mechanisms.

Tasks. The author determines the conceptual foundations of international cooperation between the EAEU and third countries, considers the EAEU program documents in the field of international cooperation, identifies the institutional formats of the EAEU in the field of interaction with third countries.

Methods. The study uses methods of studying documents and content analysis to identify the competent authorities of the EAEU and existing institutional formats in the field of international cooperation. At the root of the EAEU’s activities, two principles can be traced: supranational, which is responsible for the functioning of the Eurasian Economic Commission (EEC), and interstate, when member states can also be involved in negotiations.

Results. This study shows that the EAEU implements four institutional formats for interaction with third countries, namely the Free Trade Zone; Interim agreement leading to the formation of a free trade area; Preferential and non-preferential trade agreements; Memorandum of understanding. Thus, the highest format of interaction between the EAEU and third countries is the Free Trade Zone. The choice of a specific institutional format with third countries is determined not only by historical and geopolitical characteristics, but rather a comprehensive analysis of the foreign policy and capabilities of a particular country.

Conclusions. The EAEU’s international activities in the field of interaction with third countries are aimed not only at deepening and simplifying trade and economic cooperation, but also making it possible to promote soft power in the international global space through tools such as science, technology, innovation.

Keywords: transregionalism, “soft power”, international cooperation, regional economic integration, free trade zone, memorandum of understanding

For citing: Berezina E. K. Specifics of the Political and Legal Documents of the EAEU with Third Countries // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 61–66.

Введение

На сегодняшний день Евразийский экономический союз (ЕАЭС) придерживается выработанных планов своего развития, несмотря на глобальные вызовы современности, связанные с пандемией COVID-19 и общими негативными тенденциями на международной арене. В целом эти негативные тенденции могут быть компенсированы расширением международных связей и взаимной торговли с третьими странами, наращиванием торгово-экономического сотрудничества наряду с другими областями, такими как научно-техническое сотрудничество и экология, при создании соответствующих условий в целях дальнейшего развития экономики.

Одним из основных направлений развития евразийской интеграции является взаимодействие с третьими странами, которое должно привести к формированию зоны свободной торговли (далее — ЗСТ). На сегодняшний день более пятидесяти стран заинтересованы в договоренностях с ЕАЭС, в том числе и в формате ЗСТ [1, с. 44–45]. В этом контексте речь идет не только об близлежащих странах, но и расположенных в других регионах и даже на континентах.

Концептуальные основы международного сотрудничества ЕАЭС с третьими странами

В настоящее время Евразийский экономический союз стремится развивать международное сотрудничество с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями и самостоятельно с государствами-членами¹. Во многом специфика международного сотрудничества ЕАЭС, с одной стороны, опирается на концепцию трансрегионализма, под которым понимается процесс институционализации сотрудничества между региональными объединениями и государствами из разных регионов мира [2, с. 73]. С другой стороны, взаимодействие ЕАЭС и третьих стран можно проанализировать с точки зрения концепции «мягкой силы». Под данным термином понимается способность устанавливать предпочтения, обычно связанная с нематериальными активами, такими как привлекательная личность, культура, политические ценности и институты, а также внешняя политика, которая считается законной или имеющей моральный авторитет [6, р. 95]. По мнению исследователя Дж. Ная, «мягкая сила» государства основывается на привлекательности трех ее компонентов: культура (в местах, где она привлекательна для других), политические ценности (когда она соответствует им внутри страны и за рубежом) и внешнеполитические стратегии (когда они рассматриваются как законные и обладающие моральным авторитетом) [7, р. 11].

Зарубежный исследователь С. Бреслин, исследуя «мягкую силу» Китая, понимая ее как *идею*, утверждает: «другие присоединятся к вам и вашим политическим предпочтениям», только если «их привлекает ваша политическая и социальная система, ценности и внешнеполитические стратегии» [5, р. 8]. Автор приводит аргументы, что в настоящее время Китай достиг рекордного экономического роста и сокращения бедности, не поддавшись давлению со стороны Запада. Теперь Китай является особенно привлекательным для стран, желающих достичь такого же роста [Там же, р. 9].

В этом контексте иногда традиционные компоненты «мягкой силы» начинают восприниматься в качестве инструмента принуждения. Например, британское PR-агентство Portland, публикующее с 2015 г. рейтинг Soft Power 30, выделяет экономическую и инвестиционную привлекательность в качестве одной из шести составляющих «мягкой силы». Отечественный исследователь Д. А. Лобанова ссылается на статью профессора политологии университета де Ла Салль в Маниле Р. Хайдариан «Конец мягкой силы Китая», утверждающего, что, несмотря на развитие торговли и инвестиционных отношений между КНР и другими развивающимися странами, соседи Пекина видят в китайском бизнесе инструмент экспансионизма. Таким образом, «мягкая сила» Пекина — лишь прикрытие его «жесткой» стратегии. В результате в зависимости от конкретной ситуации экономическая мощь может выступать в роли источника как привлекательности, так и давления [3, с. 83–84].

В первую очередь важно рассмотреть особенности правовой компетенции ЕАЭС в области международного сотрудничества.

С правовой точки зрения Высший Евразийский экономический совет наделен компетенцией по вопросам планирования международного сотрудничества ЕАЭС (далее — Союз). Порядок осуществления Союзом международного сотрудничества устанавливается решением Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС). Вопросы заключения международных договоров Союза с третьей стороной определяются международным договором в рамках Союза [1, с. 49].

При рассмотрении нормативно-правовой базы ЕАЭС в первую очередь необходимо указать основной документ, регулирующий сферу международных правоотношений, — Соглашение «О международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями» (2018 г.)². Ежегодно Совет вырабатывает документ, именуемый «Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС».

¹ Договор об Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». 2014. Ст. 7. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/628d8ee06204e6516c76ce2625457a75f096d351/ (дата обращения: 26.11.2021).

² Соглашение «О международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550970067> (дата обращения: 26.11.2021).

Данный документ характеризует правовые формы взаимодействия с различными государствами и торговыми блоками и выявляет потенциальные целевые состояния (например, заключение ЗСТ).

В основе деятельности ЕАЭС прослеживается два принципа: наднациональный, который отвечает за функционирование Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), и межгосударственный, когда к переговорам могут быть подключены и государства-члены [1, с. 49].

В настоящее время перед ЕАЭС стоит стратегическая задача стать значимым центром притяжения и развития на мировой арене. Решение ВЕЭС № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» предполагает следующие ключевые направления международного экономического сотрудничества ЕАЭС с зарубежными партнерами: 1) развитие диалога с государствами, получившими статус государства-наблюдателя при Союзе, популяризация членства в Союзе и получения статуса наблюдателя при Союзе; 2) определение новых партнеров по соглашениям о свободной торговле, проведение с ними совместных исследований для изучения целесообразности заключения соглашений о свободной торговле, проведение с ними переговоров о заключении соглашений; 3) взаимодействие с третьими странами, с которыми установлены механизмы сотрудничества или которые проявляют интерес к взаимодействию с Союзом, в том числе реализация меморандумов о сотрудничестве¹.

Помимо этого, ЕАЭС заинтересован вести диалог с зарубежными партнерами через публичные мероприятия по евразийской проблематике, организуемые при ЕЭК, и по линии Делового совета ЕАЭС².

Институциональные форматы взаимодействия ЕАЭС с третьими странами

1. Соглашения о зоне свободной торговли. В условиях пандемии COVID-19 ЕЭК нацелена заключать соглашения не только для снятия тарифных барьеров, но и по направлению научно-технического сотрудничества [Там же]. В связи с продолжающейся пандемией COVID-19 большое преимущество в ЕАЭС приобретает Россия по экспорту разработанных вакцин и обмену технологиями в этой области с третьими странами. По состоянию на 2020 г. ЕАЭС заключил три Соглашения о ЗСТ³. На сегодняшний день ЕАЭС продолжает вести переговоры с Арабской Республикой Египет, Государством Израиль, Республикой Индией по вопросу заключения соглашений о ЗСТ⁴. Кроме того, ЕАЭС стремится заключать соглашения, в основе которых лежит принцип win-win, то есть чтобы новые альянсы приносили очевидную взаимную экономическую выгоду [4, с. 40].

2. Временные соглашения, ведущие к образованию зоны свободной торговли (или промежуточный формат). В международной практике ЕАЭС в настоящее время действует единственное Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли с Исламской Республикой Иран (2018 г.), направленное на либерализацию и упрощение торговли товарами между сторонами посредством, в частности, снижения или устранения тарифных и нетарифных барьеров в отношении товаров происхождения⁵, включенных в приложение I к соглашению⁶. Положения соглашения содержат также и кооперацию в бизнесе.

3. Непреференциальные и преференциальные торговые соглашения. Непреференциальные торговые соглашения не предусматривают обязательств по отмене пошлин и в основном направлены

¹ Решение ВЕЭС от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 26.11.2021).

² Решение ВЕЭС от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 26.11.2021).

³ В настоящее время с ЕАЭС действуют Соглашение о ЗСТ с Вьетнамом, Сингапуром, Сербией.

⁴ Решение Совета ЕЭК № 83 от 01.10.2020 «О проекте Решения ВЕЭС “Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2021 год”» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01227492/err_21102020_83_doc.pdf (дата обращения: 26.11.2021).

⁵ Interim Agreement Leading to Formation of a Free Trade Area between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one Part, and the Islamic Republic of Iran, of the other Part [Электронный ресурс] // Правовой портал ЕАЭС. 2018. Article 1.2. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417815/iatc_21052018 (дата обращения: 26.11.2021).

⁶ К этой категории относятся сельскохозяйственные и промышленные группы товаров.

на сотрудничество по снятию нетарифных барьеров, таможенному регулированию, инфраструктурным проектам [1, с. 49–50]. Например, Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской народной Республикой, с другой стороны (2018 г.), не является преференциальным, т. е. не предусматривает снижение пошлин, а направлено на упрощение процедур торговли и развитие кооперации¹. Тем не менее в соглашении есть положения, предусматривающие обмен информацией, инновации, научно-техническое сотрудничество².

4. *Меморандумы о сотрудничестве с третьими странами и международными организациями.* Такие договоренности носят как ознакомительный характер об обмене информацией в области региональной интеграции, так и рекомендательный характер, то есть относятся к категории «мягкого» права [Там же, с. 50]. В настоящее время меморандум о взаимопонимании является наиболее распространенной практикой ЕАЭС в области сотрудничества как с близлежащими странами, так у удаленными. С 2015 г. по настоящее время ЕАЭС заключил девятнадцать³ двусторонних меморандумов о взаимопонимании с различными государствами, включая самоуправляющиеся территории. При этом действуют меморандумы о взаимопонимании, заключенные между ЕАЭС и международными организациями, региональными экономическими организациями, функциональными подразделениями ООН.

В целом ЕАЭС реализует политику в области международного сотрудничества согласно приоритетам в издаваемых ВЕЭС документах. Тем не менее формат заключенных договоренностей с третьими странами определяется не только историческими и геополитическими особенностями, но, скорее, комплексным анализом той или иной страны, т. е. выявлением ее конкурентных преимуществ, проводимой внешней политики и возможностей для ЕАЭС.

В этом контексте реализация взаимодействия ЕАЭС с третьими странами через вышеупомянутые институциональные форматы направлена не только на упрощение торгово-экономического сотрудничества, но и дает возможность продвигать «мягкую силу» ЕАЭС через такие инструменты, как наука, технологии, инновации.

Литература

1. Березина Е. К., Торопыгин А. В. ЕАЭС расширяет международное сотрудничество: направление — Латинская Америка // Управленческое консультирование. 2021. № 3. С. 43–57.
2. Лебедева М. М., Кузнецов Д. А. Трансрегионализм — новый феномен мировой политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 71–84.
3. Лобанова Д. А. Концептуальные подходы к определению понятия силы в международных отношениях // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2 (49). С. 77–88.
4. Хейфец Б. А. Перспективы развития ЕАЭС как нового формата взаимодействия с внешним миром // Общество и экономика. 2018. № 12. С. 39–53.
5. Breslin S. The Soft Notion of China's 'Soft Power' [Электронный ресурс] // Asia Programme Paper: ASP PP. 2011. No. 3. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Asia/0211pp_breslin.pdf (дата обращения: 26.11.2021).
6. Nye J. S. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. Is. 1. P. 94–109.
7. Nye J. S. Jr. Soft Power: The Means to Success in Worlds Politics. New York : Public Affairs Press, 2005.

¹ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР вступило в силу [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 25.10.2019. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-10-2019-5.aspx> (дата обращения: 28.11.2021).

² Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской народной Республикой, с другой стороны [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <https://eec.eaeunion.org/comision/direction/trade/soglashenie-s-kitaem.php> (дата обращения: 28.11.2021).

³ Узбекистан, Индонезия, Бангладеш, Аргентина, Таиланд, Фарерские острова, Куба, Эквадор, Марокко, Иордания, Греция, Молдова, Венгрия, Камбоджа, Сингапур, Республика Корея, Перу, Чили, Монголия.

Об авторе:

Березина Елизавета Константиновна, ведущий специалист Центра международной проектной деятельности Управления международного сотрудничества Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация); berezina-ek@ranepa.ru, berezina.elizaveta.95@mail.ru

References

1. Berezina E. K., Toropygin A. V. EAEU Expands International Cooperation: Latin American Trend // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. No. 3. P. 43–57. (In Rus.)
2. Lebedeva M. M., Kuznetsov D. A. Transregional Integration as a New Phenomenon of World Politics: Nature and Prospects // Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2019. No. 5. P. 71–84. (In Rus.)
3. Lobanova D. A. Conceptual Approaches to Definition of Power in IR Theory // International Trends [Mezhdunarodnye processy]. Vol. 15. No. 2 (49). P. 77–88. (In Rus.)
4. Kheyfets B. A. Prospects for the Development of the EAEU as a New Format of Interaction with the Outside World // Economics and Society [Obshchestvo i ekonomika]. 2018. No. 12. P. 39–53. (In Rus.)
5. Breslin S. The Soft Notion of China's 'Soft Power' [Electronic resource] // Asia Programme Paper: ASP PP. 2011. No. 3. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Asia/0211pp_breslin.pdf (date accessed: 26.11.2021).
6. Nye J. S. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. Issue 1. P. 94–109.
7. Nye J. S. Jr. Soft Power: The Means to Success in Worlds Politics. New York : Public Affairs Press, 2005.

Abot the author:

Elizaveta K. Berezina, Senior Specialist of the Center for International Project Activities under the Department of International Cooperation of Nord-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation); berezina-ek@ranepa.ru, berezina.elizaveta.95@mail.ru

Классификация морских споров и современные правовые средства их разрешения¹

Кириленко В. П.^{*}, Алексеев Г. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация;
^{*}v.vvaas@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Обзор научных статей, опубликованных за последние 15 лет в ведущих зарубежных научных журналах по международному праву, свидетельствует о совершенствовании правовых средств урегулирования межгосударственных морских споров.

Цель. Выявление особенностей применения норм морского права при разрешении морских споров, складывающихся в современной международной системе.

Задачи. Развитие классификации морских споров, анализ юрисдикции судебных органов, уполномоченных разрешать морские споры, характеристика международных соглашений и обычаев морского права при разрешении морских споров Международным судом Организации Объединенных Наций (ICJ), Международным трибуналом по морскому праву (ITLOS) и Постоянной палатой третейского суда в Гааге (PCA).

Методология. Дискурсивный анализ наиболее авторитетных публикаций по проблеме разрешения морских споров, формально правовой анализ норм и обычаев морского права, а также сравнительное правовое исследование судебной и арбитражной практики по разрешению межгосударственных морских споров. Правоприменительная практика по морским спорам позволяет охарактеризовать предмет современных межгосударственных морских споров; критически оценить справедливость решений международных судебных инстанций; проанализировать проблемы исполнимости вынесенных судебных и арбитражных решений в рамках процедур по разрешению морских споров, предусмотренных в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Результаты. Обоснованные решения Международного суда ООН, Международного трибунала по морскому праву и Постоянной палаты третейского суда в Гааге, как правило, выполняются государствами — участниками Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Компенсация ущерба, причиненного незаконной деятельностью государств, обеспечение безопасности на море, защита морской среды и незамедлительное освобождение судов и экипажей из-под ареста стали современной правовой реальностью благодаря эффективности правового механизма по разрешению межгосударственных морских споров. Вместе с тем территориальные морские споры вызывают существенные трудности на всех стадиях своего разрешения, что обусловлено их политическим характером и усилиями государств по защите своих национальных интересов.

Выводы. Разрешение морских территориальных споров требует от сторон большей гибкости, заключения международного договора сторонами спора о порядке его рассмотрения, а также использования согласительных процедур для выработки компромиссного решения по спору.

Ключевые слова: трибунал, морское право, арбитраж, континентальный шельф, делимитация, морские границы

Для цитирования: Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Классификация морских споров и современные правовые средства их разрешения // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 67–81.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

Classification of Maritime Disputes and Modern Legal Means of their Resolution

Viktor P. Kirilenko*, Georgy V. Alekseev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; *v.vvaas@yandex.ru

ABSTRACT

A review of scientific articles published over the past 15 years in leading foreign scientific journals on international law demonstrates the gradual improvement of legal means for the settlement of maritime disputes between the states.

Aim. Identification of the features for application of the law of the sea norms targeted on the resolution of maritime disputes that develop in the modern international system.

Tasks. Development of the classification of maritime disputes, analysis of the jurisdiction of the judicial authorities competent to resolve maritime disputes, characterization of the provisions of international agreements and customs of the law of the sea in the resolution of maritime disputes by the International Court of Justice of the United Nations (ICJ), the International Tribunal for the Law of the Sea (ITLOS) and the Permanent Court of Arbitration in The Hague (PCA).

Methods. Discourse analysis of the most authoritative publications on the issue of resolving maritime disputes, a formal legal analysis of the norms and customs of maritime law, as well as a comparative legal study of judicial and arbitration practice in resolving interstate maritime disputes. Law enforcement practice on maritime disputes allows to characterize the subject of modern interstate maritime disputes; critically assess the fairness of decisions of international courts; to analyze the problems of enforceability of judicial and arbitral awards in the framework of the procedures for the settlement of maritime disputes provided for in the 1982 UN Convention on the Law of the Sea.

Results. Reasonable decisions of the International Court of Justice, the International Tribunal for the Law of the Sea and the Permanent Court of Arbitration in The Hague are usually implemented by the states parties to the 1982 UN Convention on the Law of the Sea. Protection of the marine environment as well as prompt release of ships and crews from arrest have become a modern legal reality due to the effectiveness of the legal mechanism for resolving interstate maritime disputes. Territorial maritime disputes cause significant difficulties at all stages of their resolution, which is due to their political nature and the efforts of states to protect their national interests.

Conclusion. The resolution of maritime territorial disputes requires more flexibility from the parties, an international agreement between the parties to the dispute on the procedure for its consideration, as well as the use of conciliation procedures to work out a compromise solution to the dispute.

Keywords: tribunal, law of the sea, arbitration, continental shelf, delimitation, maritime boundaries

For citing: Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Classification of Maritime Disputes and Modern Legal Means of their Resolution // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 67–81.

Актуальность обзорного исследования практики разрешения морских споров обусловлена значением безопасности торгового мореплавания для планомерного роста национальной экономики России и устойчивого развития всего мирового хозяйства в условиях глобальной экономики. Идея создания «специальной структуры в рамках системы ООН, которая непосредственно занималась бы проблематикой борьбы с морской преступностью»¹, высказанная Президентом России В. В. Путиным во время дебатов высокого уровня в Совбезе ООН по морской безопасности 9 августа 2021 г., безусловно, своевременна, и вместе с тем реализация подобных амбициозных планов всецело зависит

¹ Дебаты высокого уровня в Совбезе ООН по морской безопасности [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66352> (дата обращения: 07.10.2021).

от авторитета тех органов правосудия, которые призваны признавать спорную морскую деятельность законной или противоправной. Двойственность морских правоотношений во многом определяется тем, что, с одной стороны, во все времена моря и океаны были международными пространствами, соединяя людей и цивилизации, а, с другой стороны, уважение суверенитета государств на море, невмешательство во внутреннюю морскую политику государства и разрешение морских споров посредством диалога последовательно укоренялись в качестве принципов международного морского права.

Морская торговля, добыча природных ресурсов Мирового океана, строительство приморской инфраструктуры требуют правовой определенности в вопросах статуса субъектов торгового и военного мореплавания, делимитации морских пространств, обеспечения экологической и военно-политической безопасности. Поскольку около 90% мировой торговли в условиях постиндустриальной экономики осуществляется международной судоходной отраслью¹, постольку морские коридоры формируют системообразующие международные экономические связи и занимают обширные приморские пространства. В Евразийском регионе эффективная система разрешения морских споров необходима при строительстве и введении в эксплуатацию транспортного коридора «Север — Юг» через Каспийское море, освоении Северного морского пути, использовании транспортных коридоров через Суэцкий канал, черноморские проливы, а также на Балтике.

Совершенствование классификации морских споров, а также дискурсивный анализ актов применения норм морского права органами правосудия формируют доктринальный базис для широкого международного признания современных норм международного морского права. Традиции исследования практики разрешения морских споров, заложенные в свое время известным американским юристом Филипом Джессапом (Philip C. Jessup) [31; 32], диктуют интегративный и критический подход к исследованию проблем морского права. Обзор судебных и арбитражных решений по морским спорам имеет цель охарактеризовать развитие системы международного правосудия и выявить наиболее значимые судебные прецеденты в сфере морского права [66].

Территориальные морские споры, межгосударственные экономические морские споры из торгового и военного мореплавания, в том числе из рыболовства и другой хозяйственной деятельности на море, споры по вопросам морской безопасности, а также коммерческие споры субъектов торгового мореплавания оказывают существенное влияние на экономическое и индустриальное развитие приморских пространств. Исследования, которые публикуются в научных журналах по международному праву, затрагивают в основном межгосударственные морские споры, так как именно они находятся в предметной области международного публичного права, в то время как урегулирование коммерческих споров лежит в предметной области цивилистики.

Теория и практика современного международного публичного права

Под морскими спорами теория и практика современного международного публичного права понимает правоотношения, складывающиеся из морских требований государств, основанных на положениях морского права. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (UNCLOS) — документ, совмещающий кодификацию традиционных правил использования океанов и разработку новых норм, регулирующих вновь возникающие проблемы, который часто называют «конституцией океанов»². UNCLOS учреждает ряд структур для урегулирования споров, касающихся толкования или применения конвенции: (a) Международный трибунал по морскому праву, учрежденный в соответствии с приложением VI; (b) Международный суд; (c) арбитраж, образованный в соответствии с приложением VII; (d) специальный арбитраж, образованный в соответствии с приложением VIII (п. 1 ст. 287 UNCLOS).

¹ Международная торговля и развитие : доклад Генерального секретаря ООН. 2019. A/74/221 [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/a74d221_ru.pdf (дата обращения: 07.10.2021).

² Конвенция ООН по морскому праву. ООН и морское право [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/law/lawsea/convention.shtml> (дата обращения: 07.10.2021).

Международный суд ООН (ICJ) за период своей работы рассмотрел более 175 дел, из которых 28 затрагивают предметную область морского права; в своем большинстве это споры о пределах национальной юрисдикции в Мировом океане (в том числе рыболовные и территориальные споры). Первый в своей практике спор между Великобританией и Албанией об инциденте в проливе Корфу ICJ рассматривал в период 1947–1949 гг.¹ Суд ООН (ICJ) пришел к выводу о том, что территориальное море, через которое обеспечивается мирный проход, должно быть безопасным (свободным от морских мин в данном конкретном случае), и присудил компенсацию в пользу Великобритании в размере 843 947 фунтов стерлингов за повреждение кораблей минами во время мирного прохода через албанское территориальное море. В настоящее время на рассмотрении ICJ находится территориальный спор между Гватемалой и Белизом², затрагивающий обширные спорные сухопутные и морские пространства Белиза. Обзоры практики ICJ часто используются для обоснования результатов научных исследований в области разрешения морских споров [42; 49].

Международный трибунал по морскому праву (ITLOS) рассмотрел первое дело в 1997 г. (The M/V «SAIGA» Case [Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea]), и с тех на его разрешении находилось 29 споров, из которых девять посвящены скорейшему освобождению судов из-под ареста (prompt release), временные меры (provisional measures) применялись трибуналом восемь раз в отношении арестованных судов (например The «ARA Libertad» Case [Argentina v. Ghana], The M/T «San Padre Pio» Case [Switzerland v. Nigeria]), применительно к экологическому спору (Southern Bluefin Tuna Case [New Zealand v. Japan; Australia v. Japan]), а также для обеспечения безопасности на море (The «Enrica Lexie» Incident [Italy v. India]), в ряде случаев стороны заключили мировое соглашение по предмету спора, дважды трибунал давал консультативные заключения. На рассмотрение трибунала находились четыре спора о делимитации морских границ (Маврикий против Мальдив в Индийском океане, Гана против Кот-д'Ивуара в Атлантическом океане, Бангладеш против Мьянмы в Бенгальском заливе, а также Дело о мелиорации земель Сингапуром в проливе Джохор и вокруг него [Малайзия против Сингапура])³. Решения ITLOS по спорам о делимитации морских границ представляют наибольший научный интерес, так как они могут обретать характер норм прецедентного права и использоваться для разрешения аналогичных территориальных споров между государствами.

Постоянная палата третейского суда в Гааге (PCA) или созданный (обычно при участии PCA) арбитражный трибунал ad hoc могут выступать арбитражем для рассмотрения исковых морских требований государств. Так, в частности, спор между Эритреей и Йеменом о суверенитете и разграничении морских пространств в Красном море был передан сторонами на разрешение в PCA. Соглашение между правительством Эритреи и правительством Йемена о передаче спора на рассмотрение PCA было заключено 3 октября 1996 г.⁴ Малазия и Сингапур в процессе разрешения спора о проливе Джохор обращались к процедуре арбитража, однако затем спор был передан в ITLOS и окончательное его решение пока не найдено, так как оно очевидно лежит в политической плоскости⁵. Достаточно часто в соответствии со своими учредительными документами PCA принимает к рассмотрению иски государств без согласия ответчика на передачу спора на разрешение в арбитраж, что вызывает определенные проблемы с признанием ответчиком решений PCA при отсутствии между сторонами спора соглашения о передаче спора на рассмотрение в PCA. Так, например, PCA вынесла решение от 12 июля 2016 г. по иску Филиппин к Китайской Народной Республике (КНР), постановив, что КНР не имеет исторического права на владение территориями в Южно-Китайском море, однако данное решение не было признано со стороны КНР. В 2017 г. по иску Словении к Хорватии PCA постановила, что Словения должна иметь прямой доступ к ме-

¹ The International Court of Justice (ICJ) Judgment of 15 December 1949 Corfu Channel (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/1/001-19491215-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 07.10.2021).

² Guatemala's Territorial, Insular and Maritime Claim (Guatemala / Belize) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/177> (дата обращения: 07.10.2021).

³ List of Cases [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/> (дата обращения: 07.10.2021).

⁴ The Arbitration Agreement between Eritrea and Yemen. Reports of International Arbitral Awards Volume XXII. USA : United Nations Publication, 2001. P. 374–380.

⁵ Case Concerning Land Reclamation by Singapore in and Around the Straits of Johor (Malaysia v. Singapore) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-12/> (дата обращения: 07.10.2021).

ждународным водам в северной части Адриатического моря, используя коридор, пересекающий хорватские воды, однако Хорватия не признала такое решение PCA. До этого, в 2007 г., предложение Хорватии о разрешении спорных пограничных вопросов в ITLOS было отклонено Словенией, и Соглашение об арбитраже между Хорватией, Словенией и Европейским союзом было заключено 4 ноября 2009 г., однако 28 июля 2015 г. Хорватия вышла из арбитража, заявив о нарушении Словенией арбитражных правил¹. В итоге даже при наличии Соглашения об арбитраже Хорватия не признала решение PCA. Юрисдикция PCA по рассмотрению территориальных споров вызывает серьезные сомнения, так как правовые проблемы с обязательностью решений PCA очевидны.

В обычном правовом порядке морские споры разрешаются политическими средствами, а правовые процедуры, предусмотренные ITLOS, способствуют поиску справедливого и общепризнанного решения морского спора. Так, например, спор о морской границе между Восточным Тимором (Timor-Leste) и Австралией был передан на обязательную согласительную процедуру в соответствии с UNCLOS (ст. 298). При непосредственном участии PCA была создана Согласительная комиссия (Conciliation Commission). При посредничестве со стороны Согласительной комиссии Восточный Тимор и Австралия 6 марта 2018 г. достигли соглашения по основным элементам разграничения морских границ в Тиморском море; кроме того, страны договорились решить вопрос о правовом статусе крупного нефтегазового месторождения “Greater Sunrise” посредством создания там специального международно-правового режима [65].

Обзор практики ICJ, ITLOS и PCA

Обзор практики ICJ, ITLOS и PCA по морским спорам демонстрирует существенный интерес к юрисдикции международных судебных инстанций. Характеристика современных научных подходов к урегулированию споров в исследованиях, опубликованных в ведущих научных журналах, специализирующихся на проблемах международного права (American Journal of International Law, Asian Journal of International Law, Chinese Journal of International Law, International Journal of Marine and Coastal Law, Ocean Development and International Law, Marine Policy [публикации за период с 2006 по 2021 гг.]), демонстрирует особую сложность урегулирования территориальных морских споров. Исследование позволяет отразить взгляды на проблемы разрешения морских споров ряда современных авторитетных западных ученых — специалистов в области международного права, среди которых: Майкл Вуд (Michael C. Wood), Лори Фислер Дамрош (Lori Fisler Damrosch), Владимир-Джуро Деган (Vladimir-Djuro Degan), Дональд Ротвелл (Donald R. Rothwell), Эрик Франк (Erik Franckx), Робин Черчилль (Robin R. Churchill) и др.

Британский юрист М. Вуд в своей статье «Международный трибунал по морскому праву и общее международное право» отразил ряд фундаментальных аспектов эффективного разрешения морских споров. Во-первых, разрешение морского спора невозможно без четкого разграничения юрисдикции и определения применимого права. Во-вторых, всякий суд или трибунал ограничивается толкованием и применением конкретного договора, однако может ссылаться и на общее международное право, реализуя юрисдикцию *ratione materiae* (например, ст. 34 Статута PCA). Прецедентная практика ITLOS, таким образом, отражает содержание не только норм UNCLOS, но и положения общего международного права. В-третьих, поскольку морское право может быть правильно истолковано только в контексте международного права в целом, постольку ITLOS должен — в интересах справедливости и во избежание превышения юрисдикции — разъяснять общую правовую основу своих решений [69]. М. Вуд убедительно доказал, что решения ITLOS дополнили систему источников морского права и сформировали современную доктрину международного морского права. Морские споры, которые подпадают под юрисдикцию постоянных судебных инстанций, прежде всего ITLOS, в значительной степени отличаются от тех споров и ситуаций, для разрешения которых приходится использовать политические процедуры, обращаться в PCA или арбитраж *ad hoc*. Очевидно, что постоянно действующие суды во многом эффективнее при разрешении морских споров, хотя и ограничены со своей юрисдикцией [68; 69].

¹ Arbitration between the Republic of Croatia and the Republic of Slovenia [Электронный ресурс]. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/3/> (дата обращения: 07.10.2021).

Хорватский юрист — специалист по международному праву В.-Д. Деган известен тем, что последовательно выступает против приватизации приморской инфраструктуры там, где это мешает экономическому развитию национальной экономики. Он формулирует понятие «консолидации правовых принципов делимитации морских пространств» [21, р. 601], а также отмечает существенную значимость Манильской декларации о мирном разрешении международных споров (принята резолюцией 37/10 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 1982 г.) для разрешения конкретных морских споров, в частности с участием Филиппин [22]. Работы Дегана демонстрируют, что морские споры имеют место в открытом море и под юрисдикцией государств, однако центральным при этом является вопрос о том, находится ли предмет спора в частной или общественной (*usu communis*) собственности [20]. Следуя этой логике, государства, с одной стороны, заинтересованные в сохранении своих «морских владений» [Там же], а с другой стороны, испытывающие потребность в привлечении иностранных инвестиций, вынуждены разделять морские требования своих партнеров и инвесторов на те, что находятся под юрисдикцией национальной судебной системы, и те, для справедливого разрешения которых необходимы независимые и авторитетные международные судебные и арбитражные институты. Консолидация правовых принципов делимитации морских пространств происходит в результате наработки правоприменительной практики ICJ, ITLOS и PCA. Как убедительно демонстрирует Деган на примере спора между Словенией и Хорватией в Северной Адриатике, принятые ранее решения должны использоваться судебными инстанциями как прецеденты при разрешении спора [21].

Австралийский профессор международного права Д. Ротвелл — один из наиболее авторитетных специалистов в современном морском праве. Под его редакцией издан Оксфордский справочник по морскому праву (*The Oxford Handbook of The Law of the Sea*) [57], сформулирована доктрина международного полярного права [53], охарактеризованы проблемные аспекты проведения исходных линий в международном морском праве [38]. Работы Д. Ротвелла сосредоточены на проблемах разрешения территориальных морских споров, которые для современной науки международного публичного права, по его мнению, представляют особый интерес.

Анализ практики разрешения морских споров в соответствии с UNCLOS за 30 лет действия Конвенции демонстрирует значимость географических аспектов спорных правоотношений для их разрешения [62]. В Азиатско-Тихоокеанском регионе, учитывая прошлый опыт «западной колонизации и японского империализма, сформировалось особое представление о морском праве» [42] и сложились определенные правовые проблемы в связи со значительным политическим влиянием Китая в настоящее время [54]. Иная ситуация складывается в арктической зоне, где существуют проблемы трансарктической навигации [58], безопасности и суверенитета над арктическими пространствами [56]. Морские требования из правоотношений по освоению ресурсов континентального шельфа, очевидно, нуждаются в универсальной правовой стратегии, гарантирующей справедливость и безопасность в районе (в смысле ч. XI ст. 133–155 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.) [55]. Вместе с тем исследования австралийского профессора международного права Тима Стивенса (Tim Stephens) в области правовой защиты морской среды показывают, что рыболовные споры определенно имеют свою региональную специфику [29; 63].

Директор Нидерландского института морского права (*The Netherlands Institute for the Law of the Sea*) Алекс Ауд Эльферинк (Alex G. Oude Elferink) отмечает, что в интересах защиты морской среды в системе UNCLOS государства должны обозначить морские охраняемые районы (МОР) в морской зоне за пределами национальной юрисдикции (ABNJ), при этом предлагаются четыре принципа для рассмотрения роли прибрежных государств и других государств при определении границ морских охраняемых районов в морской зоне за пределами национальной юрисдикции: должное внимание, смежность, совместимость и уважение суверенитета прибрежных государств [47].

Британский профессор международного права Робин Черчилль (Robin Churchill) с 2012 г. на страницах *“The International Journal of Marine and Coastal Law”* публикует ежегодный обзор практики разрешения морских споров, который демонстрирует постепенный рост авторитета международного правосудия [8–16]. Из обзоров очевидно изменение повестки дня в работе ITLOS и PCA; если в обзорах за период 2012–2015 гг. ITLOS применяет временные меры и основным вопросом являются пределы его юрисдик-

ции, то в обзорах за 2019–2020 гг. обсуждается противодействие со стороны ITLOS незаконному захвату и задержанию судов, а также успехи PCA в разрешении споров о возмещении ущерба по инцидентам с судами, в частности по делам “Duzgit Integrity”¹ и “Enrica Lexie”². Р. Черчилль объективно констатирует возрастающую роль ITLOS в деле защиты прав прибрежных государств [16].

Президент Бельгийского общества международного права (Belgian Society of International Law), профессор Э. Франк в соавторстве с американскими юристами Джоном Нойесом (John E. Noyes) и Кристен Джурас (Kristen Juras) составили сборник прецедентов по морскому праву [45]. Э. Франк в соавторстве со специалистом ITLOS Марко Бенатаром (Marco Benatar) последовательно привлекает внимание мирового сообщества к проблеме делимитации пространств в Южно-Китайском море. В 2012 г. выходит их статья «Точки и линии в Южно-Китайском море: выводы из закона картографических свидетельств», где обстоятельно критикуется позиция КНР, представившей в 2009 г. в Комиссию по границам континентального шельфа (CLCS) свои претензии на обширные пространства в Южно-Китайском море. Претензии КНР подтверждались картой с изображением пунктирной U-образной линии (U-line), охватывающей значительную часть Южно-Китайского моря; авторы статьи отмечают непонятную природу U-line, необоснованность позиции КНР и эффективный протест региональных государств [25]. В 2017 г. под редакцией Э. Франка и М. Бенатара выходит специальный номер “The International Journal of Marine and Coastal Law” «Южно-Китайское море: перспектива международного права» [26], где отмечается необходимость использования судебных и арбитражных процедур при разрешении ситуации в Южно-Китайском море [36]. Дж. Нойес также совершенно справедливо полагает, что решение споров КНР с прибрежными государствами в Южно-Китайском море (в частности, с Филиппинами), находится в предметной области UNCLOS [44]. Китайские ученые, однако, возражают на том основании, что делимитация Южно-Китайского моря имеет обычно-правовую природу и последовательность претензий КНР после 1949 г. обусловила признание границ КНР в пределах U-line всеми прибрежными государствами [73]. По причине несогласия КНР с применением норм UNCLOS к историческим морям споры в Южно-Китайском море не могут быть решены в CLCS [51].

Американский юрист Л. Ф. Дамрош отмечает, что по общему правилу разрешение споров, касающихся военной деятельности, как правило находится вне юрисдикции PCA, а значит, территориальные споры и споры о свободах открытого моря подпадают только под факультативную арбитражную юрисдикцию (пп. b. п. 1 ст. 289 UNCLOS). С одной стороны, совершенно очевидно, что UNCLOS может применяться как средство для разрешения только тех межгосударственных морских споров, предмет которых Конвенцией урегулирован, а с другой стороны, справедливо и то, что государства по своему соглашению вправе передать на разрешение PCA абсолютно любой спор, если это соответствует их национальным интересам. Однако, профессор Дамрош руководствуется другой логикой, по ее мнению, факультативные исключения из UNCLOS (ст. 297, 298) обеспечивают возможность для наиболее широкой ратификации UNCLOS (в том числе со стороны США), а значит, юрисдикция PCA не всегда ограничена исключением, касающимся военной деятельности и арбитраж вправе разрешать территориальные споры в Южно-Китайском море [18]. В подтверждение этой логики приводится ссылка на дело фрегата ARA Libertad (Аргентина против Ганы), рассмотренное ITLOS [37], а затем PCA, несмотря на то, что спор прямо затрагивал военную деятельность.

Исследования судебных и арбитражных решений

Опубликованные в “American Journal of International Law” исследования судебных и арбитражных решений по морским спорам демонстрируют особый научный интерес к территориальным морским спорам вообще и к делимитации пространств Южно-Китайского моря в частности (из четырнадцати статей, опубликованных с 2010 г. по теме урегулирования морских споров, тринадцать посвящены терри-

¹ Duzgit Integrity Arbitration (The Republic of Malta v. The Democratic Republic of São Tomé and Príncipe) [Электронный ресурс]. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/6660> (дата обращения: 07.10.2021).

² The “Enrica Lexie” Incident (Italy v. India) [Электронный ресурс]. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/117/> (дата обращения: 07.10.2021).

ториальным спорам, из них пять — проблемам делимитации морских пространств в Южно-Китайском море [2–5; 23; 27–30; 37; 39; 44; 48; 59]). Американский юрист Томас Шенбаум (Thomas J. Schoenbaum) отмечает, что Арбитражный трибунал, учрежденный в соответствии с UNCLOS для рассмотрения исков Филиппин к КНР в Южно-Китайском море, «подтверждает и усиливает свободу судоходства в океанских районах и права прибрежных государств» [59, р. 290], и вместе с тем Шенбаум признает, что односторонние решения суда «вряд ли будут способствовать разрешению опасных споров в Южно-Китайском море» [59, р. 290]. Исследования Л. Н. Нгуен (Lan Ngoc Nguyen) в Утрехтском университете (Нидерланды) подтверждают, что в настоящее время Азия является ареной самых принципиальных морских споров [43], и отмечают, что в отсутствие внешнего принуждения государства в целом соблюдают решения по урегулированию споров UNCLOS, однако решения арбитража по делимитации Южно-Китайского моря не считаются сторонами споров обязательными [49].

Публикации в *“Asian Journal of International Law”* и *“Chinese Journal of International Law”* также демонстрируют принципиальную значимость территориальных споров в Южно-Китайском море для развития современного морского права (двенадцать из семнадцати опубликованных статей по разрешению морских споров касаются Азиатско-Тихоокеанского региона, из них девять непосредственно анализируют решения арбитража по спорам между Филиппинами и Китаем [6; 21; 22; 25; 35; 40–43; 49; 51; 52; 60; 61; 64; 70; 74]). Журналы по международно-правовой проблематике, чье внимание сконцентрировано на Азиатско-Тихоокеанском регионе, отмечают существенные «различия между спорами о делимитации морских границ и спорами о существовании морских прав» [60]. Именно различия между делимитацией морских пространств и реализацией прав и свобод судоходства позволили арбитражу установить свою юрисдикцию в отношении морских требований Филиппин, несмотря на юрисдикционные исключения, заявленные Китаем в соответствии со пп. а, і ч. 1, ст. 298 UNCLOS, который принципиально возражал против юрисдикционной раздельности прав на реализацию свободы судоходства и принципов делимитации морских пространств [74].

Индийский специалист по международному праву П. С. Рао (Sreenivasa Rao Pemmaraju) объективно оценивает конфликт вокруг пространств Южно-Китайского моря, утверждая, что Китай претендует на «исторические права» на острова и другие морские объекты в Южно-Китайском море; Филиппины оспаривают эти притязания на том основании, что они несовместимы с UNCLOS, однако нормы конвенции не регулируют вопросы «дублирования прав на морские пространства» (overlapping maritime entitlements) [52].

Китайский дипломат Синьминь Ма (Xinmin Ma) аргументированно критикует решение арбитража по спору Филиппин и КНР в Южно-Китайском море, отмечая, что, во-первых, UNCLOS не является единственным источником морского права, а значит, права на исторические моря должны регулироваться общим международным правом, во-вторых, арбитраж ошибочно делает вывод из ст. 311 UNCLOS, что конвенция имеет преимущественную силу над обычным международным правом, между тем ст. 293 UNCLOS не отменяет нормы общего международного права, в-третьих, арбитраж, решив, что исторические права по общему международному праву были заменены режимами исключительной экономической зоны и континентального шельфа, установленными в соответствии с конвенцией, не проводит различия между двумя отдельными правовыми режимами, а именно между UNCLOS и обычным международным правовым режимом [41].

Отсутствие правовой определенности с делимитацией морских пространств в Юго-Восточной Азии демонстрирует, что международное право способно сдерживать государства от применения силы при решении территориальных морских споров [42]. Практика разрешения споров в Южно-Китайском море способствовала развитию международного права в области делимитации морских пространств [19]. Несмотря на вполне обоснованные возражения КНР об отсутствии у Арбитражного трибунала юрисдикции по разрешению территориальных споров [64], 12 июля 2016 г. трибунал, сформированный в соответствии с приложением VII к UNCLOS, вынес решение в пользу Филиппин, чем создал прецедент, значимый для разрешения других территориальных споров в регионе, например, ситуации, связанной с о. Токто (Dokdo), между Южной Кореей и Японией [40]. По спору Филиппин и КНР Арбитражному трибуналу рекомендовалось применить п. 2 ст. 27 своих правил процедуры и прекратить разбирательство ввиду того, что Филиппины лишь частично

представили свои требования по многоуровневым спорам по поводу Южно-Китайского моря с КНР [61]. Неготовность Филиппин к предметному диалогу по всему комплексу спорных вопросов в совокупности с непризнанием КНР юрисдикции арбитража по вопросам делимитации исторических вод поставила трибунал в сложное процессуальное положение, и решение Арбитража оказалось «бесполезным с точки зрения разрешения конфронтации между сторонами» [Там же]. Вместе с тем вынесенное вопреки китайским рекомендациям решение по спору носит формальный правовой характер и, по мнению европейских ученых, отражает состояние современного морского права, расширяя юрисдикцию институтов UNCLOS [35].

Публикации в журнале “*Ocean Development and International Law*” подчеркивают важность юрисдикции ITLOS по разрешению споров о делимитации морских пространств [33], в частности, отмечается значение не только морского права, но и политического консенсуса при разрешении споров между КНР и Японией, возникающих в процессе добычи ресурсов Восточно-Китайского моря [34]. Институциональный принцип целостности морских пространств (*principle of non-cut off*), в соответствии с которым в процессе разрешения территориального морского спора в рамках UNCLOS освоенные морские пространства остаются за государством, создавшим приморскую инфраструктуру, был несколько раз применен трибуналами, однако пока не получил достаточно широкого международного признания в качестве императивной нормы морского права [1].

Фактическая невозможность исполнения решения по морскому спору, разрешенному в ICJ в рамках UNCLOS, имела место в случае территориального спора между Никарагуа и Колумбией¹. Несмотря на то, что стороны согласились на разрешение спора в ICJ, Колумбия не признала решение и отказалась его исполнять. Компетенция ICJ и квалификация судей, применивших новые и в целом рациональные методы делимитации спорного морского пространства и континентального шельфа, сомнений не вызывают, однако политические противоречия между сторонами спора ICJ разрешить оказался не способен [28]. Прослеживается аналогия между спором Никарагуа и Колумбии и делом по иску Филиппин к КНР, прежде всего, в плане готовности инстанций UNCLOS, с одной стороны, искать новые походы к разрешению территориальных споров в разных регионах Мирового океана, а с другой стороны, неспособностью суда исполнить свое решение и непризнанием проигравшей спор стороной справедливости юридической логики судебного решения [4].

Рассмотрение территориальных морских споров в рамках UNCLOS позволяет не только избежать эскалации конфликтной ситуации, но и предлагает сторонам спора юридически обоснованное решение, исполнение которого является политическим вопросом и возлагается на стороны. Так, 27 января 2014 г. ICJ вынес решение по спору между Перу и Чили относительно морской границы между ними. Суд постановил, что между сторонами уже существует частичная морская граница, а в отношении неопределенной части границы ICJ применил правило справедливой делимитации, закрепленное в ст. 74 UNCLOS [30], такой подход к разрешению спора был основан на изучении судом истории спорной морской зоны [6]. По территориальному спору между Ганой и Кот-д’Ивуаром в качестве арбитража впервые выступила Специальная палата ITLOS, которая рассмотрела вопрос о законности односторонней добычи углеводородов в спорном морском районе [48]. И несмотря на то, что 23 сентября 2017 г. Специальная палата приняла обоснованное решение в пользу Ганы, сохраняются существенные сомнения в отношении юрисдикции арбитража над аналогичными спорными ситуациями [72].

Проблема с юрисдикцией возникла и по делу Сомали против Кении об установлении единой морской границы между двумя государствами, которое с 2017 г. находится на рассмотрении ICJ², на основании его решения, отклоняющего предварительные возражения Кении против юрисдикции ICJ для делимитации морских пространств в Индийском океане [5].

Судья ITLOS в отставке (1996–2005) Дэвид Андерсен (David H. Anderson) публикует две статьи по проблеме делимитации морских пространств в Бенгальском заливе [2; 3]. Спор относительно делимитации

¹ Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia). ICJ. Nov. 19, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icj-cij.org/en/multimedia/56e93a6188fa3fe1450a7805> (дата обращения: 07.10.2021).

² Maritime Delimitation in the Indian Ocean (Somalia v. Kenya) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/161> (дата обращения: 07.10.2021).

морской границы между Бангладеш и Мьянмой в Бенгальском заливе рассматривался ITLOS¹ и оказал большое влияние на развитие морского права в регионе [17]. Для решения морского территориального спора между Бангладеш и Индией сторонами была использована арбитражная процедура, в результате в 2014 г. Арбитражный трибунал *ad hoc*, созданный при участии PCA, принял решение по спору о морских границах между Бангладеш и Индией, предоставив Бангладеш свободный выход к морю, необходимый для экономического развития страны². Д. Андерсен полагает, что при разрешении территориальных споров необходимо учитывать все прецеденты по разрешению морских споров, а значит, правовая логика, примененная ICJ для разрешения спора между Румынией и Украиной о делимитации пространства в Черном море³, должна учитываться ITLOS при разрешении спора между Бангладеш и Мьянмой, аналогичным образом всякий арбитражный трибунал *ad hoc*, созданный в соответствии с UNCLOS, может опираться на систему прецедентов, а значит, юрисдикция ICJ по территориальным морским спорам государств — участников UNCLOS сомнений вызывать не должна.

На практике в территориальных спорах, а также спорах о праве государств осуществлять навигацию и другую морскую деятельность непризнание юрисдикции суда является типичной тактикой защиты для государства — ответчика по морским требованиям. Аналогичная ситуация наблюдается, когда ICJ рассматривает территориальные споры, затрагивающие реализацию навигационных прав в рамках озерного и речного права. Так, например, по иску Коста-Рики к Никарагуа в 2009 г. ICJ принял решение по делимитации территории государств по южному берегу реки Сан-Хуан, несмотря на попытки Никарагуа оспорить юрисдикцию ICJ [39]. Прецеденты, связанные с защитой навигационных прав на международных реках и озерах, однако, имеют свою специфику, так, например, по спору Никарагуа и Гондураса о делимитации изменчивого устья реки Коко был использован метод биссектрисы угла вместо привычного метода проведения равноудаленной линии.

При разрешении территориальных морских споров необходимо учитывать нормы обычного морского права и политическую обстановку в регионе, иначе решение суда будет ошибочным и несправедливым. Так, например, британский ученый Томас Грант (Thomas D. Grant) ошибочно полагает, что «Российская Федерация муниципальным законом от 21 марта 2014 г. аннексировала Крым, территорию Украины» [27, р. 68]. Во-первых, Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым» носил не местный (муниципальный), а конституционный (общероссийский) характер, а, во-вторых, учитывая провозглашение Крымом независимости от Украины, этот политический процесс нельзя однозначно признать аннексией. Для обзора небезынтересно, что при непризнании российского суверенитета над Крымом Т. Грант предлагает разрешать морские территориальные споры между Россией и Украиной, используя практику ICJ, в том числе решение по территориальному спору Никарагуа против Гондураса в Карибском море⁴. Перспективы привнесения в Черноморский бассейн правовых практик Карибского моря представляются нам весьма сомнительным сценарием развития морского права.

Журнал “Marine Policy” рассматривает морские споры в политическом контексте, что во многом отражает необходимость поиска компромиссных решений в сложных международных ситуациях. В частности, морская граница между Великобританией, Ирландией, Данией и Исландией в Северо-Восточной Атлантике связана с обращением нескольких участников спора в CLCS, и возражениями по поводу этих притязаний со стороны Исландии. В сложившейся ситуации четырехсторонние переговоры необходимы для урегулирования спора международными правовыми средствами [71].

Юридическая защита национальных интересов в Мировом океане осуществляется посредством защиты прав государства в международных судебных инстанциях, разработки региональных междуна-

¹ Dispute Concerning Delimitation of the Maritime Boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal (Bangladesh / Myanmar) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-16/> (дата обращения: 07.10.2021).

² Bay of Bengal Maritime Boundary Arbitration between Bangladesh and India [Электронный ресурс]. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/18/> (дата обращения: 07.10.2021).

³ Maritime Delimitation in the Black Sea (Rom. v. Ukr.), 2009 ICJ Rep. 61 (Feb. 3) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/132> (дата обращения: 07.10.2021).

⁴ Maritime Dispute between Nicaragua and Honduras in the Caribbean Sea (Nicar. v. Hond.), 2007 ICJ Rep. 661, para. 117 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/120/120-20071008-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 07.10.2021).

родных соглашений, а также совершенствования национального законодательства [7]. Польский юрист Михал Петкевич (Michał Pietkiewicz) достаточно объективно характеризует проблему применения международного права по отношению к Каспийскому морю, которое, являясь фактически самым большим в мире озером, до вступления в силу Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 12 августа 2018 г. будет иметь неопределенный правовой режим, однако и после ратификации данного документа всеми прикаспийскими государствами неясен механизм разрешения споров, которые могут возникать как из-за наличия пробелов в конвенции, так и в результате возможности применения обычного морского права на Каспии [50].

Во многом концепция морских границ является вопросом политической географии, а связанные делимитацией морских пространств споры — предметом международного морского права [46]. Экономическое значение торгового мореплавания, глобализация и технический прогресс обострили конкуренцию между государствами за право пользоваться ресурсами Мирового океана, и возникающие конфликты национальных интересов на море необходимо разрешать без применения военно-политических мер, что и является главной задачей разрешения морских споров в соответствии с UNCLOS.

Заключение

Классификация морских споров зависит от применимых средств их разрешения. Политические и юридические морские споры могут быть переданы сторонами на разрешение в Международном суде ООН (ICJ), Международном трибунале по морскому праву (ITLOS), Постоянной палате третейского суда в Гааге (PCA), а также в арбитраже *ad hoc*. Юрисдикция инстанций по разрешению морских споров определяется международными соглашениями и признается сторонами на всех этапах разрешения спора. ICJ разрешает территориальные и юрисдикционные споры между государствами, а также принимает решения о возмещении ущерба в результате нарушения государствами требований международного морского права. ITLOS рассматривает споры о незамедлительном освобождении судов и экипажей из-под ареста, принимает временные меры для обеспечения безопасности мореплавания и охраны морской среды, а также разрешает территориальные споры, защищая права прибрежных государств. PCA разрешает любые морские споры при наличии соглашения между сторонами о передаче спора в арбитраж, однако UNCLOS создает для всякого государства правовые основания для предъявления морского требования к другому государству — участнику конвенции при условии соблюдения определенных формальностей.

Территориальные морские споры, обладая региональной спецификой, могут сводиться к признанию за прибрежными государствами суверенных прав на осуществление морской деятельности в соответствии с UNCLOS. При этом установление судом специальной (ограниченной) юрисдикции государства над различными зонами на континентальном шельфе, может иметь нежелательный результат [24], только если между участниками морского спора не будет достигнуто соглашения по вопросу использования спорных морских пространств. Утверждение о том, что «замечательной особенностью права делимитации морских пространств является то, что это право было разработано международными судами и трибуналами» [66, р. 237], верно лишь отчасти, так как, во-первых, территориальные морские споры нередко сводятся к вопросу суверенных прав государств на осуществление хозяйственной деятельности на море и тем самым отражают экономическое содержание спорного правоотношения, а во-вторых, институт незамедлительного освобождения судна из-под ареста также был разработан ITLOS, что, впрочем, лишь подчеркивает сложность и принципиальность всех морских споров.

В то время как межгосударственные морские споры различаются по своему предмету и могут быть территориальными, рыболовными, имущественными, а также затрагивать вопросы безопасности, освобождения из-под ареста или касаться правил осуществления хозяйственной деятельности на море, обычно для конкретной категории споров формируется алгоритм по защите прав в конкретной судебной инстанции, но территориальные морские споры оказались исключительно сложными для их разрешения. По морским территориальным спорам выработка рационального и справедливого решения в рамках UNCLOS требует от сторон гибкости при выборе правовых средств их разрешения,

готовности к экономическим и политическим компромиссам, а также политической воли на сохранение мира в регионе.

Литература / References

1. *Acikgonul Y. E.* Reflections on the Principle of Non-Cut off: A Growing Concept in Maritime Boundary Delimitation Law // *Ocean Development & International Law*. 2016. Vol. 47. Iss. 1. P. 52–71. DOI: 10.1080/00908320.2016.1124485
2. *Anderson D. H.* Bay of Bengal Maritime Boundary // *American Journal of International Law*. 2015. Vol. 109. Iss. 1. P. 146–154. DOI:10.5305/amerjintelaw.109.1.0146
3. *Anderson D. H.* Delimitation of the Maritime Boundary in the Bay of Bengal Bangladesh/Myanmar // *American Journal of International Law*. 2012. Vol. 106. Iss. 4. P. 817–824. DOI:10.5305/amerjintelaw.106.4.0817
4. *Beckman R.* The UN Convention on the Law of the Sea and the Maritime Disputes in the South China Sea // *American Journal of International Law*. 2013. Vol. 107. Iss. 1. P. 142–163. DOI:10.5305/amerjintelaw.107.1.0142
5. *Bonafé B.* Maritime Delimitation in the Indian Ocean // *American Journal of International Law*. 2017. Vol. 111. Iss. 3. P. 725–731. DOI:10.1017/ajil.2017.86
6. *Caffi M. T. I.* Peru v. Chile: The International Court of Justice Decides on the Status of the Maritime Boundary // *Chinese Journal of International Law*. 2014. Vol. 13. Iss. 4. P. 741–762. DOI:10.1093/chinesejil/jmu037
7. *Chircop A., Dzidzornu D., Oguamanam C.* Ocean Law Reform: A Multi-level Comparative Law Analysis of Nigerian Maritime Zone Legislation // *Marine Policy*. 2016. Vol. 67. P. 60–75. DOI:10.1016/j.marpol.2016.01.012
8. *Churchill R.* Dispute Settlement in the Law of the Sea: Survey for 2011 // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2012. Vol. 27. P. 517–551. DOI:10.1163/15718085-12341236
9. *Churchill R.* Dispute Settlement in the Law of the Sea: Survey for 2012 // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2013. Vol. 28. P. 563–614. DOI:10.1163/15718085-12341293
10. *Churchill R.* Dispute Settlement in the Law of the Sea: Survey for 2014 // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2015. Vol. 30. P. 585–653. DOI:10.1163/15718085-12341372
11. *Churchill R.* Dispute Settlement in the Law of the Sea: Survey for 2015. Part I // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2016. Vol. 31. P. 555–582. DOI:10.1163/15718085-12341420
12. *Churchill R.* Dispute Settlement in the Law of the Sea: Survey for 2015. Part II and 2016 // *The International Journal of Marine and Coastal Law* 2017. Vol. 32. P. 379–426. DOI:10.1163/15718085-13230001
13. *Churchill R.* Dispute Settlement in the Law of the Sea: Survey for 2017 // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2018. Vol. 33. DOI: 10.1163/15718085-12334022
14. *Churchill R.* Dispute Settlement in the Law of the Sea: Survey for 2018 // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2019. Vol. 34. P. 1–32. DOI:10.1163/15718085-23441112
15. *Churchill R.* Dispute Settlement in the Law of the Sea: Survey for 2019 // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2020. Vol. 35. P. 1–39. DOI:10.1163/15718085-BJA10037
16. *Churchill R.* Dispute Settlement in the Law of the Sea: Survey for 2020 // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2021. Vol. 1–35. DOI:10.1163/15718085-bja10059
17. *Churchill R.* The Bangladesh / Myanmar Case: Continuity and Novelty in the Law of Maritime Boundary Delimitation // *Cambridge Journal of International and Comparative Law*. 2012. Vol. 1. P. 137–152. DOI:10.7574/cjicl.01.01.3
18. *Damrosch L. F.* Military Activities in the UNCLOS Compulsory Dispute Settlement System: Implications of the South China Sea Arbitration for U. S. Ratification of UNCLOS // *American Journal of International Law*. 2016. Vol. 110. P. 273–278. DOI:10.1017/S2398772300009156
19. *Davenport T.* Southeast Asian Approaches to Maritime Boundaries // *Asian Journal of International Law*. 2014. Vol. 4. Iss. 2. P. 309–357. DOI:10.1017/S2044251313000313
20. *Degan V.-D.* Pravna narav pomorskog dobra. (Legal Nature of the Maritime Domain) // *Poredbeno pomorsko pravo*. 2017. No. 171. P. 5–18. (In Croatian)

21. *Degan V.-D.* Consolidation of Legal Principles on Maritime Delimitation: Implications for the Dispute between Slovenia and Croatia in the North Adriatic // Chinese Journal of International Law. 2007. Vol. 6. Iss. 3. P. 601–634. DOI:10.1093/chinesejil/jmm039
22. *Degan V.-D.* The Value of the Manila Declaration on International Dispute Settlement in a Case in Which the Philippines is a Party // Chinese Journal of International Law. 2012. Vol. 11. Iss. 1. P. 5–11. DOI:10.1093/chinesejil/jms002
23. *Dupuy F., Dupuy P.* A Legal Analysis of China's Historic Rights Claim in the South China Sea // American Journal of International Law. 2013. Vol. 107. Iss. 1. P. 124–141. DOI:10.5305/amerjintelaw.107.1.0124
24. *Feitosa Ventura V. A. M.* Sovereignty and Jurisdiction in the Law of the Sea. In: Environmental Jurisdiction in the Law of the Sea. Springer, Cham. 2020. DOI:10.1007/978-3-030-50543-1_4
25. *Franckx E., Benatar M.* Dots and Lines in the South China Sea: Insights from the Law of Map Evidence // Asian Journal of International Law. 2012. Vol. 2. Iss. 1. P. 89–118. DOI:10.1017/S2044251311000117
26. *Franckx E., Benatar M.* Introduction: The South China Sea: An International Law Perspective // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2017. Vol. 32. Iss. 2. P. 193–197. DOI: 10.1163/15718085-12322061
27. *Grant T. D.* Annexation of Crimea // American Journal of International Law. 2015. Vol. 109. Iss. 1. P. 68–95. DOI:10.5305/amerjintelaw.109.1.0068
28. *Grossman N.* Territorial and Maritime Dispute // American Journal of International Law 2013. Vol. 107. Iss. 2. P. 396–403. DOI:10.5305/amerjintelaw.107.2.0396
29. *Guggisberg S., Jaeckel A., Stephens T.* Transparency in Fisheries Governance: Achievements to Date and Challenges Ahead. Marine Policy 2021. DOI:10.1016/j.marpol.2021.104639
30. *Jain A. G.* Maritime Dispute (Peru v. Chile) // American Journal of International Law. 2015. Vol. 109. Iss. 2. P. 379–386. DOI:10.5305/amerjintelaw.109.2.0379
31. *Jessup P. C.* Norwegian Maritime Courts in England // American Journal of International Law. 1942. Vol. 36. Iss. 4. P. 653–657. DOI:10.2307/2192761
32. *Jessup P. C.* The Palmas Island Arbitration // American Journal of International Law. 1928. Vol. 22. P. 739–740.
33. *Kałużński M., Wasilewski T.* The International Tribunal for the Law of the Sea on Maritime Delimitation: The Bangladesh v. Myanmar Case // Ocean Development & International Law. 2014. Vol. 45. Iss. 2. P. 123–170. DOI: 10.1080/00908320.2014.898920
34. *Kim S. K.* China and Japan Maritime Disputes in the East China Sea: A Note on Recent Developments // Ocean Development & International Law. 2012. Vol. 43. Iss. 3. P. 296–308. DOI:10.1080/00908320.2012.698931
35. *Klein N.* Expansions and Restrictions in the UNCLOS Dispute Settlement Regime: Lessons from Recent Decisions // Chinese Journal of International Law. 2016. Vol. 15. Iss. 2. P. 403–415. DOI:10.1093/chinesejil/jmw028
36. *Klein N.* The Vicissitudes of Dispute Settlement under the Law of the Sea Convention // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2017. Vol. 32. Iss. 2. P. 332–363. DOI:10.1163/15718085-12322045
37. *Kraska J.* The “ARA Libertad” (Argentina v. Ghana) // The American Journal of International Law. 2013. Vol. 107. Iss. 2. P. 404–410. DOI:10.5305/amerjintelaw.107.2.0404
38. *Lathrop C., Roach J., Rothwell D.* (Coalter G. Eds) Baselines under the International Law of the Sea. Brill. Leiden. Boston. 2019. 177 p.
39. *Lathrop C.* Dispute Regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua) // American Journal of International Law 2010. Vol. 104. Iss. 3. P. 454–461. DOI:10.5305/amerjintelaw.104.3.0454
40. *Lee S., Bernard L.* South China Sea Arbitration and Its Application to Dokdo // Asian Journal of International Law. 2018. Vol. 8. Iss. 1. P. 24–35. DOI:10.1017/S2044251317000157
41. *Ma X.* Merits Award Relating to Historic Rights in the South China Sea Arbitration: An Appraisal // Asian Journal of International Law. 2018. Vol. 8. Iss. 1. P. 12–23. DOI:10.1017/S2044251317000236
42. *Nasu H., Rothwell D.* Re-Evaluating the Role of International Law in Territorial and Maritime Disputes in East Asia // Asian Journal of International Law. 2014. Vol. 4. Iss. 1. P. 55–79. DOI:10.1017/S2044251313000210

43. *Nguyen L.* The UNCLOS Dispute Settlement System: What Role Can It Play in Resolving Maritime Disputes in Asia? // *Asian Journal of International Law*. 2017. Vol. 8. P. 1–25. DOI:10.1017/S204425131600031X.
44. *Noyes J. E.* International Decision: In re Arbitration between the Philippines and China // *American Journal of International Law*. 2016. Vol. 110. Iss. 1. P. 102–108. DOI:10.5305/amerjintelaw.110.1.0102
45. *Noyes J. E., Juras K., Franckx E.* Cases and Materials on The Law of The Sea. 2014. Leiden, Brill. 1008 p.
46. *Østhagen A.* Maritime Boundary Disputes: What Are they and Why Do they Matter? *Marine Policy*. 2020. Vol. 120. DOI:10.1016/j.marpol.2020.104118
47. *Oude Elferink A. G.* Coastal States and MPAs in ABNJ — Ensuring consistency with the LOSC // *International Journal of Marine and Coastal Law*. 2018. Vol. 33. Iss. 3. P. 437–466. DOI:10.1163/15718085-12333008
48. *Peiris N.* Ghana v. Ivory Coast // *American Journal of International Law*. 2018. Vol. 112. Iss. 1. P. 88–93. DOI:10.1017/ajil.2018.10
49. *Phan H., Nguyen L.* The South China Sea Arbitration: Bindingness, Finality, and Compliance with UNCLOS Dispute Settlement Decisions // *Asian Journal of International Law*. 2018. Vol. 8. Iss. 1. P. 36–50. DOI:10.1017/S2044251317000121
50. *Pietkiewicz M.* Legal Status of Caspian Sea — problem solved? *Marine Policy*. 2020. Vol. 123. DOI:10.1016/j.marpol.2020.104321
51. *Qiu J.* The CLCS Modalities for Handling Submissions Involving Disputes and Their Possible Application to the South China Sea // *Chinese Journal of International Law*. 2015. Vol. 14. Iss. 1. P. 135–149. DOI:10.1093/chinesejil/jmv007
52. *Rao S. P.* The South China Sea Arbitration (The Philippines v. China): Assessment of the Award on Jurisdiction and Admissibility // *Chinese Journal of International Law*. 2016. Vol. 15. Iss. 2. P. 265–307. DOI:10.1093/chinesejil/jmw019
53. *Rothwell D., Hemmings A., eds*, *International Polar Law*. Edward Elgar Publishing Ltd, Cheltenham, UK. 2018. 896 p.
54. *Rothwell D., Letts D.* *Law of the Sea in South East Asia: Environmental, Navigational and Security Challenges*, Routledge, London. 2019. 306 p.
55. *Rothwell D.* Issues and Strategies for Outer Continental Shelf Claims // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2008. Vol. 23. Iss. 2. P. 185–211. DOI:10.1163/092735208X295837
56. *Rothwell D.* *Arctic Ocean Shipping: Navigation, Security and Sovereignty in the North American Arctic*, Brill, Leiden. 2018. 96 p.
57. *Rothwell D., Elferink A., Scott K. et al, eds*, *The Oxford Handbook of The Law of the Sea*, Oxford University Press, Oxford. 2015. 1072 p. DOI:10.1093/law/9780198715481.001.0001
58. *Rothwell D.* International Straits and Trans-Arctic Navigation. *Ocean Development and International Law*. 2012. Vol. 43. Iss. 3. P. 267–282. DOI:10.1080/00908320.2012.698924
59. *Schoenbaum T.* The South China Sea Arbitration Decision: The Need for Clarification // *The American Journal of International Law*. 2016. Vol. 110. P. 290–295. DOI:10.1017/S2398772300009181
60. *Schultheiss C.* One of the First Matters to be Addressed but Distinct or Distinct but Inseparable? The Distinction between Maritime Entitlement and Sea Boundary Delimitation in the Philippines v. China Arbitration // *Asian Journal of International Law*. 2021. Vol. 11. Iss. 1. P. 24–35. DOI:10.1017/S2044251320000235
61. *Sheng-ti Gau M.* The Agreements and Disputes Crystalized by the 2009–2011 Sino-Philippine Exchange of Notes Verbales and their Relevance to the Jurisdiction and Admissibility Phase of the South China Sea Arbitration // *Chinese Journal of International Law*. 2016. Vol. 15. Iss. 2. P. 417–430. DOI:10.1093/chinesejil/jmw023
62. *Stephens T., Rothwell D.* The LOSC Framework for Maritime Jurisdiction and Enforcement 30 Years on // *International Journal of Marine and Coastal Law*. 2012. Vol. 27. Iss. 4. P. 701–709. DOI:10.1163/15718085-12341250
63. *Stephens T.* Environmental Litigation by Asia-Pacific States at the International Court of Justice // *Melbourne Journal of International Law*. 2021. Vol. 21. Iss. 3. <https://law.unimelb.edu.au/mjil/issues/forthcoming-issue>

64. *Talmon S.* The South China Sea Arbitration: Observations on the Award on Jurisdiction and Admissibility // Chinese Journal of International Law. 2016. Vol. 15. Iss. 2. P. 309–391. DOI:10.1093/chinesejil/jmw025
65. *Tamada D.* The Timor Sea Conciliation: The Unique Mechanism of Dispute Settlement // European Journal of International Law. 2020. Vol. 31. Iss. 1. P. 321–344. DOI:10.1093/ejil/cha025
66. *Tanaka Y.* The International Law of the Sea. Cambridge University Press. 2019. 584 p. DOI:10.1017/9781108545907
67. *Torraco R. J.* Writing Integrative Literature Reviews: Guidelines and Examples // Human Resource Development Review. 2005. Vol. 4. P. 356–367. DOI:10.1177/1534484305278283
68. *Wood M. C.* Choosing between Arbitration and a Permanent Court: Lessons from Inter-State Cases, ICSID Review // Foreign Investment Law Journal. 2017. Vol. 32. Iss. 1. P. 1–16. DOI:10.1093/icsidreview/siw038
69. *Wood M. C.* The International Tribunal for the Law of the Sea and General International Law // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2007. Vol. 22. Iss. 3. P. 351–367. DOI:10.1163/157180807781870345
70. *Wu X.* Case Note: Maritime Delimitation in the Indian Ocean (Somalia v. Kenya), Judgment on Preliminary Objections // Chinese Journal of International Law. 2018. Vol. 17. Iss. 3. P. 841–860. DOI:10.1093/chinesejil/jmy022
71. *Yiallourides C.* It Takes Four to Tango: Quadrilateral Boundary Negotiations in the North-East Atlantic Marine Policy. 2018. Vol. 87. Iss. 3. P. 78–83. DOI: 10.1016/j.marpol.2017.10.007
72. *Zhao B.* The Curious Case of Ghana/Côte d'Ivoire: A Consistent Approach to Hydrocarbon Activities in the Disputed Area? // Asian Journal of International Law. 2020. Vol. 10. Iss. 1. P. 94–124. DOI:10.1017/S204425131900016X
73. *Zheng Z.* Legal Effect of Maps in Maritime Boundary Delimitation: A Response to Erik Franckx and Marco Benatar // Asian Journal of International Law. 2014. Vol. 4. Iss. 2. P. 261–279. DOI:10.1017/S2044251313000295
74. Chinese Society of International Law. The South China Sea Arbitration Awards: A Critical Study // Chinese Journal of International Law. 2018. Vol. 17. Iss. 2. P. 207–748. DOI:10.1093/chinesejil/jmy012

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; v.vvaas@yandex.ru

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; Deltafox1@yandex.ru

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; v.vvaas@yandex.ru

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; Deltafox1@yandex.ru

Задачи государств — участников СНГ в обеспечении национальной безопасности¹

Коростелев С. В.

Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ksv1@iacis.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение проблемы политико-правового обоснования действий органов государственной власти по определению и заявлению категории «национальные интересы» в рамках общих интересов международного сообщества и общих целей системы международной безопасности для других участников международного общения.

Цель. Устранить методологические проблемы в определении содержания терминов «национальная безопасность», «общественная безопасность», «безопасность личности», «конституционный строй», «государство» при институционализации вмешательства во внутренние дела других государств.

Задачи. Выделить и сформулировать направления концентрации усилий органов государственной власти при движении нации к своим целям относительно опасностей, угроз и рисков.

Методология. Состояние современной среды безопасности свидетельствует о подвижности содержания национальных интересов, а следовательно, существует проблема определения направлений концентрации усилий государства на их обеспечение и заявления их для других участников международного общения. Выделение категорий национальных интересов построено относительно объектов национальной безопасности и на сравнительном анализе необходимых реакций государств на внешние и внутринациональные угрозы и угрозы частным интересам.

Результаты. Исследование показало, что важнейшей задачей органов государственной власти является непрерывное переопределение опасностей, угроз и рисков, обеспечение ресурсами их парирования. Конкуренция государств за место в иерархии баланса сил является неизбежной, и, соответственно, переопределение жизненных, важных, значимых интересов также должно производиться непрерывно. Направления усилий международных акторов могут быть объяснены через то, как они заявляют свои национальные интересы. Одной из очевиднейших проблем современного политического дискурса является наделение политического механизма «государство» субъектностью в процессах определения национальных интересов и обеспечения безопасности нации, что является серьезной методологической ошибкой и что, в свою очередь, подтверждено решением Нюрнбергского трибунала. Для обеспечения выживания нации в результате политического консенсуса необходимо определять главные объекты концентрации усилий и необходимые ресурсы. К таким задачам относится заявление для других участников международного общения каких-либо «ценностей» нации в качестве ее «жизненных» интересов, на защиту которых будут направлены все ее ресурсы.

Выводы. Решение органов государственной власти на осуществление действий по вмешательству во внутренние дела какого-либо государства должно быть основано на определении факта, обусловливаемого, конечно же, не порогами и «красными линиями», заявленными государством, а состоянием баланса сил в международных отношениях.

Ключевые слова: национальная безопасность, национальные интересы, общественная безопасность, безопасность личности, вмешательство, государство, политический механизм

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00156 А) «Легитимация вмешательства во внутренние вооруженные конфликты (международные правовые аспекты)».

Для цитирования: Коростелёв С. В. Задачи государств — участников СНГ в обеспечении национальной безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Том 15. № 4. С. 82–92.

Tasks of the CIS Member States in Ensuring National Security

Stanislav V. Korostelev

Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States, Saint Petersburg, Russian Federation; ksv1@iacis.ru

ABSTRACT

This study is focused at studying the problem of the political and legal rationalization of the actions of government authorities in defining and proclaiming the category of “national interests” in the framework of the common interests of the international community and the common goals of the international security system for other participants in international communication.

Aim. Eliminate methodological problems in defining the content of the terms “national security”, “public security”, “personal security”, “constitutional order”, “state” while institutionalizing interference in the internal affairs of other states.

Tasks. To highlight and formulate the directions of concentration of efforts of state authorities in the movement of the nation towards its goals in relation to dangers, threats and risks.

Methods. The state of the modern security environment testifies to the mobility of the content of national interests, and, therefore, there is a problem of determining the directions of concentration of efforts of a government to ensure them and proclaiming them for other participants in international communication. The allocation of categories of national interests is based on national security objects and on a comparative analysis of the necessary reactions of states to external and intranational threats and threats to private interests.

Results. The study showed that the most important mission of government bodies is to continuously redefine dangers, threats and risks, and provide resources to counter them. Competition of states for a place in the hierarchy of the balance of power is inevitable, and, accordingly, the redefinition of vital, important, significant interests should also be carried out continuously. The directions of efforts of international actors can be explained in terms of how they do proclaim their national interests. One of the most obvious problems of modern political discourse is the endowment of the political mechanism “state” with subjectivity in the processes of determining national interests and ensuring the security of the nation, which is a serious methodological error, and which, in turn, was confirmed by the decision of the Nuremberg Tribunal. To ensure the survival of the nation as a result of political consensus, it is necessary to determine the main objects of concentration of efforts and necessary resources. Such errands include the declaration for other participants in international communication of certain “values” of the nation as its “vital” interests, to protect which its total resources will be allocated.

Conclusion. The decision of the state authorities to take any action to interfere in the internal affairs of any state should be based on the determination of the fact, which is, of course, conditioned not by the thresholds and “red lines” declared by the state, but by the state of the balance of power in international relations.

Keywords: national security, national interests, public security, personal security, interference; state, political mechanism

For citing: Korostelev S. V. Tasks of the CIS Member States in Ensuring National Security // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2021. Vol 15, No. 4. P. 82–92.

Содержание понятий «национальная безопасность» (равно как «общественная» и другие виды безопасности), «национальные интересы» (равно как и «угрозы», «опасности» и «риски» для данной сферы общественных отношений) в современном российском политико-правовом дискурсе является достаточно новым предметом доктринальных споров и до настоящего времени не определено в нормах права¹.

Мирное существование и экономическое процветание являются, очевидно, важнейшим из желаемых состояний мироустройства для населения любого из государств — членов международного сообщества наций. Такое состояние защищенности от воздействия внешних, внутринациональных и иных опасностей, угроз и рисков², а также чрезвычайных ситуаций природного и техногенного (антропогенного) характера в различных сферах жизнедеятельности часто определяется ими как «национальная безопасность».

Содержание феномена национальной безопасности определяется с учетом текущего положения нации в международном сообществе и ее перспектив, каковые обуславливаются, соответственно, переменными свойствами международной среды безопасности³, которая: *изменчива* — природа, скорость и динамика изменений являются катализаторами неустойчивых и непредсказуемых ситуаций; *неопределенна* — отсутствие предсказуемости предопределяется недостаточной осведомленностью о возникающих проблемах и потоках событий и непониманием их сущности; *сложна* — на процессы принятия решения и планирования действий влияет большое количество факторов, сил, проблема подмены предметов споров, хаос в функционировании национальных и международных институтов; *неоднозначна* — существует неизбежная вероятность выбора неправильной оценки реальности, понимания правил игры или причинно-следственных связей для фактов и событий, которые на первый взгляд представляются очевидными и не сложными [8].

Именно ввиду изменчивости среды безопасности и, соответственно, изменения свойств ее акторов и их места в международной властной иерархии попытки создать жестко формальное определение для «национальной безопасности» не представляется возможным. Это непрерывный процесс деятельности органов государственной власти по осознанию и переопределению проблем безопасности (опасностей и угроз) и поиску способов реагирования на них.

В данном процессе очевидным предполагаются два измерения: психологическое и «материальное» [7, с. 4–29]: состояние национальной безопасности во многом определяется тем, насколько мыслящая часть общества признает проводимую государством политику по обеспечению выживания и устойчивому развитию нации соразмерной и достаточно обеспеченной ресурсами для противодействия опасностям и угрозам.

Безопасность каждого из государств-наций в международной системе обеспечивается в рамках взаимодействия, определенных и ограниченных предписаниями, принадлежащими к классу «общих интересов» международного сообщества.

Такие интересы определены как минимум в Преамбуле и ст. 1 и ст. 2 Устава ООН⁴, Декларации о принципах международного права⁵ и ряде других документов, которые широко известны, признаются и составляют институциональную основу международной безопасности. Но даже в рамках такой регламентированной системы происходит столкновение интересов ее субъектов.

¹ «Концепции» и «Стратегии», по мнению ряда авторов, не обладают признаками нормативности. См., например, [1].

² Для целей данного исследования предлагаются следующие определения: к «опасностям» отнесены потенциальные возможности причинения ущерба (вреда) объектам национальной безопасности, а к «угрозам» — реальные возможности причинения ущерба (вреда) объектам национальной безопасности. При этом к «рискам» отнесены возможности наступления событий, влекущих причинение ущерба (вреда) объектам национальной безопасности в результате действия (бездействия) субъектов национальной безопасности. Данная классификация осуществлена на основании критериев «неизбежности» и «неминуемости», которые лежат в основе доктрины упреждения. Также такое использование терминов «опасности» и «угрозы» предполагает переопределение сущности пришедших из западной доктрины терминов «вызовы и угрозы».

³ В общем случае состояние свойств среды безопасности в западной военно-политической доктрине определяется акронимом VUCA (volatility, uncertainty, complexity, ambiguity — изменчивость, неопределенность, сложность и неоднозначность).

⁴ Устав ООН [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.11.2021).

⁵ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 27.11.2021).

Борьба за власть в международной системе является неизбежной, поскольку государства созданы людьми для удовлетворения своих частных интересов, что, в свою очередь, предполагает конкуренцию государств и других акторов как минимум за ресурсы для обеспечения выживания и устойчивого развития нации. Эта задача может быть решена государством лишь через создание такого политико-правового механизма, который сможет эффективно объединить доступные инструменты национальной мощи для обеспечения нации необходимого места в мировом балансе сил¹.

Для описания как самой системы международных взаимодействий, так и свойств составляющих ее основных субъектов — национальных государств, оспаривающих власть внутри системы, используется базовое понятие «национальные интересы» — совокупность качественных характеристик нации, определяющих ее как независимое и самодостаточное сообщество, имеющее долгосрочные и стабильные цели, которые позволяют обеспечить ее выживание и устойчивое развитие, политическую суверенность и культурную самобытность².

Все этапы образования и существования нации происходят между крайними состояниями дихотомии «выживание / устойчивое развитие». В каждый конкретный исторический период органы государственной власти должны определять важнейшие направления сосредоточения своих усилий³, а также количественно измеряемые ориентиры⁴, достижение которых должно обеспечить реализацию многообразных интересов нации.

Предполагаем, что выбор модели построения взаимоотношений акторов также происходит в рамках дихотомии «стремление к изоляции / стремление к верховенству».

Во-первых, стремление к изоляции предполагает, насколько это возможно, удаление нации от участия в тех международных взаимодействиях, которые для нее предполагаются нежелательными. В идеальном случае приближенное следование такой модели представляется возможным, если страна имеет выгодное географическое положение, значительный экономический и военный потенциал, включая наличие ядерных средств сдерживания. В этом случае минимизируется участие в обременяющих союзах, международных организациях и соглашениях, которые могут сделать государство заложником конфликтов интересов их участников. Также предполагается отказ от применения силы для изменения миропорядка, продвижения своих несущественных экономических интересов, и не только национальных, но даже общечеловеческих ценностей на территориях других участников международного общения. То есть государство следует в максимально возможной степени политике невмешательства в сферы интересов других акторов, но не допуская при этом вмешательства в свои дела. Такая модель поведения исключает участие в каких-либо конфликтах, кроме тех, что угрожают неприкосновенности и целостности национальной территории, межнациональному и межконфессиональному миру, безопасности граждан в стране и за рубежом, экономическому благосостоянию и сохранению национальных ценностей: именно такие базовые константы, относительно которых строится нация, определяются как «жизненные национальные интересы».

Очевидным образом самоизоляция нации в современном мире не представляется возможной: для ее устойчивого развития необходимо как минимум участвовать в международном разделении труда и, следовательно, гармонизировать общие, групповые и частные интересы, например, в сферах поддержания мира и стабильности, которые необходимы для обеспечения международной торговли — защиты

¹ Предполагаю возможным определить, что объектом системы международной безопасности является «власть», которая оспаривается национальными государствами — основными ее субъектами.

² П. 5 пп. 2 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2030 года (определяет национальные интересы Российской Федерации как «объективно значимые потребности личности общества и государства»). В таком определении очевидны две серьезные методологические ошибки: во-первых, не определяется, что составляет «объективный» характер «значимых потребностей»; во-вторых, заявляется о существовании потребностей у «государства», что вступает в противоречие с основными постулатами теории государства и права и практикой Нюрнбергского трибунала, о чем будет сказано ниже.

³ Для целей данного исследования предлагается следующее определение для важнейших направлений сосредоточения усилий государства: национальные стратегические приоритеты — важнейшие направления сосредоточения усилий органов государственной власти на пути движения к национальным целям, на обеспечение которых в приоритетном порядке направляются ресурсы.

⁴ Для целей данного исследования предлагается следующее определение для количественно измеряемых ориентиров: национальные цели — фундаментальные количественные ориентиры, определяемые органами государственной власти для обеспечения жизненных, важных и значимых национальных интересов.

мировых и региональных рынков. Это предполагает координацию воли акторов в рамках международных институтов, т. е. передачу последним части своих суверенных прав, а также и ресурсов для обеспечения их функционирования. Такую категорию констант, подлежащих защите и относительно которых строятся взаимоотношения с другими акторами, можно определить как *«важные национальные интересы»*: *свобода доступа к мировым рынкам, региональная стабильность, устойчивые союзные отношения, возможности по продвижению национальных ценностей*.

Вторая крайняя парадигма — стремление к верховенству — предполагает масштабное и активное участие нации во всем спектре международных отношений, что, в свою очередь, возможно лишь в том случае, когда ее мощь достаточна для самостоятельного поддержания общего состояния мира. Для актора с такими свойствами наибольшую угрозу национальной безопасности представляет лишь появление равного себе соперника. Данная парадигма критично оценивает возможности международных институтов по обеспечению общих интересов в сфере безопасности и, соответственно, исключает полагание на них для защиты национальных интересов за исключением ситуаций защиты своих несущественных интересов. Мощь государства (либо влияние государства) во внешнем мире определяется как его собственными возможностями, так и совокупными характеристиками союзов, которые данное государство образует с теми государствами, с которыми оно имеет совпадающие интересы.

Возможности государства по проведению политики верховенства (а равно и иной другой) «зависят от его географических особенностей (размеров территории, ее конфигурации и характеристик, расположения); численности населения и его характеристик; наличия естественных ресурсов и сельскохозяйственного потенциала; эффективности и гибкости промышленности; состояния транспортной и телекоммуникационной инфраструктур; общего экономического потенциала и жизнеспособности экономики; ...наличия у населения воли к совместному продвижению к общим целям, доверия к правительству; эффективности правительства и пр.» [3, с. 52–53].

Верховенство в первую очередь обеспечивается весом государства в мировом разделении труда. Относительный вес государства в мировой политике в настоящее время может быть предопределен, например, по шкале взносов ООН¹, основанной на платежеспособности государства, определяемой на основе валового национального продукта, скорректированного с учетом суммы факторов, включающих доход на душу населения. Так, например, доля США в настоящее время составляет 22%². А в момент окончания Второй мировой войны более половины мировой продукции производилось в этом государстве [5, р. 72]³. В 1960 г. эта доля опустилась до 40%, в 2019 г. — до 24%⁴. Следовательно, претендовать на осуществление «верховенства» в современной международной политике в настоящее время ни одна нация не может, и для продвижения своих национальных интересов она неизбежно должна обращаться к международным институтам, т. е. к нациям, объединившимся относительно общих для них в данный период ценностей. Как справедливо отмечается, «ни Соединенные Штаты, ни какая-либо другая страна не имеет и не может иметь силы для защиты своей безопасности в одностороннем порядке в многополярном современном мире. Даже поверхностный анализ мировых демографических и экономических тенденций на ближайшие пятьдесят лет делает этот вывод неизбежным» [6, с. 446].

Также необходимо принимать во внимание, что стабильность миропорядка во многом определяется балансом национальной мощи соперничающих акторов, который во многом зависит не только от состояния национальной экономики, качества вооруженных сил, численности и производительности населения, но и емкости внутреннего рынка, в том числе тех рынков, где есть высокий уровень потребления произведенной вовне продукции. Емкий рынок и сильная экономика защищают нацию от вме-

¹ Взносы государств-членов [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/aboutun/finance/contrib.shtml> (дата обращения: 16.11.2021). При этом доля взносов государства не может превышать 22%.

² Доля Китая по шкале взносов ООН — 7,921%.

³ 35% — от общего объема мирового ВВП, с пересчетом на душу населения — 60%. Траектория Соединенных Штатов в мир-системе: количественное отражение [Электронный ресурс] // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/240760686_The_Trajectory_of_the_United_States_in_the_World-System_A_Quantitative_Reflection/figures?lo=1 (дата обращения: 20.11.2021).

⁴ The U. S. Share of the Global Economy Over Time [Электронный ресурс] // Visual Capitalist. URL: <https://www.visualcapitalist.com/u-s-share-of-global-economy-over-time/> (дата обращения: 12.11.2021). При этом современный размер экономики США составляет более 20,9 трлн долл., Китая — 14,7 трлн долл.

шательства извне не менее чем военная мощь, поскольку такое вмешательство может приводить к падению внутреннего потребления и вмешивающийся может потерять свои рынки сбыта, то есть причинить ущерб собственной экономике.

Защищенная в конкретный период от угроз извне нация, несомненно, получает возможности для развития как минимум для того, чтобы соответствовать вызовам переменчивой среды безопасности. Для успешного самопозиционирования в системе международных отношений и оспаривания притязаний других акторов нация должна обладать способностью мобилизоваться и концентрировать усилия на решении неотложных задач обеспечения своей безопасности. Это возможно осуществлять только в том случае, если у нее как у целостного субъекта международных отношений есть устойчивый конституционный строй (*ordre public*), населению страны гарантировано безопасное существование, а устойчивое развитие общества, во-первых, является для населения страны свидетельством разумности политики органов государственной власти в области национальной безопасности; во-вторых, позволяет обеспечивать достаточными ресурсами решение задач обеспечения безопасности. *Такую категорию констант, подлежащих защите и относительно которых строится внутринациональная стабильность участника международных отношений, можно определить как «значимые национальные интересы».* Такие характеристики имеют в общем случае столкновения интересов несущественное значение для других акторов. Например, в ходе разрешения важных межгосударственных противоречий форма правления государства редко принимается во внимание — вне зависимости от своих внутренних свойств актор должен обладать каноническими признаками государства, а его поведение не должно выводить из равновесия международную систему.

«Политические характеристики государства во внешнем мире, в отличие от внутренней легитимности, основанной на общественном договоре (чаще всего это национальные конституционные нормы), известны — они установлены в международном праве. Субъектность государства с точки зрения возможности вступать в отношения с другими акторами определяется в Конвенции Монтевидео 1933 г.¹ следующим образом: государство легитимно, если оно имеет постоянное население; определенную территорию; собственное правительство; способность к вступлению в отношения с другими государствами» [3, с. 125–126]. А признаваемое таким образом государство наделяется правами, присущими полному суверенитету².

В правовой же доктрине государство, как высшая форма политического объединения индивидов, наиболее полно определяется как эффективная юридическая фикция: его существование обусловлено происходящими в конкретный исторический период социальными и правовыми процессами. Его главное юридическое свойство как единого образования, подчиняющегося верховенству права, развилось как результат политического характера объединения, которое индивиды создали для достижения своих частных целей, ограниченных рамками общего блага (чаще всего в сфере обеспечения безопасности и справедливого распределения благ). В этом процессе в рамках predetermined территориального пространства (страны) происходит объединение частных волей, а взаимодействия единообразно (нормативно) регулируются. Государство является в этом смысле лишь политическим механизмом, обеспечивающим внутринациональную «общественную безопасность», то есть такое состояние общественной организации — внутринациональных отношений, когда конфликты частных волей должным образом увязаны и согласованы в рамках институтов моральных и нормативных ограничений. В таких политико-правовых механизмах обеспечения общего сосуществования всем лицам, находящимся в пределах национальной юрисдикции и территории, гарантируется защита гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав «...без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, по-

¹ Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств [Электронный ресурс] // Платформа для обмена документами DocPlayer. URL: <https://docplayer.ru/151742324-Konvenciya-montevideo-o-pravah-i-obyazannostyah-gosudarstv.html> (дата обращения: 26.11.2021).

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 27.11.2021).

ла, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства»¹.

Здесь представляется необходимым отметить, что государство, как юридическая фикция, не может обладать собственной волей, интересами и требовать безопасности.

Так, например, определено не только в доктрине, но и в практике. Нюрнбергский трибунал указал: «...В то время как вполне допустимо, в целях установления коллективной ответственности, использовать фикцию об ответственности государства или корпорации, совершенно нетерпимо, чтобы подобное формальное толкование закона могло служить основой для личной безнаказанности ... Устав [Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 8 августа 1945 г.)] совершенно ясно заявляет, что устанавливается индивидуальная ответственность за преступления, включая преступления против мира, совершенные от имени государства. Государство не является абстракцией. Его права и обязанности являются правами и обязанностями людей; его действия — действиями людей...» [4, с. 148].

Но, конечно же, «государство-нация» обладает характеристиками объекта и субъекта процесса обеспечения национальной безопасности, если оно таковым институционально определено в общественном договоре, каковым, например, является Конституция Российской Федерации². В преамбуле документа установлено: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство ...принимаем Конституцию Российской Федерации». Далее в ст. 1 народ России определяет свое национальное государство: «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Представляется необходимым отметить, что в Конституции России используются термины «безопасность», «безопасность личности», «общественная безопасность», «экологическая безопасность», «безопасность государства», а в ст. 114, регламентирующей функции правительства, — «государственная безопасность». Последнее, очевидно, относится к ошибке в юридической технике, поскольку, как было показано выше, государство как политический механизм не обладает собственной волей и субъектностью. Но, что удивительно, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации³ в числе национальных интересов Российской Федерации выделяет «интересы государства»⁴ и «целостность государства»⁵.

Национальное государство, как и в Конституции России, сходным образом определено в Конституции Республики Казахстан⁶. И также в тексте сосуществуют термины «безопасность государства», «национальная безопасность», а в ст. 32 — «государственная безопасность». Конституция Республики Беларусь⁷ также сходным образом определяет государство-нацию, но устанавливает еди-

¹ См.: Международный пакт о гражданских и политических правах. Резолюция 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 27.11.2021); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Резолюция 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 27.11.2021).

² Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 27.11.2021).

³ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 21.11.2021).

⁴ Там же, п. 5 п.п. 2: «...Национальные интересы Российской Федерации — объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии». В таком определении очевидны две серьезные методологические ошибки: во-первых, не определяется, что составляет «объективный» характер «значимых потребностей»; во-вторых, заявляется о существовании потребностей у «государства», что вступает в противоречие с основными постулатами теории государства и права и практикой Нюрнбергского трибунала, о чем будет сказано ниже.

⁵ Там же, п. 25 п.п. 2.

⁶ Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019) [Электронный ресурс] // Правовой портал Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 21.11.2021).

⁷ Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Pravo.by. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 21.11.2021).

ный термин «национальная безопасность», что очевидным образом упрощает определение объекта и предмета деятельности государственного механизма по обеспечению национальной, общественной и личной безопасности.

Также представляется необходимым отметить, что в российском официальном дискурсе (этатистском по существу) в отношении другого вида безопасности — «общественной» — господствует следующая точка зрения: «общественная безопасность» предполагает защиту «человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹. Данная позиция представляется ограниченной, поскольку не предполагает защиты индивида от «нарушений прав человека» по смыслу парадигмы ООН: права человека — это универсальные правовые гарантии, охраняющие отдельных лиц и группы лиц от действий органов власти, которые нарушают основные свободы и оскорбляют человеческое достоинство. Такие гарантии создают обязательства для государства и предполагают контроль со стороны международного сообщества. В вышеприведенном случае такая регламентация действий органов государственной власти нарушает суть общественного договора, учреждающего государство.

Субъектами такого общественного договора и процесса совершенствования государства как политического механизма и обеспечения его существования в конкуренции с внешними акторами являются в первую очередь граждане и создаваемые ими институты, такие как органы местного самоуправления, и лишь затем, вторично, уже само государство, осуществляющее свои полномочия через органы законодательной, исполнительной и судебной власти (далее — органы государственной власти).

Индивиды, делегируя некоторую часть своих прав и ответственности государству, предполагают, что оно, как единое лицо, сможет распорядиться предоставленными ему властными полномочиями и ресурсами как для их частной, так и общей защиты. Обязанность обеспечения уважения человеческого достоинства², которое не может быть попорно ни государством, ни отдельным человеком, обуславливает содержание категории «безопасность личности», которая в этом случае должна толковаться широко в непреложно полном спектре всех возможных социальных взаимодействий.

Так, например, содержание защищенности людей от опасностей как насильственного, так и ненасильственного характера раскрывается в программных документах ООН³:

- свобода от нищеты, голода, болезней и нужды, от страха и насилия, всеобщая грамотность, равный и всеобщий доступ к качественному образованию на всех уровнях, медицинскому обслуживанию и социальной защите, гарантии физического, духовного и социального благополучия, нормальные санитарно-гигиенические условия; безопасная, недорогая и питательная еда; среда обитания человека безопасна, способна противостоять негативным явлениям и экологически устойчива, обеспечен всеобщий доступ к недорогому, надежному и устойчивому энергообеспечению⁴;
- всеобщее уважение к правам человека и человеческому достоинству, верховенство права, справедливость, равенство и недискриминация, уважение к расовому, этническому и культурному разнообразию; равные возможности, отсутствие насилия над детьми и их эксплуатации; гендерное равенство; свобода от социальных барьеров, удовлетворение потребностей наиболее уязвимых групп и т. д.⁵

¹ См.: Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) п. 4 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения: 24.11.2021).

² Утверждение веры в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций является одной из основ функционирования Организации Объединенных Наций. См. Преамбулу Устава ООН выше.

³ Документ ООН A/RES/70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. [без передачи в главные комитеты (A/70/L.1)] 70/1 [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 20.11.2021).

⁴ Там же, п. 7.

⁵ Там же, п. 8.

При этом объектами властных проявлений деятельности государства становятся личность, ее права и свободы; общество, его материальные и духовные ценности; конституционный строй, в том числе суверенитет и территориальная целостность страны.

Следовательно, в зависимости от объекта, подлежащего защите, деятельность субъектов, взаимодействующих в рамках политического механизма государства, предопределяет среду приложения усилий для обеспечения национальной безопасности в целом:

- 1) безопасность личности;
- 2) общественная безопасность;
- 3) защита конституционного строя.

В зависимости от типов опасностей и угроз деятельность субъектов национальной безопасности должна быть направлена на выявление, предупреждение, устранение причин и условий, способствующих их появлению, непосредственному парированию и минимизации и (или) ликвидации последствий таких проявлений: во-первых, в среде международных взаимодействий; во-вторых, во внутринациональном устройстве; в-третьих, от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного (антропогенного) характера; а также на снижение соответствующих рисков.

В своих нормативных и доктринальных актах органы государственной власти обязаны определять, представляют ли текущее и прогнозируемое состояние международных взаимодействий и собственное внутринациональное положение опасность или угрозу для защищаемых ими объектов национальной безопасности.

А конкретные мероприятия субъектов, очевидным образом, должны быть сфокусированы на обеспечении безопасности и защите критически важных инфраструктур¹ нации в сферах: обороны, здравоохранения и санитарно-эпидемиологического благополучия населения, экономики и обеспечения продовольствием, информационного пространства, транспорта, энергетики, экологии, в других сферах жизнедеятельности.

В ходе такой деятельности в нормативных и доктринальных актах государства для других международных акторов должны быть объявлены «недопустимые» пороговые значения для посягательств на суверенные права нации в таких сферах (а по сути, определены опасности и угрозы национальным интересам). Заявление таких порогов является неотъемлемой частью деятельности его политического механизма и служит, во-первых, для демонстрации основных ценностей национально-государственного устройства относительно внешнего мира. Эти ценности являются производными от суверенитета и, соответственно, ставят внешних акторов перед необходимостью признавать существование ограничений для реализации своих притязаний. Во-вторых, эти ценности также определяют ограничения и для заявления притязаний государства при продвижении и защите национальных интересов: такие ограничения являются результатом длительного исторического процесса столкновения интересов акторов и как его итоги чаще всего сформулированы в международных нормативных обязательствах, которые необходимо учитывать при проведении внешней и даже внутренней политики².

Такие ограничения являются идеалистичными и в некотором смысле модельными. Например, «каждое государство обязано воздерживаться вмешиваться во внутренние и внешние дела какого-либо другого государства»³, «воздерживаться от разжигания междоусобицы на территории другого государства и предупреждать на своей территории организованную деятельность, направленную к разжиганию такой междоусобицы»⁴. Но обязано ли государство воздерживаться от таких как будто бы противоправных действий, если масштаб событий на территории другого суверена, не установившего «на своей тер-

¹ Критически важные инфраструктуры — объекты, системы и службы, разрушение или выведение из строя которых может нанести существенный ущерб (вред) объектам национальной безопасности, привести к нарушению или прекращению функционирования органов государственной власти, местного самоуправления и создаваемых гражданами институтов. См.: О критически важных объектах информационно-коммуникационной инфраструктуры: модельный закон, принят Постановлением № 41-14 от 28 ноября 2014 г. [Электронный ресурс] // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov (дата обращения: 15.11.2021).

² Например, ввиду того что обязательства в сфере защиты прав человека являются общим императивом государств системы ООН.

³ См.: Ст. 3 Проекта Декларации прав и обязанностей государств. Документ ООН A/RES/375(IV) [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/A/RES/375%28IV%29> (дата обращения: 29.11.2021).

⁴ Там же, ст. 4.

ритории такие условия, которые не угрожали бы международному миру и порядку»¹, таков, что начинает угрожать его собственному конституционному строю (*ordre public*)²?

Государство с большей вероятностью вмешается с использованием военных силовых средств в стране — объекте вмешательства, если оно сталкивается с необходимостью защиты своих прямых инвестиций, а также обеспечения поставок, например, критичных для обороны государства редкоземельных элементов, урана и др. Представляется маловероятным, что масштабное силовое вмешательство произойдет в настоящее время для защиты рынка биржевых товаров, таких как нефть и газ, зерно и т. д.

Очевидными инструментами косвенного или прямого вмешательства во внутренние дела государства для поддержки законного правительства для внешнего актора-государства являются все доступные ему средства парадигмы MIDFIELD³.

Но в случае необходимости защиты национальных интересов при неудовлетворенности политикой конкурента государства чаще обращаются к неявным (информационным, подрывным) способам применения этих известных форм вмешательства [2; 8, с. 129–186]. Причем это часто происходит в тех случаях, когда стороной, оспаривающей властные полномочия органов государственной власти, во внутреннем конфликте могут быть как национальные, так и транснациональные корпорации, политические движения и т. д., в поддержке которых может быть заинтересовано внешнее государство (ввиду давления, например, своих национальных корпоративных акторов).

В общем случае запрет вмешательства во внутренние дела государства является базовой нормой международного права. Но понятие вмешательства носит в большей степени описательный, нежели нормативный характер и, конечно же, является вопросом столкновения ценностей, т. е. предметом морали. Любая попытка изменения *status quo* в международной системе для поддержания / изменения баланса сил для защиты национальных интересов оказывает влияние как на состояние правопорядка, так и на оценку содержания справедливости, что неизбежно переводит дискурс в поле моральных парадигм, т. е. ценностей. Но отнесение каких-либо «ценностей к жизненным» интересам, на защиту чего должны быть направлены все ресурсы нации, относится к вопросу факта, определяемого, конечно же, не порогами и «красными линиями», заявленными государством, а состоянием баланса сил в международных отношениях.

Всякий акт оспаривания, например, положения «процветающего» государства либо попытка установления контроля ресурсов какого-либо другого государства для обеспечения собственной стабильности — все это получает политико-правовую оценку других участников международного общения. Любой такой акт вмешательства вызывает много споров, а разногласия, как правило, сосредоточены на том, были ли нарушены общие интересы международного сообщества, т. е. было ли вмешательство необходимым и соразмерным по характеру применения принуждения / понуждения. В дебатах обычно игнорируется более глубокий вопрос, допустимо ли вообще такое вмешательство для защиты / продвижения национальных интересов с моральной точки зрения, поскольку у государства, как политико-правового механизма, нет морали.

Литература

1. *Ирошников Д. В.* Документы стратегического планирования в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: теоретико-правовой аспект // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2021. № 3 (35). С. 33–38.

¹ Там же, ст. 7.

² Для целей данного исследования предлагается следующее определение для понятия «конституционный строй» — это способ политической организации национального государства (доктрина государственной политики или *ordre public*), закрепленный в его конституции, который характеризуется системой социальных, экономических и политико-правовых отношений, т. е. теми основными принципами, которые лежат в основе регулирования взаимоотношений человека, общества и государственных механизмов и обеспечивают формирование и существование нации. Конституционный строй обуславливает нацию как сообщество с едиными интересами, социальными, моральными, материальными и другими ценностями. Такие интересы и ценности национально-государственного устройства формируются в процессе взаимодействия с внешним миром, т. е. являются проявлением и воплощением суверенитета.

³ Военные (*military*), информационные (*informational*), дипломатические (*diplomatic*), финансовые (*financial*), разведывательные (*intelligence*), экономические (*economic*), правовые (*law*), предоставление поддержки (*development*). См.: Joint Doctrine Note 1–18. Strategy. II–8. 25 April 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/jdn_jg/jdn1_18.pdf?ver=2018-04-25-150439-540 (дата обращения: 14.10.2021).

2. Коростелев С. В. Основы теории легитимации актов применения силы для защиты национальных интересов Российской Федерации в условиях становления новой геополитической модели мира. СПб. : Дмитрий Буланин. 2018. 288 с.
3. Коростелев С. В. Технология политической легитимации актов применения силы в международных отношениях : дисс. ... на соискание ученой степени доктора политических наук [Электронный ресурс]. URL: https://disser.spbu.ru/files/2021/disser_korostelev.pdf (дата обращения: 17.11.2021).
4. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов / под редакцией К. П. Горшенина, Р. А. Руденко и И. Т. Никитченко. Том I. Издание второе, исправленное и дополненное. Государственное издательство юридической литературы. Москва. 1954.
5. Cardwell Curt M. NSC 68 and the Foreign Policy of Postwar Prosperity: Political Economy, Consumer Culture, and the Cold War. Rutgers. The State University of New Jersey — New Brunswick. ProQuest Dissertations Publishing, 2006. 3203365. P. 72.
6. Rostow Eugene V. A Breakfast for Bonaparte: U. S. National Security Interests from the Heights of Abraham to the Nuclear Age. Washington, D. C. : National Defense University Press. 1996.
7. Sarkesian Sam C. U. S. National Security: Policymakers, Processes, and Politics. 2nd ed. Boulder : L. Rienner. 1995.
8. Yarger Harry R. Strategic Theory for the 21st Century: The Little Book on Big Strategy. Carlisle Barracks, PA : U. S. Army War College, Strategic Studies Institute. 2006.

Об авторе:

Коростелев Станислав Валентинович, ответственный секретарь Объединенной комиссии при Межпарламентской Ассамблее государств — участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам, доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент; ksv1@iacis.ru

References

1. Iroshnikov D. V. Documents of Strategic Planning in the System of Ensuring National Security of the Russian Federation: Theoretical and Legal Aspect // National Security and Strategic Planning. 2021. No. 3 (35). P. 33–38. (In Rus.)
2. Korostelev S. V. Basics of the Theory of Legitimizing of Acts of Use of Force to Protect National Interests of the Russian Federation in the Context of the Emergence of a New Geopolitical Model of the World. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. 2018. 288 p. (In Rus.)
3. Korostelev S. V. Technology of Political Legitimization of Acts of Use of Force in International Relations: diss. ... for the degree of Doctor of Science (Political Sciences) [Electronic resource]. URL: https://disser.spbu.ru/files/2021/disser_korostelev.pdf (accessed:17.11.2021).
4. Nuremberg Trials. Collection of Materials / ed. by K. P. Gorshenin, R. A. Rudenko and I. T. Nikitchenko. V. I. Second edition, revised and enlarged. Moscow : State Publishing House of Legal Literature. 1954. (In Rus.)
5. Cardwell Curt M. NSC 68 and the Foreign Policy of Postwar Prosperity: Political Economy, Consumer Culture, and the Cold War. Rutgers. The State University of New Jersey — New Brunswick. ProQuest Dissertations Publishing, 2006. 3203365. P. 72.
6. Rostow Eugene V. A Breakfast for Bonaparte: U. S. National Security Interests from the Heights of Abraham to the Nuclear Age. Washington, D. C. : National Defense University Press. 1996.
7. Sarkesian Sam C. U. S. National Security: Policymakers, Processes, and Politics. 2nd ed. Boulder : L. Rienner. 1995.
8. Yarger Harry R. Strategic Theory for the 21st Century: The Little Book on Big Strategy. Carlisle Barracks, PA : U. S. Army War College, Strategic Studies Institute. 2006.

About the author:

Stanislav V. Korostelev, Executive Secretary of the Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on Harmonization of Legislation in the Sphere of Security and Countering Emerging Threats and Challenges, Doctor of Political Science, PhD in Jurisprudence, Associate Professor; ksv1@iacis.ru

Противодействие коррупции в рамках функционирования Евразийского экономического союза

Павлова М. А.

Евразийская экономическая комиссия, Москва, Российская Федерация; bigsport_masha@mail.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на рассмотрение вопросов компетенции Евразийского экономического союза, определенной международными договорами в рамках Евразийского экономического союза, по противодействию коррупции при подготовке актов органов Евразийского экономического союза.

Цель. Определить компетенцию органов Евразийского экономического союза в сфере противодействия коррупции при разработке актов органов Евразийского экономического союза.

Задачи. Выделить пределы и объемы компетенции Евразийского экономического союза, установленной Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., в сфере противодействия коррупции при разработке актов органов Евразийского экономического союза, определить основания проведения антикоррупционной экспертизы, предусмотренной законодательством Российской Федерации, определить степень эффективности евразийской интеграции в сфере противодействия коррупции.

Методология. В настоящей работе с помощью методов логического, сравнительного и прогностического анализа выявлены факторы, способствующие реализации эффективной политики государств — членов Евразийского экономического союза, направленные на улучшение механизма разработки актов органов Евразийского экономического союза в сфере противодействия коррупции.

Результаты. Исследование показало, что Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. не предусматривается полномочие Евразийской экономической комиссии на проведение антикоррупционной экспертизы при подготовке актов органов Евразийского экономического союза. Вместе с тем Евразийский экономический союз обладает мощными правовыми, организационными инструментами, позволяющими принимать нормативные правовые акты достаточно глубоко подготовленными, проанализированными и прошедшими юридические процедуры. Предлагаемая к формированию евразийская антикоррупционная платформа позволит применять международный опыт, а кроме того, защитить национальные интересы евразийских стран, принимая во внимание особенности национальных правовых систем.

Выводы. Целесообразно рассмотреть вопрос о разработке и принятии единой антикоррупционной стратегии Евразийского экономического союза, которая базировалась бы на участии государств — членов ЕАЭС и учитывала национальные интересы и специфику правовых систем участвующих в нем государств, включая особенности законодательного регулирования в антикоррупционной сфере.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Договор о Евразийском экономическом союзе, оценка регулирующего воздействия, техническое регулирование, стратегические направления развития

Для цитирования: Павлова М. А. Противодействие коррупции в рамках функционирования Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 93–98.

Countering Corruption within the Framework of the Functioning of the Eurasian Economic Union

Maria A. Pavlova

Eurasian Economic Commission, Moscow, Russian Federation; bigsport_masha@mail.ru

ABSTRACT

The present study is aimed at considering the issues of competence of the Eurasian Economic Union, defined by international treaties within the framework of the Eurasian Economic Union, on combating corruption in the preparation of acts of the bodies of the Eurasian Economic Union.

Aim. To determine the competence of the bodies of the Eurasian Economic Union in the field of anti-corruption in the development of acts of the bodies of the Eurasian Economic Union.

Tasks. To identify the limits and scope of the competence of the Eurasian Economic Union, established by the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014, in the field of anti-corruption in the development of acts of the bodies of the Eurasian Economic Union, to determine the grounds for anti-corruption expertise provided for by the legislation of the Russian Federation, to determine the degree of effectiveness of the Eurasian integration in the field of anti-corruption.

Methods. In this paper, using the methods of logical, comparative and predictive analysis, the factors contributing to the implementation of effective policies of the member states of the Eurasian Economic Union aimed at improving the mechanism for the development of acts of the bodies of the Eurasian Economic Union in the field of combating corruption are identified.

Results. The study showed that the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 does not provide for the authority of the Eurasian Economic Commission to conduct anti-corruption expertise in the preparation of acts of the bodies of the Eurasian Economic Union. At the same time, the Eurasian Economic Union has powerful legal and organizational tools that allow it to adopt regulatory legal acts that are sufficiently deeply prepared, analyzed and have passed legal procedures. The Eurasian anti-corruption platform proposed for formation will allow applying international experience, and, in addition, protecting the national interests of the Eurasian countries, taking into account the peculiarities of national legal systems.

Conclusion. It is advisable to consider the development and adoption of a unified anti-corruption strategy of the Eurasian Economic Union, which would be based on the participation of the EAEU member states and take into account national interests and the specifics of the legal systems of the participating states, including the specifics of legislative regulation in the anti-corruption sphere.

Keywords: The Eurasian Economic Union, the Treaty on the Eurasian Economic Union, regulatory impact assessment, technical regulation, strategic directions of development

For citing: Pavlova M. A. Countering Corruption within the Framework of the Functioning of the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 93–98.

Антикоррупционная экспертиза в пределах компетенции Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), установленной Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее — Договор о ЕАЭС) и международными договорами в рамках ЕАЭС, не проводится. Положения, регламентирующие функциональное правотворчество органов ЕАЭС на противодействие коррупции в части принятия решений, не содержатся в Договоре о ЕАЭС. Вместе с тем ЕАЭС обладает мощными правовыми, организационными инструментами, позволяющими принимать нормативные правовые акты, достаточно глубоко подготовленные, проанализированные и прошедшие юридические процедуры.

Но для понимания причинно-следственных связей функционирования международного интеграционного объединения стоит, прежде всего, остановиться на истории его создания и развития. Истоки создания союза уходят в далекий 1995 г., когда Россия и Беларусь подписали Соглашение о создании Таможенного союза, в 1996 г. аналогичное соглашение было подписано в новом составе — из Беларуси,

России и Казахстана. Затем к указанному Соглашению присоединились две другие страны — Таджикистан и Кыргызстан. В 2000 г. пятью странами — участниками Таможенного союза был подписан Договор о создании Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), а в 2007-м ЕврАзЭС был реорганизован в Таможенный союз, в который вошли Россия, Беларусь и Казахстан. В свою очередь, с 2012 г. исполнительный орган Таможенного союза — Комиссия Таможенного союза — преобразован в Евразийскую экономическую комиссию, которая в настоящее время является регулирующим органом ЕАЭС¹.

Историческое развитие интеграции предопределило правовую регламентацию законодательства государств — членов ЕАЭС с учетом международного характера принимаемых органами ЕАЭС решений. Так, Правительством Российской Федерации было принято постановление от 17 декабря 2012 г. № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»². В реализацию данного постановления были одобрены Правила проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а в развитие рассматриваемых правоотношений принят приказ Минэкономразвития России от 27 мая 2013 г. № 290 «Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия». Исходя из нормативных положений таких документов, в отчет, подготовленный по результатам оценки регулирующего воздействия, включаются сведения о проведении независимой антикоррупционной экспертизы проекта акта (выявленные коррупциогенные факторы и способы их устранения [при наличии]). Стоит отметить, что законодательствами других государств — членов ЕАЭС также предусматриваются положения, регулирующие общественные отношения в сфере противодействия коррупции и обеспечивающие реализацию антикоррупционной политики.

Таким образом, проекты актов, подготовленные в целях реализации функций ЕАЭС, на национальном уровне проходят антикоррупционную экспертизу и выносятся для рассмотрения и последующего их принятия на заседания органов ЕАЭС уже с апробированным комплектом документов и материалов.

Вместе с тем в рамках деятельности Евразийской экономической комиссии (далее — Комиссия) по вопросу подготовки нормативных правовых актов Регламентом работы Евразийской экономической комиссии, утвержденным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 98³ (далее — Регламент), предусматривается процедура оценки регулирующего воздействия — те решения Комиссии, которые могут оказать влияние на условия ведения предпринимательской деятельности, за исключением отдельных решений принимаются органом ЕАЭС с учетом результатов проведения оценки регулирующего воздействия проектов таких решений.

Как следует из Регламента, оценка является обязательным этапом процесса подготовки проектов решений Комиссии и направлена на выявление и устранение предусмотренных положениями проектов решений Комиссии или возникающих в связи с указанными положениями избыточных обязанностей, ограничений и (или) запретов для субъектов предпринимательской деятельности, необоснованных расходов

¹ Евразийский экономический союз. Досье [Электронный ресурс] // Сайт информативности ТАСС. URL: [https://tass.ru/info/2545319#:~:text=Евразийский%20экономический%20союз%20-%20международное,\(ЕврАзЭС%2С%20действовало%20в%202000-2014%20гг.\)](https://tass.ru/info/2545319#:~:text=Евразийский%20экономический%20союз%20-%20международное,(ЕврАзЭС%2С%20действовало%20в%202000-2014%20гг.)) (дата обращения: 11.10.2021).

² О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации (вместе с «Правилами проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии») [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139421/ (дата обращения: 11.10.2021).

³ О Регламенте работы Евразийской экономической комиссии : решение Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 № 98 [Электронный ресурс] // Досуп из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172827/ (дата обращения: 11.10.2021).

субъектов предпринимательской деятельности, создающих барьеры для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на территории ЕАЭС¹.

Процедурно оценка регулирующего воздействия состоит из публичного обсуждения предлагаемого регулирования с субъектами предпринимательской деятельности и иными заинтересованными лицами путем размещения проекта акта на официальном сайте ЕАЭС и подготовки соответствующего заключения. При этом Регламентом предусматривается, что процедура оценки регулирующего воздействия в части разработки проектов решений Комиссии в части технического регулирования осуществляется посредством специального регламентационного производства.

Во-первых, специальное производство осуществляется в отношении проектов решений Комиссии о принятии технических регламентов ЕАЭС, внесении в них изменений или об их отмене, о введении в действие принятых технических регламентов ЕАЭС и переходных положений технических регламентов Союза. Оценка регулирующего воздействия состоит из этапов (процедур), установленных порядком разработки, принятия, изменения и отмены технических регламентов ЕАЭС, утверждаемым Комиссией (Решение Совета комиссии от 20 июня 2012 г. № 48)². Во-вторых, в отношении проектов решений Комиссии об утверждении перечней международных и региональных (межгосударственных) стандартов, а в случае их отсутствия — национальных (государственных) стандартов, в результате применения которых на добровольной основе обеспечивается соблюдение требований технических регламентов ЕАЭС, и об утверждении перечней международных и региональных (межгосударственных) стандартов, а в случае их отсутствия — национальных (государственных) стандартов, содержащих правила и методы исследований (испытаний) и измерений, в том числе правила отбора образцов, необходимые для применения и исполнения требований технических регламентов ЕАЭС и осуществления оценки соответствия объектов технического регулирования, оценка регулирующего воздействия состоит из этапов (процедур), установленных порядком разработки и принятия перечней международных и региональных (межгосударственных) стандартов, а в случае их отсутствия — национальных (государственных) стандартов, необходимых для обеспечения исполнения требований технических регламентов ЕАЭС и для осуществления оценки соответствия объектов технического регулирования, утверждаемым Комиссией (Решение Совета Комиссии от 18 октября 2016 г. № 161)³.

Исходя из сформулированных положений указанных нормативных правовых актов, Комиссия обеспечивает подготовку заключения об оценке регулирующего воздействия по проекту технического регламента ЕАЭС (изменений в технический регламент ЕАЭС, переходных положений) — комплекту документов, в который также включаются вышеупомянутые проекты перечней стандартов.

В качестве примера заключения об оценке регулирующего воздействия в сфере технического регулирования, подготовленного Комиссией, и в целях формулирования последующих выводов можно привести заключение по проекту изменений в технический регламент Таможенного союза «Технический регламент на масложировую продукцию» (ТР ТС 024/2011) (далее — ТР ТС 024/2011), датированное декабрем прошлого года.

Проектом изменений предусмотрено дополнение ТР ТС 024/2011 новым приложением, которым устанавливается перечень запрещенных предшествующих грузов при транспортировании наливом водными видами транспорта пищевой масложировой продукции (далее — перечень запрещенных предшествующих грузов). В рамках публичного обсуждения проекта изменений и комплекта документов к нему было предложено дополнить перечень запрещенных предшествующих грузов такими грузами, как дизельное топливо, бензин, керосин, сырая нефть, дистилляты нефти, нефтепродукты, гудроны и би-

¹ О Регламенте работы Евразийской экономической комиссии : решение Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 № 98 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172827/ (дата обращения: 11.10.2021).

² О внесении изменений в Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20 июня 2012 г. [Электронный ресурс] // Совет Евразийской экономической комиссии. 18 октября 2016 г. URL: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413049/cncd_08022017_147 (дата обращения: 11.10.2021).

³ О порядке разработки и принятия перечня международных и региональных (межгосударственных) стандартов [Электронный ресурс] // Совет Евразийской экономической комиссии. 18 октября 2016 г. URL: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413251/cncd_16032017_161 (дата обращения: 11.10.2021).

тумы. В отношении отклонения указанного предложения разработчиком в сводке отзывов по проекту изменений приведена информация о гармонизации перечня запрещенных предшествующих грузов с «Нормами и правилами хранения и транспортирования наливом пищевых жиров и масел» (далее — САС/RCP 36-1987) Кодекса Алиментариус и о том, что указанный перечень является закрытым. При этом разработчиком указано на наличие в таком приложении к ТР ТС 024/2011 гармонизированного с САС/RCP 36-1987 примечания 1, в соответствии с которым использование резервуаров водных видов транспорта, в которых ранее перевозились грузы, не содержащиеся в приложении, возможно только с согласия уполномоченного органа государства — члена ЕАЭС. Следовательно, предусмотренный проектом изменений подход не исключает ситуацию, при которой пищевая масложировая продукция будет транспортироваться наливом водными видами транспорта в резервуарах танкеров, в которых ранее транспортировались дизельное топливо, бензин, керосин, сырая нефть, дистилляты нефти, нефтепродукты, гудроны и битумы. Кроме того, наличие примечания 1 к перечню запрещенных предшествующих грузов приводит к необходимости согласования с уполномоченным органом государства — члена ЕАЭС возможности использования резервуаров водных судов, в которых ранее перевозились грузы, не содержащиеся в перечне запрещенных предшествующих грузов, всех случаев транспортирования пищевой масложировой продукции в резервуарах танкеров.

Таким образом, в рамках рассмотренного примера на основе проекта изменений в ТР ТС 024/2011 подготовленным заключением об оценке регулирующего воздействия делается вывод о том, что необходимо исключить указанное примечание 1 к перечню запрещенных предшествующих грузов либо доработать его в целях устранения избыточного и коррупциогенного требования к согласованию возможности использования резервуаров водных судов, в которых ранее перевозились грузы, не содержащиеся в перечне запрещенных предшествующих грузов, во всех случаях транспортирования пищевой масложировой продукции в резервуарах водных судов, в том числе и после транспортировки пищевой продукции. Проектируемое изменение в ТР ТС 024/2011 имеет коррупциогенный характер, поскольку проектом изменений не урегулирован вопрос о порядке проведения указанной процедуры согласования. Кроме того, такое требование может привести к созданию дополнительных административных барьеров в части согласования возможности использования резервуаров водных видов транспорта, в которых ранее перевозились грузы, не содержащиеся в перечне разрешенных предшествующих грузов, одним государством — членом ЕАЭС после отказа в согласовании такой возможности другим государством — членом ЕАЭС.

В этой связи заслуживает внимания научное предложение, обоснованное Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, о разработке концепции Евразийской антикоррупционной стратегии, которая базировалась бы на участии государств — членов ЕАЭС и учитывала национальные интересы и специфику правовых систем участвующих в нем государств, включая особенности законодательного регулирования в антикоррупционной сфере [1; 2].

Вместе с тем в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., принятых Решением Высшего Евразийского экономического совета 11 декабря 2020 г. № 12, не содержится положений, предусматривающих регулирование вопросов противодействия коррупции в рамках функционирования Евразийского экономического союза¹.

Литература

1. *Борисов С. В., Каширкина А. А., Морозов А. Н. и др. Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации : монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, А. В. Федорова. Москва. 2015.*
2. *Морозов А. Н. Противодействие коррупции в государствах — членах Евразийского экономического союза: международно-правовое и внутригосударственное регулирование // Журнал российского права. 2016. № 7.*

¹ О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции : решение от 11 декабря 2020 г. № 12 [Электронный ресурс] // Высший евразийский экономический совет. URL: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12 (дата обращения: 11.10.2021).

Об авторе:

Павлова Мария Александровна, заместитель начальника отдела правовой экспертизы решений Комиссии Правового департамента Евразийской экономической комиссии (Москва, Российская Федерация); bigsport_masha@mail.ru

References

1. Borisov S. V., Kashirina A. A., Morozov A. N. et al. Anti-corruption standards of the Organization for Economic Cooperation and Development and their implementation in the Russian Federation : monograph / ed. by T. Ya. Khabrieva, A. V. Fedorova. Moscow. 2015. (In Rus.)
2. Morozov A. N. Anti-corruption in the Member States of the Eurasian Economic Union: International Legal and Domestic Regulation // Journal of Russian Law [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2016. No. 7. (In Rus.)

About the author:

Maria A. Pavlova, Deputy Head of the Department of Legal Expertise of Decisions of the Commission of the Legal Department of Eurasian Economic Commission (Moscow, Russian Federation); bigsport_masha@mail.ru

Политическая сущность международного терроризма

Берладир Ю. В.¹, Харичкин И. К.^{2,*}

¹ Отдел ситуационного анализа, мониторинга угроз и подготовки проектов решений Антитеррористического центра государств — участников СНГ, Москва, Российская Федерация

² Институт международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, Москва, Российская Федерация; *harichkin@starlink.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на выявление сущности международного терроризма как крайне негативного явления политической жизни современности, а также определение понятий «международный терроризм», «терроризм».

Цель. Определить истоки как внутреннего терроризма, так и международного терроризма, предложить дефиниции этих политических феноменов.

Задачи. Выявить социально-политические источники терроризма, определить сущностные признаки данного явления, предложить с опорой только на сущностные признаки определения понятий «терроризм», «международный терроризм», предложить способы борьбы с этим крайне негативным явлением международной политической жизни.

Методология. Методология исследования строится на признании значительного влияния на политические процессы феномена терроризма. Использован метод сравнительного анализа. Анализируемые источники имеют содержательную связь с политическим подходом к пониманию терроризма. Рассмотрены ситуации успешной борьбы с данным явлением, которые могут стать примером для изменения приоритетных направлений противоборства терроризму и международному терроризму.

Результаты. Предложены определения политических феноменов «терроризм», «международный терроризм». Выявлена политическая сущность международного терроризма. Исследование показало, что международный терроризм представляет из себя явление того же порядка, что и внутренний терроризм. Основным объектом как терроризма, так и международного терроризма выступает конкретное государство, группа государств, международные организации. Для эффективной борьбы с терроризмом государствам необходимо прибегать к тактике социального и политического маневрирования: сокращать долю граждан, проживающих за чертой бедности или приближающихся к ней, обеспечить населению и в особенности молодым гражданам страны доступ к социальным «лифтам», включать оппозиционные политические движения в политический процесс. При осуществлении данных мер у террористических организаций исчезнет социальная база, что и приведет к изжитию данного явления.

Выводы. Борьба с международным терроризмом ведется отдельными государствами и мировым сообществом с переменным успехом. И чем больше государства и международные организации будут сосредоточивать свои усилия на искоренении источников терроризма, тем успешнее будет вестись борьба с этим явлением. Посредством вычленения только сущностных признаков терроризма и международного терроризма можно выработать универсальные определения понятий данных явлений политической жизни.

Ключевые слова: власть, властные отношения, насилие, терроризм, пандемия

Для цитирования: Берладир Ю. В., Харичкин И. К. Политическая сущность международного терроризма // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 99–108.

The Political Nature of International Terrorism

Julia V. Berladir^a, Igor K. Kharichkin^{b,*}

^a Department of Situational Analysis, Threat Monitoring and Preparation of Draft Solutions at the Commonwealth of Independent States Anti-Terrorism Center, Moscow, Russian Federation

^b Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation; * harichkin@starlink.ru

ABSTRACT

This study focuses on identifying the nature of international terrorism as an extremely negative phenomenon of modern politics, as well as on defining such terms as “international terrorism” and “terrorism”.

Aim. The study aims at identifying the origins of both domestic and international terrorism, and also at proposing the definitions of these political phenomena.

Tasks. The tasks of this study are to identify the social-political sources of terrorism; to define the core features of this phenomenon; to propose the definitions of the terms “terrorism” and “international terrorism” based only on the core features of these notions; to propose the methods of fighting this extremely negative phenomenon of international political life.

Methods. The methodology of the study is based on the recognition of the fact that the phenomenon of terrorism has a significant influence on political processes. Such a method as the comparative analysis was used in the study. The references applied in the study have content coherence with the political approach towards the understanding of terrorism. This study also addresses the cases of the successful fights against this phenomenon that can be used as examples for altering priority areas of fighting terrorism and international terrorism.

Results. The study proposes the definitions of such political phenomena as “terrorism” and “international terrorism”, identifies the political nature of international terrorism. The study shows that international terrorism is a phenomenon of the same nature as domestic terrorism. The main object of both terrorism and international terrorism is a specific state, a group of states, or international organizations. To effectively fight terrorism, states need to resort to tactics of social and political maneuvering, that is to reduce the proportion of the population living below or near the poverty line, to provide the population and especially young citizens of the country with access to social mobility, and to include opposition political movements in the political process. Implementation of such measures will lead to the disappearance of the social base of terrorist organizations that will lead to the elimination of this phenomenon.

Conclusion. The fight against international terrorism is being waged by individual states and the world community with mixed success. And the more states and international organisations focus on eradication of the sources of terrorism, the more successful the fight against this phenomenon will be. By extracting only the core features of terrorism and international terrorism, the universal definitions of the terms of these phenomena of political life can be developed.

Keywords: power, power relations, violence, terrorism, pandemic

For citing: Berladir Ju. V., Kharichkin I. K. The Political Nature of International Terrorism // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 99–108.

Введение

Пандемия. Пандемия. Пандемия. Вся информационная сфера переполнена освещением этой, условно, серьезной угрозы для человечества. Однако жизнь не остановилась из-за распространения коронавирусной инфекции. И формы борьбы с ней, которые выбрали многие страны мира, усугубля-

ют социальные проблемы: снижаются доходы населения, растет смертность, прирастает безработица, увеличивается количество банкротств, ухудшается качество образования и т. д. Можно с уверенностью отметить, что XXI в. в жизни человечества не только не изжил старые глобальные проблемы, но и привнес новые. Сохраняются полюса богатства и бедности как в национальных, так и в мировом масштабах. Продолжается неэквивалентный обмен товарами, услугами между «севером» и «югом», сохраняется разница в стоимости рабочей силы, увеличивается разрыв в уровне жизни. У граждан некоторых стран планеты нарастает ощущение несправедливости устройства человеческого сообщества. Возникла и продолжает нарастать проблема беженцев. С развитием общественного прогресса растет социальная напряженность и в ранее благополучных в этом отношении странах, сопровождаемая всплесками в них массового насилия (США, Франция, Белоруссия).

Эти противоречия в жизни социума выводят на политическую арену группировки, склонные к ведению политической борьбы в крайних ее формах: экстремизм и терроризм. И абсолютно прав бывший Генеральный прокурор России В. В. Устинов, отмечая, что «...на сторону террористов может толкнуть лишь наличие в обществе глубокого кризиса как социально-политического, экономического, так и нравственного порядка, расколовшего общество и маргинализировавшего отдельные его слои, изменившего его нравственные ценности и подорвавшего доверие к законной власти» [14, с. 125].

Особняком среди нерешенных, а порой и обостряющихся проблем политической жизни стоит вопрос международного терроризма, дестабилизирующего обстановку и в отдельных странах, и в мире в целом.

В настоящее время 95 стран из 193 испытали на себе террористические атаки [2, с. 23].

Масштабы данного явления столь велики, что позволяют говорить о его первенстве среди различных угроз безопасности государств. И правы те страны, которые считают, что терроризм сродни эпидемии и борьба с ним должна вестись всеми доступными для международного сообщества методами.

Истоки терроризма

Как любое социальное явление, терроризм имеет свои социально-политические предпосылки, которые и приводят к радикализации некоторой части населения стран, в которых они длительное время не решаются.

Так, к социальным предпосылкам терроризма в отдельно взятой стране можно отнести: определенное недовольство части населения своим положением, нищету, отсутствие социальных лифтов для улучшения своего материального положения и социального статуса, низкий уровень образования и его недоступность, отсутствие качественного здравоохранения. При этом общие идеи гуманизма распространяются по всему земному шару. В странах происходит смена человеческих ценностей и идеалов. Человек везде воспринимает себя как наивысшую ценность и ждет от властвующей политической элиты создания нормальных условий для жизни. Государства зачастую декларируют определенные успехи в решении данных проблем. Однако на практике в реальной жизни они или решаются медленно, или решаются «на словах». В результате возникает разочарование в ожидаемом «светлом» будущем. В этих условиях в обществе формируются, развиваются, обостряются конфликты политического, социального, территориального, национального, мировоззренческого характера.

Определенная социальная группа людей, остро чувствующих несправедливость, заявляет о готовности к борьбе за изменение своего социального положения.

При этом целесообразно поддержать мнение Н. А. Чернядьевой в том, что «в целом условия социальной среды, являясь объективными условиями и предпосылками возникновения терроризма, органически его не порождают» [15, с. 81].

Безусловно, как из определенной революционной ситуации не всегда является социальная революция, так и из определенной кризисной социально-политической ситуации автоматически не возникает политическое течение, опирающееся на терроризм как на основной способ политической борьбы за власть. Нужны еще и соответствующая идеология, и готовность политической организации радикализироваться.

И целесообразно согласиться с точкой зрения авторов монографии «Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях», отмечающих, что «...терроризм ...имея своим источником социальные противоречия в их тенденции вызревания в антагонизмы, представляет собой определенные формы реакции ущемленных в реализации их естественных прав социальных субъектов, своеобразную форму протеста, а в своем развитии, т. е. в завершенном виде, форму борьбы за перераспределение власти вплоть до ее завоевания или незаконного захвата» [13, с. 258].

На политическую арену стремятся выйти новые политические организации, представляющие обездоленные и обманутые в своих ожиданиях слои населения. Обостряется политическая борьба. Однако слабость данных движений в силу незначительной социальной базы и скудности идей при амбициозности их вождей и порождает с их стороны экстремизм и терроризм как формы политической борьбы. В таком случае политической предпосылкой крайних форм политической борьбы и выступает ее невозможность в легальных, доступных формах из-за отсутствия широкой поддержки со стороны населения страны.

Именно отсутствие или затрудненность в ведении легальной политической борьбы, влияния на власть некоторых социальных групп, обманутые ожидания с их стороны и приводят к политической борьбе в крайних формах. Оппозиция пытается реализовать свои властные интересы (захватить территорию, контролировать некоторые социальные слои населения, прийти к власти в определенном регионе или в стране в целом) через террор. Это может относиться и к межгосударственным отношениям (исток международного терроризма), когда оппозиционным движениям источниками их несчастий видится какая-либо могущественная иностранная держава, поддерживающая действующую власть, или международная структура, наделенная политической властью, выступающая с позиций их государства.

Таким образом, терроризм — это явление чисто политическое, способ политической борьбы. Методы терроризма — уголовные преступления.

Анализ современного терроризма позволяет выделить его признаки:

- терроризм всегда имеет политические цели (другие цели меняют политическую природу терроризма на чисто уголовную);
- основная форма действий терроризма — насилие либо угроза его применения;
- объектом террористического воздействия выступает государство (требования изменения общественного устройства, территориальной целостности, религиозной свободы / несвободы);
- субъектом терроризма является невлиятельная на данный момент политическая группировка, пытающаяся посредством насильственных действий получить широкую общественную поддержку.

Как политическое явление терроризм предполагает наличие идейной основы. Так, А. Г. Сидоренко и Ю. В. Тихомиров отмечают, что «...в основе терроризма лежат следующие базисные идейные ориентации (платформы):

- агрессивный, реакционный национализм;
- суррогатные, извращенные религиозные воззрения;
- эсхатологические воззрения;
- экстремизм;
- криминальный радикализм» [11, с. 241].

Соглашаясь в целом с данными утверждениями авторов, хотелось бы и возразить по некоторым пунктам. Так, криминальный радикализм ничего общего не имеет с борьбой за власть и не может являться основой для политического явления — терроризма, посредством которого социальные группы (этнические, религиозные, профессиональные, региональные) желают поменять свое социальное и политическое положение. Эсхатологические воззрения присутствуют там, где в обществе отсутствует оптимизм, будущее видится в мрачном свете. Тогда легко находить приверженность взглядам о конце света. При позитивных настроениях в стране эсхатологические воззрения могут порождать немногочисленных приверженцев, которым не под силу создать сколько-нибудь заметное политическое движение. Агрессивный, реакционный национализм, суррогатные, извращенные религиозные воззрения присут-

ствуют в обществе тогда, когда нет четкого представления о цели развития государства. В любом случае с данными воззрениями можно и нужно бороться путем разъяснения позиции государства, диалогом с политической оппозицией, четко очерченными позициями, с которых государство не сойдет ни при каких условиях.

Таким образом, отметим, что сущностными признаками терроризма являются достижение политических целей и использование насилия.

Подходы к определению понятий «терроризм» и «международный терроризм»

Необходимо отметить, что при всей теоретической изученности терроризма и международного терроризма не существует единых, признанных учеными и практиками борьбы с терроризмом определений понятий «терроризм», «международный терроризм» [1; 10; 16].

В научной литературе обосновываются как предельно широкие определения данных явлений, так и предельно краткие, с включением определенных признаков терроризма. И безусловно, прав К. Ф. Загоруйко, отмечающий: «Проблемы широких определений в том, что чем определение шире, тем больше число террористов, с которыми необходимо бороться. Существование различных национальных и региональных определений терроризма, более или менее широких, делает международное сотрудничество проблематичным. В одних странах протесты и ненасильственные действия будут объявлены диктаторскими режимами “терроризмом”, а подобные действия в западных демократиях считаются легальными. Если все смогут договориться на узкое определение терроризма, под которое подпадут только самые худшие проявления политического насилия, то широкое международное сотрудничество станет вероятным» [2, с. 25].

Отсюда и вытекает необходимость рассмотреть дефиниции данных понятий через выявление именно сущностных признаков явления, которые различные авторы включают при его выявлении.

Так, В. В. Устинов отмечает «...терроризм целесообразно определить как намеренное использование насилия (или угрозу такового) в отношении преимущественно невоенных целей для психологического воздействия на гражданское население и достижения таким путем политических целей» [14, с. 23].

В данном определении терроризма присутствуют признаки явления — использование насилия, достижение политических целей. При этом отмечаются как цели и психологическое воздействие на гражданское население, и наличие политических целей. Психологическое воздействие в большей степени ведется на руководство страны, это оно находится под прессом общественного мнения от страхов населения. Соответственно, признак «достижения политических целей» является в данном определении сущностным.

В свою очередь, У. Ланкер утверждает, что терроризм есть «применение или угроза применения негосударственного насилия» [5, с. 83].

В данном определении присутствует один сущностный признак: негосударственное насилие. Без привязки его к политическим целям это признак уголовного насилия, и он не может определять такое явление, как терроризм.

Как систему определяет терроризм С. А. Ланцов, отмечая: «Терроризм можно определить как систему использования насилия для достижения политических целей посредством принуждения государственных органов, международных и национальных организаций, государственных и общественных деятелей, отдельных граждан или их групп к совершению тех или иных действий в пользу террористов....» [6, с. 4].

Автор обосновано включает в определение сущностной признак терроризма — «насилия для достижения политических целей», и в то же время оговаривает принуждение... в пользу террористов. Остается за содержанием определения политическая цель терроризма.

Интересное определение терроризма предлагает в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Д. А. Ковлагина, утверждая: «Терроризм — это идеологически мотивированное воздействие насильственного характера, прямо или непосредственно связанное с устрашением

населения, направленное на принятие решения или совершения действия (бездействия) органами государственной власти, органами местного самоуправления, международными организациями, социальной группой, юридическим или физическим лицом» [3, с. 11].

В данном определении терроризма присутствуют его основные сущностные признаки — насилие, а также, в широком понимании политической цели, влияние на органы государственной власти. Наравне с субъектами государственного управления вводятся и субъекты, не являющиеся представителями властных структур. Что позволит отнести к данному явлению и чисто уголовные преступления. Таким образом, в представленных определениях и во многих других, изученных, но не включенных в работу в силу экономии объема статьи, можно констатировать наличие в большей или меньшей степени двух признаков терроризма, что позволяет констатировать, что нелегальное насилие и политическая борьба и есть сущностные признаки терроризма.

Что, в свою очередь, позволяет предложить следующее краткое, с включением только сущностных признаков, определение терроризма: *«Терроризм — форма политической борьбы посредством нелегального насилия».*

Международный терроризм явление того же порядка, что и терроризм в рамках одной страны. Основным объектом международного терроризма, как правило, является отдельное государство. И целесообразно поддержать позицию авторов монографии «Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях», отмечающих, что «...основная цель любых террористических действий — достичь изменения политики посредством устрашающего воздействия на власть, отдельные группы населения не только своей страны, но и других стран, на представителей иностранных государств и международных организаций» [13, с. 86].

Именно государство подвергается атакам и со стороны международных террористических организаций. Избрав государство своим объектом воздействия, террористы начинают совершать свои преступления и в отношении других государств и международных организаций, которые, по их мнению, противодействуют им в достижении намеченных целей.

Существуют и другие мнения на этот счет. Так Н. А. Чернядьева отмечает: «Полагаем, что будет неверным считать, что международный терроризм есть прямое следствие развития терроризма внутреннего» [15, с. 5].

С этим утверждением согласиться трудно. Ибо, как показывает практика, терроризм как политическое явление возникает внутри конкретного государства, как способ политической борьбы за власть. Политическая организация предлагает свой путь выхода из определенной кризисной ситуации именно в конкретном государстве и, сталкиваясь с противодействием, переходит к радикальным формам борьбы.

В настоящее время в мире насчитывается более пятисот террористических формирований различной политической направленности, организованности, социальной базы. Наиболее боеспособные и активно действующие, запрещенные на территории России международные террористические организации: «Аль-Каида», «Исламское государство», «Джабхат ан-Нусра», «Исламское движение Узбекистана», «Движение Талибан», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»), «Союз исламского джихада», «Джунд аш-Шам» («Воины Великой Сирии»), «Братья мусульмане», «Таблиги Дмамаат»¹ и другие [4].

Посмотрим на историю возникновения некоторых из них, опираясь на материалы авторитетного справочника В. В. Красинского и В. В. Машко.

Так, одна из самых известных в мире, запрещенная на территории России международная террористическая организация «Аль-Каида» создавалась для активных действий на территории Афганистана, впоследствии ставит своей целью создание халифата [Там же, с. 7–16].

Еще одна из запрещенных на территории России международная террористическая организация «Джабхат ан-Нусра» создавалась и действует в Сирийской Арабской Республике, имея целью создание исламского государства [Там же, с. 39–49].

¹ Организации, деятельность которых в Российской Федерации запрещена.

В свою очередь, запрещенная на территории России международная террористическая организация «Исламское движение Узбекистана» создавалась для действий в Узбекистане, сейчас ставит целью «захват всех земель Азии, которыми раньше правили мусульмане» [4, с. 50–55].

И запрещенная на территории России международная террористическая организация «Движение Талибан» создавалась для действий на территории Афганистана, в настоящее время имеет целью создание «истинно исламского» государства в Афгано-Пакистанском регионе [Там же, с. 56–67].

Следующая запрещенная на территории России международная террористическая организация «Союз исламского джихада» создавалась для действий на территории Узбекистана, ставит своей целью создание теократического государства в Центральной Азии [Там же, с. 78–82].

Не выпадает из этого ряда и длительное время привлекавшая к себе наше внимание дерзким терроризмом, запрещенная на территории России международная террористическая организация «Исламское государство», ставя перед собой цель создания «Великого исламского халифата», имея своими истоками ситуацию в Ираке, как в отдельном государстве [Там же, с. 18–38].

Таким образом, можно обоснованно утверждать, что международный терроризм является развитием терроризма внутреннего, когда расширяются и территория (включается территория как минимум одного зарубежного государства), и цели (выход за рамки одной страны), и объекты воздействия (международные организации).

В научной литературе даются определения данного явления с опорой на различные сущностные признаки.

Так, в монографии «Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях» отмечается: «Международный терроризм — насильственные, идеологически обоснованные действия, игнорирующие нормы международного и национального права, общечеловеческой морали, направленные на дестабилизацию общественного строя в отдельных странах, международного порядка и международных отношений, достижение определенных целей и задач» [13, с. 180–181].

В данном определении условно присутствуют сущностные признаки международного терроризма: насилие, государство в качестве объекта атаки (политическая борьба) и международные отношения (два и более объекта). При этом не определены «определенные цели».

В свою очередь, А. Е. Михайлов утверждает: «Международный терроризм — совершаемое террористами одной или нескольких стран идеологически мотивированное насильственное воздействие на другие государства или международные организации в целях устрашения мирового сообщества (или) подрыва международного порядка, мира и безопасности, для достижения определенных политических, идеологических, национальных и социальных результатов» [9, с. 10].

Автор в данной дефиниции также опирается на определенные сущностные признаки международного терроризма в широкой их трактовке: насильственные действия, государства или международные организации в качестве объекта террористов. В данном случае указаны политические и другие результаты.

Рассматривая причины современного терроризма, Ю. М. Антонян справедливо отмечает, что это политическая борьба, опирающаяся на религиозное, национальное или националистическое движение и эксплуатирующая иррациональные, низменные побуждения самых отсталых слоев населения [12, с. 16].

Таким образом, можно отметить, что сущностными признаками международного терроризма, разделяющими это явление политической жизни от других ее явлений, выступают: нелегальное насилие, политическая борьба (цель — приход к власти или влияние на нее), государства, международные организации. При этом сущностью международного терроризма является политическая борьба за изменение общественно-политического устройства отдельных стран и мирового сообщества.

Что позволяет при определении международного терроризма посредством включения в содержание только сущностных его признаков с конкретизированным объектом воздействия предложить следующую дефиницию данного явления: *«Международный терроризм — форма политической борьбы посредством нелегального насилия в отношении нескольких государств или международных организаций».*

Борьба с терроризмом

Поскольку международный терроризм вовлекает в свою орбиту значительное количество стран мира, в повестке мирового политического процесса борьба с этим явлением занимает значительную позицию. Борьба с международным терроризмом должна и ведется во многих формах — от противодействия идеологии терроризма до жестких пресечений террористической деятельности со стороны спецслужб различных стран и объединенных усилий государств по военному отпору террористам.

В первую очередь для эффективной борьбы с терроризмом необходимо выбивать «почву» из-под ног террористов. И абсолютно прав В. Е. Петрищев, отмечая: «Террористы — это реальные люди, действующие в реальном мире. В этой связи невозможно эффективно бороться с терроризмом, не изучив и не поняв причин политического и социального недовольства, вызванного факторами окружающей среды, приводящими в конечном итоге к терроризму» [10, с. 71].

И это означает, что необходимо менять формат политической борьбы внутри стран, где остро стоит проблема терроризма. В легальную сферу политики можно и нужно допускать оппозиционные движения. Получив возможность ведения открытой политической борьбы, у многих политических движений отпадет необходимость в радикализации своих действий.

Безусловно, эффективной борьбе с терроризмом будут предшествовать и изменения в социальных отношениях во многих странах. Сокращение доли бедного населения, обеспечения для всего населения социальных лифтов, доступность качественной медицины и качественного образования, — все это призвано обеспечить поддержку со стороны широких слоев населения данного общественно-политического устройства, а следовательно, сократит или вовсе сведет на нет социальную базу терроризма.

И в этом отношении нельзя не разделять высказывание У. Р. Мида, который, размышляя о будущем американской внешней политики, отмечает: «Если нам не удастся построить такую социально-политическую систему, которая удовлетворяла бы потребностям большей части населения мира, террористы продолжают набирать себе новых союзников...» [8, с. 157].

Таким образом, при безусловной необходимости ведения борьбы с терроризмом всеми способами наиболее эффективными будут являться социальное маневрирование и политическая позиция государства по возможности включения оппозиции в политический процесс.

Есть ли в мировой практике примеры успешной борьбы с терроризмом? Да, безусловно, но именно там и тогда, где и когда руководство страны, понимая политическую сущность терроризма, устанавливало контакт с политическими структурами террористических организаций и путем переговоров снимало остроту противоречий, выбивая почву из-под ног террористов.

Так поступили в Великобритании, где Ирландская республиканская армия (ИРА), являвшаяся военизированным крылом политической партии «Шинн Фейн», в результате длительных многолетних переговоров прекратила террористическую деятельность. Стороны конфликта перешли к политическому его решению. Выиграли от этого все — и католики, которые являлись опорой ИРА, и протестантская часть населения Северной Ирландии.

Этим же путем пошло правительство Испании, решая многолетний баскский конфликт, в котором противостояли Испания и баскские сепаратисты, пытаясь добиться независимости Страны Басков от Испании и Франции. Сторону сепаратистов представляла террористическая организация ЭТА (ETA — Euzkadi Ta Azkatasuna, на баскском языке означает «Родина и свобода»). В результате совместной деятельности и правительства Испании, и сепаратистов конфликт завершился. Страна Басков получила широкую автономию. Вопрос о ее выходе из состава Испании снят с политической повестки страны.

Заключение

В настоящее время терроризм и международный терроризм превратились в явления, оказывающие значительное влияние на политические национальные, региональные и мировой политические процессы. Борьба с данными явлениями стала обыденным делом, отвлекая огромные ресурсы у мирового сообщества — экономические, политические, людские.

Изжитие негативных социальных факторов, приводящих к терроризму, снижение остроты политических конфликтов в различных регионах планеты, включение оппозиции в политическую жизнь как равноправных партнеров, дискредитация идеологии терроризма приведет к сужению его социальной и политической базы.

Вычленение сущностных признаков терроризма и международного терроризма позволяет выработать и приемлемое для исследователей и практиков определение понятий «терроризм», «международный терроризм», что, в свою очередь, позволит конкретизировать направления борьбы с этим неприемлемым для XXI в. политическим явлением.

Литература

1. Борьба с терроризмом: новые вызов и угрозы / под общ. ред. В. В. Меркурьева. Университет прокуратуры Российской Федерации. М. : Проспект, 2019. 680 с.
2. Загоруйко К. Ф. Международный терроризм: поиски его правового определения; формы и способы борьбы с ним // Международный терроризм и право: современные зарубежные исследования / отв. ред. Е. В. Алферова. РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. М., 2017. 195 с.
3. Ковлагина Д. А. Информационный терроризм: понятие, уголовно-правовые и иные меры противодействия : дисс. ... канд. юр. наук / Саратовская государственная юридическая академия. Саратов, 2016. 270 с.
4. Красинский В. В., Машко В. В. Кто есть кто в международном терроризме : справочник. М. : ИНФРА-М, 2019. 128 с.
5. Ланкер У. Терроризм эпохи постмодернизма // США — экономика, политика, идеология. 1997. № 2. С. 82–93.
6. Ланцов С. А. Террор и террористы : словарь. СПб. : Изд-во СПб ун-та. 2004. 187 с.
7. Международный терроризм и право: современные зарубежные исследования / отв. ред. Е. В. Алферова. РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. М., 2017. 195 с.
8. Мид У. Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска. М. : Прогресс-Традиция, 2006. 2008 с.
9. Михайлов А. Е. Проблемы понимания международного терроризма: общетеоретический аспект. М. : Прометей, 2019. 120 с.
10. Петрищев В. Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию. М. : Красанд, 2018. 464 с.
11. Сидоренко А. Г., Тихомиров Ю. В. Терроризм и антитеррористическая деятельность в контексте истории и современной геополитики. М. : Кучково поле, 2011. 640 с.
12. Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. М. : Наука, 2002. 170 с.
13. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 479 с.
14. Устинов В. В. Россия: 10 лет борьбы с международным терроризмом. М. : ЗАО «Олма Медиа Групп». 2008. 544 с.
15. Чернядьева Н. А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия. М. : Проспект. 2020. 336 с.
16. Яковлев А. Ю. И вновь о терроризме: еще одна попытка найти его дефиницию // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 4. С. 118–130.

Об авторах:

Юлия Владимировна Берладир, начальник группы анализа обстановки отдела ситуационного анализа, мониторинга угроз и подготовки проектов решений Антитеррористического центра государств — участников СНГ (Москва, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; berladir77@yandex.ru

Игорь Константинович Харичкин, профессор кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета (Москва, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; harichkin@starlink.ru

References

1. The Fight Against Terrorism: New Challenges and Threats / ed. by V. V. Merkuryev. University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow : Prospect, 2019. 680 p. (In Rus.)
2. Zagoruiko K. F. International Terrorism: The Search for Its Legal Definition; Forms and Methods of Combating It // International Terrorism and Law: Modern Foreign Studies [Mezhdunarodnyi terrorizm i pravo: sovremennye zarubezhnye issledovaniya] / ed. by E. V. Alferova. RAS. INION. The Center of Social. Scientific.-inform. Research. Moscow. 2017. 195 p. (In Rus.)
3. Kovlagina D. A. Information Terrorism: The Concept, Criminal Law and Other Counteraction Measures : diss. ... PhD in Science (Jurisprudence) / Saratov State Law Academy. Saratov, 2016. 270 p. (In Rus.)
4. Krasinsky V. V., Mashko V. V. Who Is Who in International Terrorism : Handbook. Moscow : INFRA-M, 2019. 128 p. (In Rus.)
5. Lanker U. Terrorism of the Postmodernism Era // USA — Economics, Politics, Ideology [SShA — ekonomika, politika, ideologiya]. 1997. No. 2. P. 82–93. (In Rus.)
6. Lantsov S. A. Terror and Terrorists : dictionary. Saint Petersburg : Publishing House of St. Petersburg University. 2004. 187 p. (In Rus.)
7. International Terrorism and Law: Modern Foreign Studies / ed. by E. V. Alferova. RAS. INION. The Center of Social. Scientific.-inform. Research. Moscow. 2017. 195 p. (In Rus.)
8. Mead W. R. Power, Terror, Peace and War. America's Grand Strategy in a Risk Society. Moscow : Progress-Tradition, 2006. 2008 p. (In Rus.)
9. Mikhailov A. E. Problems of Understanding International Terrorism: A General Theoretical Aspect. Moscow : Prometheus, 2019. 120 p. (In Rus.)
10. Petrishchev V. E. What is Terrorism, or an Introduction to Terrorology. Moscow : Krasand, 2018. 464 p. (In Rus.)
11. Sidorenko A. G., Tikhomirov V. Terrorism and Counterterrorism Operations in the Context of History and Modern Geopolitics. Moscow : Kuchkovo pole, 2011. 640 p. (In Rus.)
12. Social and Psychological Problems of the Fight Against International Terrorism. Moscow : Nauka, 2002. 170 p. (In Rus.)
13. Terrorism in Historical Perspective and Current Conditions. Moscow : YUNITI-DANA, 2019. 479 p. (In Rus.)
14. Ustinov V. Russia: 10 Years of Struggle Against International Terrorism. Moscow : CJSC "Olma Media Group". 2008. 544 p. (In Rus.)
15. Chernyadyeva N. A. International Terrorism: Origin, Evolution, Topical Issues of Legal Counteraction. Moscow : Prospect. 2020. 336 p. (In Rus.)
16. Yakovlev A. Yu. And again about Terrorism: Another Attempt to Find Its Definition // Socio-humanitarian Knowledge [Sotsial'no-gumanitarnye znaniya]. 2012. No. 4. P. 118–130. (In Rus.)

About the authors:

Julia V. Berladir, Head of the Situation Analysis Group of the Department of Situational Analysis, Threat Monitoring and Preparation of Draft Solutions at the Commonwealth of Independent States Anti-Terrorism Center (Moscow, Russian Federation), PhD of Law, Associate Professor; berladir77@yandex.ru

Igor K. Kharichkin, Professor, Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Professor; harichkin@starlink.ru

Арктическая стратегия России в Большом Евразийском партнерстве¹

Кефели И. Ф.^{*}, Николаенко А. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *geokefeli@mail.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование посвящено роли Арктической стратегии России в Большом Евразийском партнерстве.

Цель. Выявить особенности Арктической стратегии России в Большом Евразийском партнерстве.

Задачи. Выработка принципов геополитического прогнозирования и работы с большими данными с целью синхронизации противоречивых по своей природе и интересам акторов интеграционных процессов в Большой Евразии, выявление особенностей геополитической регионализации Евразии, анализ аналитики глобальной безопасности Большого Евразийского партнерства в наступившей «цифровой эпохе».

Методология. Переход от «аналоговой» к «цифровой эпохе» в начале XXI в. означал по своей сути революцию в самих данных, что было связано с появлением их нового качества — прогностического. Методология исследования и прогнозирования перспектив евразийской интеграции — моделирование многоагентного взаимодействия геополитических акторов коалиций на основе математической теории игр. Стратегия перехода к полицентричному мироустройству предполагает необходимость перехода от «геополитической беллетристики» к геополитике, основанной на математическом моделировании процессов глобальной геополитики методами теории игр.

Результаты. Геополитическая регионализация Евразии — вызов времени. На просторах евразийского континента все более четко вырисовываются несколько разноформатных долгосрочных «евразийских проектов». Это, во-первых, Евразийский экономический союз, во-вторых, китайский «Один пояс — один путь» и, в-третьих, «Индо-Пацифика». Российская Арктика — регион Большого Евразийского партнерства. Задачи современной арктической политики России ориентированы на приоритетное обеспечение роста сырьевого экспорта и индустриального развития территорий Арктики, нежели на решение задач повышения качества жизни местного населения, хотя в российской Арктической стратегии до 2035 г. эти задачи сформулированы достаточно корректно.

Выводы. Аналитика евразийского партнерства и формулировка экспертных оценок должны формироваться на основе не только политологического дискурса, но и точных наук. В современных условиях разработка сценарных проектов построения Большого Евразийского партнерства (требующих, в свою очередь, самостоятельной теоретико-методологической проработки), включающего «Большую Арктику», предполагает в полной мере использовать аппарат математической геополитики (теория игр), сценарное моделирование и технологии больших данных.

Ключевые слова: Большая Евразия, Большое Евразийское партнерство, Российская Арктика, геополитика, сценарное моделирование, большие данные, прогнозирование

Для цитирования: Кефели И. Ф., Николаенко А. В. Арктическая стратегия России в Большом Евразийском партнерстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 109–121.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

Russia's Arctic Strategy in the Greater Eurasian Partnership

Igor F. Kefeli*, Anastasia V. Nikolaenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; *geokefeli@mail.ru

ABSTRACT

This study focuses on the role of the Arctic Strategy of Russia in the Great Eurasian Partnership.

Aim. The study aims to identify the features of the Arctic Strategy of Russia in the Great Eurasian Partnership.

Tasks. The development of principles of geopolitical forecasting and work with big data, with the aim of synchronizing the integration processes contradictory in nature and interests of the actors in Greater Eurasia, identifying the features of the geopolitical regionalization of Eurasia, and analyzing the global security analytics of the Great Eurasian Partnership in the coming "digital era".

Methods. The transition from the "analog" to the "digital era" at the beginning of the 21st century meant an essentially revolution in the data itself, which was associated with the emergence of their new quality — predictive. The methodology for research and forecasting the prospects of Eurasian integration is modeling the multi-agent interaction of geopolitical factors of coalitions based on mathematical game theory. The strategy of transition to a polycentric world order implies the need to move from "geopolitical fiction" to geopolitics, based on mathematical modeling of global geopolitics processes using game theory methods.

Results. The geopolitical regionalization of Eurasia is a challenge to time. On the expanses of the Eurasian continent, several multi-format long-term "Eurasian projects" are increasingly clearly emerging. This is, firstly, the Eurasian Economic Union, secondly, the Chinese One Belt-One Way and, thirdly, Indo-Pacific. The Russian Arctic is a region of the Great Eurasian Partnership. The tasks of the modern Arctic policy of Russia are focused on ensuring the priority growth of raw materials exports and industrial development of the Arctic territories, rather than on solving the problems of improving the quality of life of the local population, although in the Russian Arctic strategy until 2035 these tasks are formulated quite correctly.

Conclusion. The analytics of the Eurasian partnership and the wording of expert assessments should be formed on the basis not only of political discourse, but also of exact sciences. In modern conditions, the development of scenario projects for the construction of the Great Eurasian Partnership, which includes the Greater Arctic (which, in turn, require an independent theoretical and methodological study), involves the full use of the apparatus of mathematical geopolitics (game theory), scenario modeling and big data technologies.

Keywords: Greater Eurasia, Great Eurasian Partnership, Russian Arctic, geopolitics, scenario modeling, big data, forecasting

For citing: Kefeli I. F., Nikolaenko A. V. Russia's Arctic Strategy in the Greater Eurasian Partnership // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 109–121.

Введение

«Евразийство, — заявил в одном из своих выступлений еще в 2012 г. В. Путин, — традиция нашей политической мысли. Оно в России укоренилось давно, а сейчас приобретает совершенно новое звучание, особенно в связи с интенсификацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве. И более того, из области политической философии это уже фактически перекочевало в политическую плоскость, в повестку дня текущей работы. Более того, мне кажется, что евразийство нужно поставить просто на серьезную системную основу»¹.

¹ Путин В. Стенограмма выступления на встрече с активом партии «Единая Россия». Москва. 24.04.2012 (цит. по: [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/2136> (дата обращения: 25.10.2021)).

Евразийство стало знаменем времени, флагом надежды на возрождении России как великой державы и одного из центров многополярного мироустройства. В конкретно научном, философско-методологическом и политическом дискурсе в широкий оборот вошли понятия Большой Евразии, Большого Евразийского партнерства, евразийской цивилизации, интеграции интеграций и ряда других, которые выражают достаточно большой разброс направлений методологически ориентированной рефлексии, научного поиска, аналитики, политических решений, прогнозов и экономических шагов в будущее. Признавался же Президент Российского совета по международным делам И. С. Иванов в том, что «контуры Большой Евразии пока остаются зыбкими и во многих отношениях неясными, нельзя не видеть объективный и долговременный характер процессов становления новой транснациональной экономической и политической конструкции. Евроатлантика и Евразия оформляются как новые центры глобального притяжения, а отношения между ними превращаются в главную ось мировой политики будущего»¹. Подобное настроение повторилось и в двух недавних выступлениях Постоянного представителя Российской Федерации при Европейском союзе В. А. Чижова. Так, в докладе «Мировой (бес)порядок и европейская (не)безопасность» на конференции «Глобальный (бес)порядок: на пути к мировоззрениям, основанным на диалоге» в рамках 17-го Родосского форума «Диалог цивилизаций» (2019 г.) он напомнил участникам конференции, что единственный путь для того, чтобы «Евросоюз уже в этом веке не превратился в захудалый „задний двор“ мировой экономики и политики — это объединение Европы или даже Евразии от Лиссабона до Владивостока... Что же касается более общего „рецепта“ объединения Евразии, то он... уместается в простое словосочетание — интеграция интеграций... На мой взгляд, трудно поспорить с тем, что только „Большая Евразия“ с ее смычкой инвестиционно-технологического потенциала ЕС и ресурсной базы России и ее партнеров по ЕАЭС сможет составить здоровую конкуренцию бурно развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР)... Очевидно, что и в плане обеспечения безопасности в нашем общем европейском „доме“ друг без друга нам не обойтись»². Вот пример достаточно четкого и недвусмысленного позиционирования России в глобальной геополитике. Правда, два года спустя оптимистичная риторика Чижова сменилась весьма пессимистичным выступлением на ПМЭФ-2021 в Санкт-Петербурге: «С сожалением, вынужден констатировать, что отношения России с Евросоюзом находятся сейчас в ненормальном, даже, не буду кривить душой, плачевном состоянии. Более того, они продолжают развиваться по негативному сценарию... Создается ощущение, что в Брюсселе взяли в корне неверный курс на геополитическую конфронтацию со своим крупнейшим восточным соседом... [и все же] мы — части одной культурно-исторической общности, два столпа единой евразийской цивилизации»³.

В настоящее время разработка проектов преобразования евразийского пространства (условно говоря, «сухопутной» Большой Евразии) и «Большой Арктики» — все 27 млн км² Арктики как единого физико-географического района Земли, охватывающего подводную окраину Евразии (в т. ч. Арктическую зону Российской Федерации) и Северный Ледовитый океан, — проходит «по разным ведомствам». Очевидно, на горизонте Большого Евразийского партнерства в скором времени проявятся контуры проектов устойчивого развития единого жизненного пространства.

Геополитическая регионализация Евразии — вызов времени

На Евразийском континенте происходит интенсивный процесс создания региональных объединений, охватывающих государства различных масштабов экономического могущества, территориального

¹ Иванов И. С. Закат Большой Европы // Материалы XX ежегодной Конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия — новая реальность», 12 сентября 2015 г., Рига, Латвия [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Zakat-Bolshoi-Evropy-17680> (дата обращения: 30.09.2019).

² Чижов В. А. Мировой (бес)порядок и европейская (не)безопасность : доклад на конференции «Глобальный беспорядок. Путь к мировоззрению на основе диалога» в рамках 17-го Родосского форума «Диалог цивилизаций». 14.10.2019 [Электронный ресурс] // Сайт Постоянного представительства Российской Федерации при Европейском союзе. URL: <https://russiaeu.ru/ru/vystuplenie-vachizhova-na-konferencii-globalnyy-besporjadok-put-k-mirovozzreniyu-na-osnove-dialoga> (дата обращения: 14.10.2019).

³ Выступление В. А. Чижова на сессии ПМЭФ'21 «Отношения Россия — ЕС: отвечая на вызовы времени». 13.06.2021 [Электронный ресурс] // Сайт Постоянного представительства Российской Федерации при Европейском союзе. URL: <https://russiaeu.ru/ru/vystuplenie-postoyannogo-predstavitelya-rossii-pri-evrosoyuzhe-vachizhova-na-sessii-pmef21> (дата обращения: 20.06.2021).

местонахождения, численности населения и других показателей геополитического, геоэкономического и геокультурного характера, — СНГ, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ и др. Россия изначально ориентировалась на сотрудничество в сфере безопасности и сближению ОДКБ с ШОС (в 2007 г. между этими организациями был подписан Меморандум о взаимопонимании). Для Китая ШОС изначально представлял инструмент экономического взаимодействия со странами евразийского континента, как правило на двусторонней основе, и условие для создания зон свободной торговли. ШОС и в настоящее время остается интеррегиональной организацией, объединяющей государства Евразии и Северо-Восточной и (в перспективе — также Южной Азии и Ближнего Востока), а потому знаменует рождение нового трансевразийского региона. Эффективность взаимодействия указанных объединений наглядно может прослеживаться на примере последних событий в Афганистане. Так, С. В. Лавров, выступая 27 октября 2021 г. на встрече в формате стран — соседей Афганистана (Россия, Китай, Иран, Пакистан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), указал на то, что Россия призывает соседей Афганистана «не допустить военного присутствия на своей территории сил США и НАТО, которые планируют переместиться туда после ухода с афганской земли»¹.

Конфигурация Большого Евразийского партнерства, по оценке экспертов клуба «Валдай», — это «нацеленная на десятилетия вперед концептуальная рамка геополитического, геоэкономического и геоидеологического мышления, задающая вектор взаимодействия государств континента. Оно должно быть нацелено на совместное экономическое, политическое, культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частью отсталых или подавлявшихся евро-азиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики и политики» [5, с. 28].

Другим примером может служить представленная на VI Восточном экономическом форуме «Новые возможности Дальнего Востока в меняющемся мире» (Владивосток, 2–4 сентября 2021 г.) презентация Фондом «Росконгресс» концептуального документа «Декларации делового сотрудничества в Большой Евразии», призванного объединить предпринимателей континента от Лиссабона до Владивостока, Шанхая, Джакарты и Ченнаи и призывающего:

- «содействовать формированию общего экономического пространства со свободным движением товаров, услуг, капиталов и людей, упразднению нетарифных барьеров, сертификации товаров и услуг;
- участвовать в развитии на евразийском пространстве современной транспортной и энергетической инфраструктуры, содействовать формированию новых стоимостных цепочек и экономических коридоров вдоль транспортных коммуникаций;
- прикладывать существенные усилия в целях создания общего цифрового пространства;
- налаживать устойчивые прямые связи и развивать диалог между предпринимательскими кругами государств Евразии;
- стимулировать расширение информационного обмена и взаимного общения между бизнесменами различных стран, в том числе путем проведения совместных бизнес-форумов, семинаров, конференций, выставок, ярмарок и т. п.;
- объединить усилия представителей аналитического сообщества по разработке прогнозных оценок, средне- и долгосрочных проектов организации деловой активности бизнеса как основы деятельности Большого Евразийского партнерства» [2, с. 10].

На просторах евразийского континента все более четко вырисовываются несколько разноформатных долгосрочных «евразийских проектов». Это, во-первых, Евразийский экономический союз, во-вторых, китайский «Один пояс — один путь» и, в-третьих, «Индо-Пацифика» (Indo-Pacific Concept). На площадке 75-й сессии Генеральной ассамблеи ООН (2020 г.) Президент России В. Путин вновь выступил с предложением Большого Евразийского партнерства, указав на то, что «интеграция интеграций заложена в российскую инициативу по формированию Большого Евразийского партнерства с участием всех

¹ Выступление С. В. Лаврова на встрече в формате стран — соседей Афганистана (Россия, Китай, Иран, Пакистан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан). 27.10.2021 [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/32247> (дата обращения: 15.11.2021).

без исключения стран Азии и Европы»¹. Российскую инициативу Большого Евразийского партнерства следует рассматривать как сильный ход нашего государства, уверенно возвращающегося в строй великих сверхдержав. Время покажет, каков будет отклик.

Международное партнерство, прежде всего, следует рассматривать как атрибутивный элемент устойчивого развития мирового сообщества и как продукт глобализации. Кстати говоря, еще 15 ноября 2020 г. 15 азиатских стран в ходе виртуальной церемонии подписали соглашение о Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП, Regional Comprehensive Economic Partnership — RCEP), которое в настоящее время представляет собой глобальное многостороннее торговое соглашение (около 30% мирового населения, 30% мирового валового внутреннего продукта и 30% мировой торговли), ориентированное на поддержание устойчивых торгово-экономических связей в мегарегионе. Правда, еще в 2019 г. из ВРЭП вышла Индия, мотивируя это неизбежным засильем китайского импорта. Некоторые эксперты высказывают опасения, полагая это партнерство как необходимое звено структуры нового мирового порядка, в котором Китай распространит свою главенствующую роль на всю Азию. Но все-таки участники ВРЭП надеются охватить воедино различные соглашения о свободе торговли между десятью странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и, с другой стороны, с другими странами АТР — Китаем, Японией, Республикой Корея, Австралией и Новой Зеландией.

Так была создана крупнейшая в мире зона свободной торговли. В связи с этим невольно возникает вопрос о том, каков состав участников и какая идея закладывается в анонсированное Большое Евразийское партнерство от Лиссабона до Владивостока. Вполне вероятно, «внутренними» партнерами могут стать государства — члены СНГ и ЕАЭС, а «внешними» — Европейский союз. Объединительным интересом для участников партнерства станут в первую очередь транспортная инфраструктура, глобальная и региональная безопасность (в т. ч. включая акватории морей Атлантического, Северного Ледовитого и Тихого океанов).

Однако иницируемый США проект «Индо-Пацифика» (Индо-Тихоокеанский регион, ИТР) нацелен на конструирование Евразии по ее внешнему контуру на основе сотрудничества «морских» держав Южной и Юго-Восточной Азии, а также островных тихоокеанских государств (от Японии до Новой Зеландии) для обеспечения политического и военно-стратегического сдерживания Китая. Как известно, право «первооткрывателей» геополитической Индо-Пацифики принадлежало индийским и японским стратегам, обосновывавшим целесообразность укрепления двустороннего индийско-японского сотрудничества. В 2007 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ, выступая в индийском парламенте, призывал создать «дугу свободы и благосостояния» по внешнему контуру евразийского континента. Индийско-японское партнерство, по заверению Абэ, должно строиться «на общих ценностях, таких как свобода, демократия и уважение к основополагающим правам человека, а также стратегических интересах»². Кстати говоря, в то же время, в 2007 г., геостратегическая концепция «Индо-Пацифики» была представлена в статье индийского аналитика Гурприта Кхураны, который заявил, что для Индии безопасность морских путей имеет все большее значение, поскольку почти вся ее внешняя торговля — в том числе импорт энергоресурсов — идет по морю. В подобной ситуации находится и Япония, а потому интересы двух стран будут все больше сближаться, что приведет к созданию особого политического и экономического сообщества, объединяющего два океана. Идея «Индо-Пацифики» сразу же получила признание в Индии, поскольку понятие «Азиатско-Тихоокеанский регион» индийцев категорически не устраивало³. Более глубокие исследования, относящиеся к зарождению идеи «Индо-Пацифики», напоминают нам разработанную К. Хаусхофером еще в 30-х гг. XX в. концепцию Индо-Тихоокеанского региона как геополитического пространства и «индо-тихоокеанского» изменения международного порядка [12].

¹ Владимир Путин выступил с видеообращением на пленарном заседании юбилейной, 75-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. 22.09.2020 [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64074> (дата обращения: 15.11.2021).

² Синдзо Абэ. Слияние двух морей [Электронный ресурс] // Заявление премьер-министра Японии в парламенте Республики Индия. 22.08.2007. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html> (дата обращения: 15.10.2021).

³ Gurpreet S. Khurana. The 'Indo-Pacific' Concept: Retrospect and Prospect [Электронный ресурс] // National Maritime Foundation. 02.02.2017. URL: <https://maritimeindia.org/indopacific/> (дата обращения: 15.10.2021).

Хотя концепция Индо-Пацифики пока остается весьма аморфной, все же необходимо учитывать тот факт, что Индийский и западная часть Тихого океанов омывают азиатский берег Евразии, в том числе российское Приморье. В этом виде ИТР не противостоит, а дополняет один из самых амбициозных российских внешнеполитических конструктов — проект Большой Евразии. «Индо-Пацифика» расширяет пространство Большой Евразии на юго-восток, помогая растянуть ее до Австралии и Новой Зеландии, и добавляет дополнительные торговые пути, которые увеличивают связность региона. Более того, по заверению А. Куприянова, «Индо-Пацифика» для российского Дальнего Востока — условие глобальных перспектив, в т. ч. связанных с продвижением в Азию ресурсов Арктики. Уникальное геополитическое положение на стыке моря и суши, Большой Евразии и «Индо-Пацифики» — то, что способно придать новый импульс развитию Дальнего Востока России. В сложившихся условиях России жизненно необходима собственная концепция Индо-Тихоокеанского региона, в которой Дальний Восток рассматривался бы как особый регион, инвестиционно привлекательный прежде всего для стран ИТР, в первую очередь для государств АСЕАН и Индии¹. Министр иностранных дел С. Лавров, выступая в Дели на международной конференции «Диалог Райсина», вспомнил среди многих великих людей, продвигавших идею единого и конкурентоспособного евразийского континента в глобальном мире, Ш. де Голля, который представлял свое видение Европы от Атлантического океана до Уральских гор. «Затем идея была расширена — от Лиссабона до Владивостока. Мне кажется, что сейчас мы можем констатировать, что, говоря о Евразии, имеем в виду пространство от Лиссабона до Джакарты»². В создаваемую концепцию Большого Евразийского партнерства следует, и это очевидно, включить наработки как по «Индо-Пацифике» (с учетом предложенных Р. Мэйнингом сценариев будущего ИТР [9]), так и по китайскому проекту «Один пояс — один путь». В таком случае Большое Евразийское партнерство следует рассматривать как теоретический конструкт и геополитический проект. Сегодня на просторах евразийского континента все более четко вырисовываются несколько разноформатных долгосрочных «евразийских проектов». Это, во-первых, Евразийский экономический союз, во-вторых, китайский «Один пояс — один путь» и, в-третьих, «Индо-Пацифика» (Indo-Pacific Concept). Вполне вероятно, «внутренними» партнерами могут стать государства — члены СНГ и ЕАЭС, а «внешними» — Европейский союз, а объединительным интересом для участников партнерства станут в первую очередь транспортная инфраструктура, глобальная и региональная безопасность (в т. ч. включая акватории морей Атлантического, Северного Ледовитого и Тихого океанов) [7, с. 33–47].

Аналитика глобальной безопасности Большого Евразийского партнерства в наступившей «цифровой эпохе»

Переход от «аналоговой» к «цифровой эпохе» в начале XXI в. означал по своей сути революцию в самих данных, что было связано с появлением их нового качества — прогностического (прежде им были присущи оцифровка аналоговых данных и статистическая обработка различных сведений). Основная проблема обеспечения глобальной безопасности в условиях наступающего «цифрового мира» заключается даже не в количественном росте больших данных, хотя этот стремительный рост не только поражает наше воображение, но и включает в себе огромный потенциал возможностей в создании новых знаний, а в том, что они привносят в нашу жизнь радикальные качественные изменения. Мир больших данных вносит существенные изменения в науку и образование, здравоохранение и жизненный мир людей, в государственное управление и бизнес. Количество переходит в новое качество, каковым являются возможности прогнозирования как одной из важнейших составляющих аналитической деятельности применительно, в частности, к создаваемой глобальной модели Большого Евразийского партнерства. Разумеется, акцент на приоритете прогнозной аналитики

¹ Куприянов А. Индо-Пацифика и Россия: не упустить свой шанс [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 14.11.2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indo-patsifika-rossiya/> (дата обращения: 15.10.2021).

² Выступление С. В. Лаврова на пленарной сессии Международной конференции «Диалог Райсина». 15.01.2020. Нью-Дели [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/skNonkJE02Bw/content/id/3994885 (дата обращения: 15.10.2021).

вывает к необходимости переосмыслить во многом сам феномен глобальной безопасности, динамика роста больших данных о которой четко коррелирует с социально-экономическими трендами, характеризующими становление антропоцена [6].

Методология исследования и прогнозирования перспектив евразийской интеграции — моделирование многоагентного взаимодействия геополитических акторов коалиций на основе математической теории игр. Стратегия перехода к полицентричному мироустройству предполагает необходимость перехода от «геополитической беллетристики» к геополитике, основанной на математическом моделировании процессов глобальной геополитики методами теории игр и на кондратьевских циклах глобального развития.

Российская Арктика — регион Большого Евразийского партнерства

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (в редакции от 27.06.2017 № 287) в Арктический регион России включены сухопутные территории:

- Мурманской области;
- Ненецкого, Чукотского и Ямало-Ненецкого автономных округов;
- муниципальных образований «Беломорский муниципальный район», «Лоухский муниципальный район» и «Кемский муниципальный район» (Республика Карелия);
- муниципального образования городского округа «Воркута» (Республика Коми);
- Аллаиховского улуса (района), Анабарского национального (Долгано-Эвенкийского) улуса (района), Булунского улуса (района), Нижнеколымского района, Усть-Янского улуса (района) (Республика Саха (Якутия));
- городского округа города Норильска, Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, Туруханского района (Красноярский край);
- муниципальных образований «Город Архангельск», «Мезенский муниципальный район», «Новая Земля», «Город Новодвинск», «Онежский муниципальный район», «Приморский муниципальный район», «Северодвинск» (Архангельская область);
- земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в Постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и других актах СССР.

Следует обратить внимание на то, что территории указанных выше муниципальных образований указаны в границах по состоянию на 1 мая 2017 г.¹ Из указанного выше следует, что осуществлять геополитическую экспертизу Арктической зоны России необходимо, опираясь на анализ природно-ресурсных, транспортно-логистических, экономических, демографических и социокультурных характеристик перечисленных выше территорий. Для наглядности часть исходных характеристик представлена на рис. 1 и рис. 2.

Долгосрочные проекты преобразования Российской Арктики (как и Дальнего Востока) необходимо вовлекать в полной мере в стратегические планы реализации Большого Евразийского партнерства. Большая Евразия — это не только пространства суши, но и территориальных вод морских держав, где реализуются проекты «Один пояс — один путь», «Север — Юг» (который, кстати, органично дополняет проект «Севморпуть»), «Цифровая Арктика» и многие другие. В данном случае вполне уместным является замечание О. М. Гизатуллиной относительно того, что Российская Федерация, выступая в роли *евразийского морского государства*, имеет все предпосылки для использования экономического потенциала своих арктических регионов в части оптимизации логистических затрат и диверсификации источников доходов в случае участия в международных арктических проектах, причем лишь

¹ О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации (в редакции от 27.06.2017 № 287) [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38377> (дата обращения: 15.10.2021).

«сбалансированное развитие промышленно-производственного потенциала региона при широкой государственной поддержке в совокупности с учетом ключевых рисков социально-экономического и природно-экологического характера создаст необходимую базу для оптимизации логистических затрат в Арктической зоне Российской Федерации» [3, с. 278]. Даже несмотря на оптимистичную информацию, предлагаемую разработчиками Сколтеха [10], все же справедливыми остаются те замечания к разрабатываемым проектам, стратегиям и конкретным финансовым вложениям, которые касаются проблем жизненного мироустройства людей. Понятно, что мы только начинаем восстанавливать и приумножать «советское наследие», утраченное в 1990-х гг. (по заверению В. Н. Лексина и Б. Н. Порфирьева, «более 90% в той или иной степени используемого в настоящее время экономического и инфраструктурного потенциала Арктического макрорегиона было создано в течение периода ...советского [социалистического] освоения» [8]). А это сказывается на том, что задачи современной арктической политики России ориентированы на приоритетное обеспечение роста сырьевого экспорта и индустриального развития территорий Арктики, нежели на решение задач повышения качества жизни местного населения, хотя в российской Арктической стратегии до 2035 г. эти задачи сформулированы достаточно корректно. И все же мероприятия, обозначенные в программных документах, нацелены, главным образом, на обслуживание предприятий экспортно-ориентированных отраслей промышленности и не предполагают столь же интенсивного развития социально-значимой транспортной инфраструктуры, обеспечивающей обслуживание населения [1; 11].

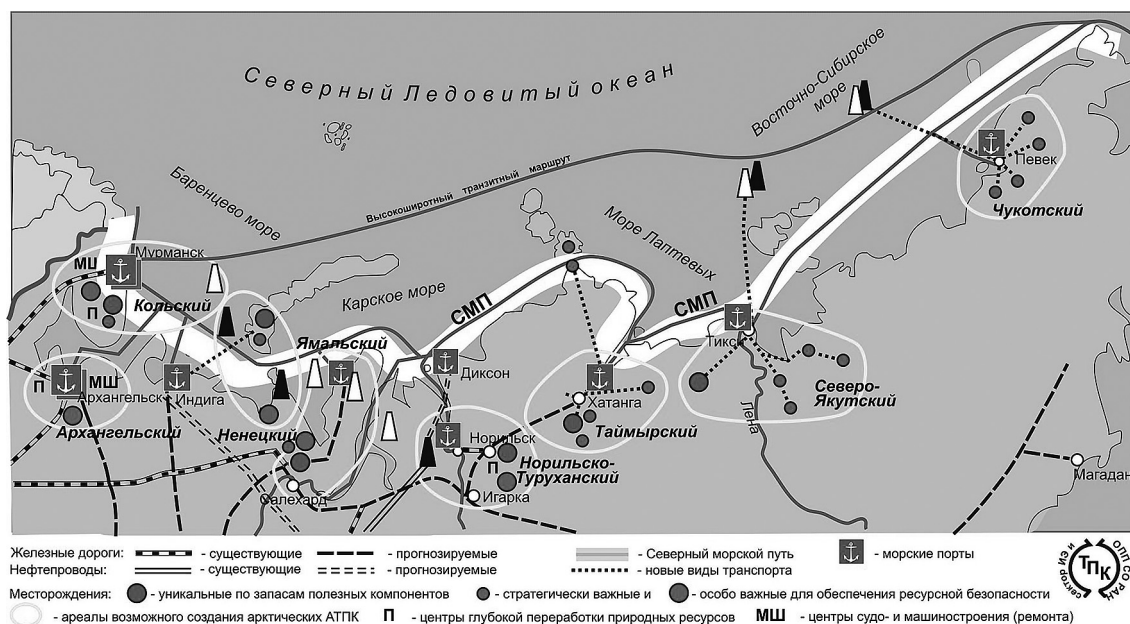

Рис. 1. Арктическая зона Российской Федерации

Fig. 1. Arctic zone of the Russian Federation

Источник: [Электронный ресурс]. URL: https://ds02.infourok.ru/uploads/ex/0991/00083368-7950704b/1/hello_html_1fa5bdea.jpg

(дата обращения: 15.10.2021)

Обзорная схема прогнозируемых Арктических акваториально-производственных комплексов (АТПК)

Рис. 2. Прогнозируемые акваториально-производственные комплексы

Fig. 2. Projected aquaterritorial production complexes

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/76764-sevmorput-osilit-iduschiy.html>

(дата обращения: 15.10.2021)

Заключение

Итак, наряду с экспертными оценками представителей аналитического сообщества в качестве исходных ориентиров при разработке проектов Большого Евразийского партнерства служат те официальные документы, в которых позиционируется место и роль России на евразийском пространстве и подтверждается преемственность историософских воззрений основателей евразийства, прошедших через горнило идеолого-политических ристалищ и органично включенных в русло российской внешней политики и в систему международных отношений:

- Концепция внешней политики Российской Федерации (30.10.2016)¹, в которой четко указаны три региона Евразийского континента: Евро-Атлантический, Евразийский и Азиатско-Тихоокеанский — и определена стратегическая задача в отношениях России с ЕС: «Формирование общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции» (ст. 63). В данной концепции также закреплено следующее положение: «Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону... и настроена на формирование... пространства совместного развития государств — членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах» (ст. 78, 82)²;

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента РФ № 640 от 30.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 15.10.2021).

- Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года (14.10.2016)¹, в преамбуле которой определена зона ответственности ОДКБ — это «территории государств — членов Организации, ограниченные участками государственной границы с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств — членов ОДКБ»;
- Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (10.06.2018), в которой заявлено о том, что государства — члены ШОС будут последовательно развивать сотрудничество в сферах политики, безопасности, торговли и экономики, а также способствовать формированию общего видения идеи создания сообщества единой судьбы человечества². Иначе говоря, со стороны России и ряда евразийских организаций (с ее участием) достаточно четко определены предложения по обустройству континента в форматах «Большой Евразии», «Большого Евразийского партнерства», «интеграции интеграций», охватывающих и Российскую Арктику;
- Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645³;
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г., указывающая на необходимость достижения целей внешней политики Российской Федерации, в частности, на основе интеграции экономических систем и развития многостороннего сотрудничества в рамках Большого Евразийского партнерства (ст. 101.6).

В современных условиях разработка сценарных проектов построения Большого Евразийского партнерства, включающего «Большую Арктику», столкнулась с новой проблемой в зоне ответственности ОДКБ. Чуть более года назад в ряде стран Центральной Азии началось активное обсуждение идеи создания «Армии Турана» — военного блока, который бы объединил все тюркоязычные страны под эгидой Турции в формате Тюркского союза (рис. 3). 27 октября 2020 г. в центральной газете Türkiye («Турция») была опубликована редакционная статья Çare Turan Ordusu («Путь — Туранская армия»), в которой по итогам завершившегося турне в Казахстан и Узбекистан министра обороны Турции Хулуси Акара впервые открыто была поднята эта тема.

Ну а какая международная организация без армии? Членство в составе «Великой армии Турана» согласились обсудить Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан. В течение 2018 г. был подписаны соглашения о военном и военно-техническом сотрудничестве между Турцией и Казахстаном, а также между Турцией и Узбекистаном. Одна не ускользающая от внимания специалиста деталь — за последние два года 200 офицеров армии Казахстана прошли обучение в военных вузах Турции, и, соответственно, такое же обучение прошли турецкие офицеры в Нур-Султане. Но по внешнему виду турецкие офицеры почему-то были мало похожи на турок. Какие-то нейтральные лица без национальности, а часть вообще можно отнести к европейцам. Ну а военные специальности, по которым шло обучение, — специалисты разведки, спецназа, подразделений пропаганды, генерального штаба — говорят сами за себя. В курс обучения входило детальное изучение постсоветских военных уставов и моделей поведения, а также практическая работа в русскоязычной среде⁴.

¹ Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года (утв. Решением Совета коллективной безопасности ОДКБ от 14.10.2016) [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/ (дата обращения: 15.10.2021).

² Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (подписана 10.06.2018) [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315> (дата обращения: 15.10.2021).

³ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74710556/> (дата обращения: 15.10.2021).

⁴ Ставер А. Армия Великого Турана против ОДКБ [Электронный ресурс] // Военное обозрение. 01.04.2021. URL: <https://topwar.ru/181423-armiya-velikogo-turana-protiv-odkb.html> (дата обращения: 15.10.2021).

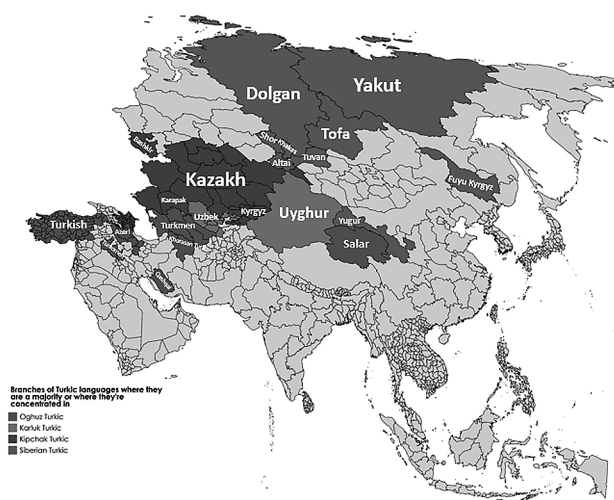

Рис. 3. Так выглядит карта задуманной в Анкаре «Организации тюркских государств»

Fig. 3. This is how the map of the "Organization of Turkic States" conceived in Ankara looks like

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://img8.eadaily.com/r2000x2000/o/73f/cdf0855fccae267bcc221671fad2a.jpeg>

(дата обращения: 15.10.2021)

И если министерство обороны Казахстана официально заявило, что «в ответ на вопрос о создании так называемой "туранской армии" официально сообщаем, что вопросы создания каких-либо совместных воинских формирований с участием вооруженных сил Казахстана и Турции в ходе встречи глав оборонных ведомств двух стран не рассматривались», то эксперты «соблазненных туранизмом» государств — членов ЕАЭС и ОДКБ могут позволить себе напустить тумана, с чем прекрасно, например, справился казахстанский эксперт-международник Ануар Бахитханов, заявивший о том, что «военный союз подразумевает сильную объединенную армию численностью в 10 млн солдат. И это автоматически заставит считаться с мнением такие державы, как Россия и Китай»¹. Свое мнение было вскоре высказано со стороны и министра обороны, и Президента России. Сергей Шойгу в интервью сетевому изданию Tengrinews.kz. прямо ответил на вопрос об «Армии Турана». «Ну хорошо, вот вы об этом мечтаете, вы к этому какие-то пытаетесь шаги сделать, — сказал он. — Для чего и против кого? Точно такие же тюркоязычные народы проживают на территории России, их у нас достаточно много. У нас страна многоконфессиональная и многонациональная. И мы веками живем вместе»².

«Хочу сказать, — заявил в те же дни В. Путин, — что мы готовы жить в новых геополитических условиях. Более того, мы рассматриваем наших соседей не просто как соседей, близких по географии, мы рассматриваем народы этих стран как братский народ... Но мы никогда не согласимся только с одним — чтобы кто-то позволил себе использовать щедрые подарки России для нанесения ущерба самой Российской Федерации. Надеюсь, это будет услышано»³. Услышали, образовали «Организации тюркских государств» и приняли документ «Видение тюркского мира до 2040 года».

Здесь уже и по-академически спокойный С. Ю. Глазьев высказался относительно подобного рода аналитиков и экспертов ряда центрально-азиатских государств, устами которых «штампуются исторические мифы, отодвигающие образование новых независимых государств, названия которых впервые появились на карте СССР в 30-е гг. прошлого века, на многие столетия, в доисторическую эпоху.

¹ Талапулы А. «Эрдоган поперхнется»: что пишут о «Великой армии Турана» в отечественных и зарубежных СМИ [Электронный ресурс] // Медиапортал «Караван». 03.11.2020. URL: <https://www.caravan.kz/articles/ehrdogan-poperkhnjotsya-chto-pishut-o-velikoj-armii-turana-v-otechestvennykh-i-zarubezhnykh-smi-686812/> (дата обращения: 15.10.2021).

² Интервью с Шойгу. Секрет про американцев, Казахстан и «армия Турана» [Электронный ресурс] // Портал Tengrinews. 17.03.2021. URL: <https://tengrinews.kz/article/intervyu-shoygu-sekret-amerikantsev-kazakhstan-armiya-turana-1560/> (дата обращения: 15.10.2021).

³ Путин рассказал, что не даст сделать Россией [Электронный ресурс] // Юридическая социальная сеть 9111.ru. 18.03.2021. URL: https://www.9111.ru/questions/777777771256298/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 15.10.2021).

Фабрикуются артефакты, задним числом подтасовываются исторические документы, в систему образования принудительно внедряются сказочные истории о мнимых героях-основателях никогда не существовавших государств. Обратной стороной этого мифотворчества является отрицание цивилизационной роли России и СССР, которые создали необходимые условия для этногенеза современных наций и обеспечили им возможности создания собственной государственности» [4, с. 304]. Соглашаясь с тезисом Глазьева относительно того, что евразийский интеграционный процесс «должен иметь прочный идеологический фундамент, основанный на исторической памяти народов Евразии. Такой фундамент может быть создан на основе сопряжения ЕАЭС и китайского проекта «Один пояс — один путь» и формирования Большого Евразийского партнерства, объединенного единой исторической судьбой, входящих в него стран и народов» [4, с. 407], отметим, что аналитика евразийского партнерства и формулировка экспертных оценок должны формироваться на основе не только политологического дискурса, но и точных наук.

Литература

1. Биев А. А. Основные направления формирования сети транспортной и энергетической инфраструктуры в арктических регионах России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 11 (85). С. 66–72.
2. Большое Евразийское партнерство — новые горизонты сотрудничества : тематический сборник / под общ. ред. И. А. Максимцева. СПб. : Издательство СПбГЭУ, 2021. 159 с.
3. Гизатуллина О. М. Анализ транспортной инфраструктуры Арктической зоны РФ // Экономические науки. 2020. № 11 (192). С. 273–279.
4. Глазьев С. Ю. За горизонтом конца истории. М. : Проспект, 2021. 416 с.
5. К Великому океану — 5: от поворота на Восток к Большой Евразии // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва. Сентябрь 2017 г. 47 с.
6. Кефели И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности : монография. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 228 с.
7. Кефели И. Ф., Мигунова О. В., Николаенко А. В. Большое Евразийское партнерство — геополитические реалии, перспективы, прогнозы // Большое Евразийское партнерство — новые горизонты сотрудничества : тематический сборник / под общей ред. И. А. Максимцева. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2021. 159 с.
8. Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Российская Арктика: логика и парадоксы перемен // Проблемы прогнозирования. 2019. № 6. С. 4–21.
9. Мэйнинг Р. Индо-Тихоокеанская стратегия США: мифы и реальность // Валдайские записки. 2018. № 89.
10. Северный морской путь: история, регионы, проекты, флот и топливообеспечение / под ред. А. Климентьева. М. : Центр энергетики Московской школы управления Сколково, 2020. 104 с.
11. Серова Н. А., Серова В. А. Транспортная инфраструктура российской Арктики: специфика функционирования и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. 2021. № 2 (185). С. 142–151. DOI: 10.47711/0868-6351-185-142-151
12. Hansong Li. The “Indo-Pacific”: Intellectual Origins and International Visions in Global Contexts. *Modern Intellectual History* (2021). P. 1–27. Published online by Cambridge University Press: 04 June 2021. doi:10.1017/S1479244321000214

Об авторах:

Кефели Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, эксперт Российской академии наук и Парламентской Ассамблеи ОДКБ, первый вице-президент Академии геополитических проблем, доктор философских наук, профессор; geokefeli@mail.ru

Николаенко Анастасия Валентиновна, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, заместитель начальника управления научной работы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте

Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
nikolaenko-av@ranepa.ru

References

1. Biev A. A. The Main Directions of the Formation of a Network of Transport and Energy Infrastructure in the Arctic Regions of Russia // Regional Problems of Economic Transformation [Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki]. 2017. No. 11 (85). P. 66–72. (In Rus.)
2. Great Eurasian Partnership — New Horizons of Cooperation : Thematic collection / Under the common. Ed. I. A. Maksimtseva. Saint Petersburg : Publishing House SPbSEU, 2021. 159 p. (In Rus.)
3. Gizatullina O. M. Analysis of Transport Infrastructure of the Arctic Zone of the Russian Federation // Economic Sciences [Ekonomicheskie nauki]. 2020. No. 11 (192). P. 273–279. (In Rus.)
4. Glazhev S. Yu. Beyond the Horizon of the End of History. Moscow : Prospect, 2021. 416 p.
5. To the Great Ocean — 5: from the Turn to the East to Greater Eurasia // Report of the Valdai International Discussion Club. Moscow. September 2017. 47 p. (In Rus.)
6. Kefeli I. F. Asfatronika: On the Way to the Theory of Global Security : monograph. St. Petersburg : Publishing House NWIM of RANEPa, 2020. 228 p. (In Rus.)
7. Kefeli I. F., Migunova O. V., Nikolaenko A. V. Great Eurasian Partnership — Geopolitical Realities, Prospects, Forecasts // Great Eurasian Partnership — New Horizons of Cooperation: Thematic collection / under the general edition of I. A. Maksimtev. Saint Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2021. 159 p. (In Rus.)
8. Leksin V. N., Porfiriev B. N. Russian Arctic: Logic and Paradoxes of Change // Problems of Forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2019. No. 6. P. 4–21. (In Rus.)
9. Maining R. US Indo-Pacific Strategy: Myths and Reality // Valdai Notes [Valdaiskie zapiski]. 2018. No. 89. (In Rus.)
10. Northern Sea Route: History, Regions, Projects, Fleet and Fuel Supply / ed. A. Klimentiev. Moscow : Center for Energy of the Moscow School of Management Skolkovo, 2020. 104 p. (In Rus.)
11. Serova N. A., Serova V. A. Transport Infrastructure of the Russian Arctic: Specifics Features and Development Prospects // Studies on Russian Economic Development. 2021. Vol. 32. No. 2. P. 213–219. DOI: 10.1134/S107570072102009X
12. Hansong Li. The “Indo-Pacific”: Intellectual Origins and International Visions in Global Contexts. Modern Intellectual History (2021). P. 1–27. Published online by Cambridge University Press: 04 June 2021. doi:10.1017/S1479244321000214

About the authors:

Igor F. Kefeli, Director of the Center for Geopolitical Expertise of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation, an Expert RAS and an expert of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization, Vice-President of the Academy of Geopolitical Problems, Doctor of Science (Philosophy), Professor; geokefeli@mail.ru

Anastasia V. Nikolaenko, Associate Professor of Chamber of International Relations of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Deputy Head of the Department of Scientific Work of North-West Institute of Management of RANEPa, PhD in Political Sciences; nikolaenko-av@ranepa.ru

Стратегический регион Юго-Восточной Азии: формирование архитектуры безопасности

Муслиенко Т. В.*, Лукин В. Н., Матвеев А. В.

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России, Санкт-Петербург, Российская Федерация; * tvn7777@mail.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение опыта формирования региональной архитектуры безопасности на примере Юго-Восточной Азии.

Цель. Изучение и обобщение исторического опыта формирования архитектуры безопасности в Юго-Восточной Азии и ее современного состояния, участие в научной дискуссии по проблемам евразийского пространства.

Задачи. Осуществить экспресс-анализ основополагающих решений Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее — АСЕАН, Ассоциация) по вопросам безопасности, их эффективность в региональной политической практике; выявить основные проблемы процесса формирования региональной системы безопасности и влияние на это глобальной нестабильности, противоречивых двусторонних взаимоотношений между государствами региона; определить причины эклектичности ее современного состояния, а также разные подходы к оценке результатов деятельности АСЕАН за весь период ее существования, вызванные отставанием в принятии оперативных решений по безопасности в условиях реальных современных социально-политических и экономических процессов; обозначить основные механизмы и инструменты юго-восточной региональной архитектуры безопасности от Восточноазиатского саммита до комитетов АСЕАН по направлениям деятельности, от совместных заявлений до программ, включая программу региональной архитектуры безопасности АСЕАН, и планов деятельности.

Методология. Используя исторический, сравнительный и структурно-функциональный методы с опорой на основное содержание документов Регионального форума АСЕАН, Восточноазиатского саммита, диалоговой программы Россия — АСЕАН, а также исследовательские модели российских и зарубежных ученых и экспертов, были выявлены существующие проблемы процесса формирования региональной системы безопасности, а также обоснована необходимость изучения опыта деятельности АСЕАН.

Результаты. Исследование показало общее и особенное процесса формирования региональной системы безопасности Юго-Восточной Азии и региональных архитектур безопасности в Центральной Азии и Европе. Подтверждено, что современная глобальная неопределенность и неустойчивость способствуют формированию тренда к региональным коалициям и укреплению региональных архитектур безопасности. Выявлена разнонаправленность позиций членов Ассоциации по вопросам национальной и региональной безопасности. Показано, что АСЕАН в формировании архитектуры безопасности использует опыт других региональных коалиций, прежде всего НАТО. Отмечено сохранение проблем в оперативности принятия решений, что имеет как отрицательные, так и положительные последствия.

Выводы. В отличие от сложившейся евроатлантической архитектуры безопасности, которая исключает значительную часть Европы в виде европейской части Российской Федерации, евразийское стратегическое пространство в настоящее время находится в процессе формирования системы безопасности, включающей только определенные группы государств. Исследование в основном направлено на изучение подходов к содержанию и формам сотрудничества между этими странами в вопросах безопасности. Современные глобальные процессы негативно влияют

на все уровни безопасности и актуализируют проблему ее укрепления на региональном уровне. Даже в сложных условиях Юго-Восточной Азии АСЕАН удастся частично минимизировать последствия вызовов, угроз и рисков для безопасности.

В юго-восточном стратегическом регионе по-прежнему остаются нерешенными проблемы затяжных конфликтов, значительных различий в экономическом и политическом развитии государств — членов Ассоциации, и это негативно сказывается на достижении единства и развитии отношений сотрудничества между странами региона, а также на стабилизации региональной ситуации. Существующие проблемы в эффективности принятия решений на региональном уровне имеют как негативные, так и позитивные последствия. В настоящее время они сбалансированы. Участие в работе различных международных институтов имеет большое политическое значение и оказывает влияние на статус субъектов глобального или регионального политического процесса. Участие в диалоговых программах АСЕАН России оправдано и способствует продолжению контактов со странами Юго-Восточной Азии. Опыт многолетнего существования региональной коалиции может быть использован и в других регионах Евразии.

Ключевые слова: безопасность, превентивная дипломатия, денуклеаризация, Азиатско-Тихоокеанский стратегический макрорегион, Восточноазиатский саммит, Региональный форум

Для цитирования: Мусиенко Т. В., Лукин В. Н., Матвеев А. В. Стратегический регион Юго-Восточной Азии: формирование архитектуры безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 122–133.

Strategic Region of Southeast Asia: The Formation of a Security Architecture

Tamara V. Musienko*, Vladimir N. Lukin, Alexander V. Matveev

St. Petersburg University of the State Fire Service of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation;

*tvm77777@mail.ru

ABSTRACT

The present study is aimed at studying the experience of forming a regional security architecture on the example of Southeast Asia.

Aim. Study and generalization of the historical experience of the formation of the security architecture in Southeast Asia and its current state, participation in a scientific discussion on the problems of the Eurasian space.

Tasks. To carry out an express analysis of the fundamental decisions of the Association of Southeast Asian Nations (hereinafter — ASEAN, the Association) on security issues, their effectiveness in regional political practice; to identify the main problems of the process of forming a regional security system and the impact of global instability, contradictory bilateral relations between the states of the region; to determine the reasons for the eclecticism of its current state, as well as different approaches to assessing the results of ASEAN's activities over the entire period of its existence, caused by the lag in making operational decisions on security in the conditions of real modern socio-political and economic processes; to identify the main mechanisms and tools of the Southeast regional security architecture from the East Asian Summit to the Committees ASEAN by areas of activity, from Joint Statements to Programs, including the ASEAN Regional Security Architecture Program, and Action Plans.

Methodology. Using historical, comparative and structural-functional methods based on the main content of the documents of the ASEAN Regional Forum, the East Asian Summit, the Russia-ASEAN dialogue program, as well as research models of Russian and foreign scientists and experts, existing problems were identified, the process of forming a regional security system, and the need to study the experience of ASEAN was justified.

Results. The study showed the general and special features of the process of formation of the regional security system of Southeast Asia and regional security architectures in Central Asia and Europe. It is confirmed that the current global uncertainty and instability contribute to the formation of a trend towards regional coalitions and the strengthening of regional security architectures. The multidirectional positions of the members of the Association on issues of national and regional security have been revealed. ASEAN uses the experience of other regional coalitions, primarily NATO, in shaping the security architecture. There are problems in the efficiency of decision-making and this has both negative and positive consequences.

Conclusions. In contrast to the established Euro-Atlantic security architecture, which excludes a significant part of Europe in the form of the European part of the Russian Federation, the Eurasian strategic space is currently in the process of forming a security system, which includes only certain groups of states. The research is mainly aimed at studying approaches to the content and forms of cooperation between these countries in security issues. Modern global processes negatively affect all levels of security and actualize the problem of strengthening it at the regional level. Even in the difficult conditions of Southeast Asia, ASEAN manages to partially minimize the consequences of challenges, threats and security risks.

In the south-eastern strategic region, the problems of protracted conflicts, significant differences in the economic and political development of the member States of the Association still remain unresolved, and this negatively affects the achievement of unity and the development of cooperation relations between the countries of the region, as well as the stabilization of the regional situation. The existing problems in the efficiency of decision-making at the regional level have both negative and positive consequences. They are currently balanced. Participation in the work of various international institutions is of great political importance, and has an impact on the status of subjects of the global or regional political process. Participation in the dialogue programs of the ASEAN of Russia is justified and contributes to the continuation of contacts with the countries of Southeast Asia. The experience of the long-term existence of the regional coalition can be used in other regions of Eurasia.

Keywords: security, preventive diplomacy, denuclearization, Asia-Pacific Strategic macroregion, East Asia Summit, Regional Forum

For citing: Musienko T. V., Lukin V. N., Matveev A. V. Strategic Region of Southeast Asia: The Formation of a Security Architecture // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 122–133.

Введение

В декабре 2020 г. главами государств ЕАЭС была утверждена «Стратегия развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»¹, которую академик Российской академии наук, главный редактор журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» С. Ю. Глазьев назвал дорожной картой «всех интеграционных усилий», уплотняющей «экономические связи государств-членов» и обеспечивающей «принципиально иное качество единого экономического пространства».

Главный редактор предложил развернуть на страницах нашего журнала дискуссию по механизмам «реализации стратегической повестки» [1, с. 11].

Стратегия определила среди важных стратегических задач укрепление связей с третьими странами по всем направлениям, которые будут способствовать формированию Большого Евразийского партнерства (далее — БЭП), о важности и необходимости которого Президент Российской Федерации В. В. Путин заявлял на Петербургском экономическом форуме еще в 2016 г.²

¹ О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года : решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_ (дата обращения: 26.04.2021).

² Путин призвал создать Большое Евразийское партнерство [Электронный ресурс] // Петербургский международный экономический форум — 2016. URL: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3376295> (дата обращения: 26.04.2021).

По мнению авторов, реализовать это будет чрезвычайно сложно в условиях отсутствия единой евразийской архитектуры безопасности. Разрешение проблем региональной безопасности колоссального геостратегического макрорегиона будет способствовать глобальной безопасности, личной безопасности человека, а также социально-экономическому развитию государств региона.

В настоящее время очевидна невозможность обеспечить национальную безопасность силами и возможностями одного государства, потому что в условиях малоэффективных действий глобальных акторов множатся вызовы, угрозы и риски не только глобальной, но и национальной безопасности. Примеры Афганистана, Югославии, Ирака, Ливии, Сирии доказывают эту очевидность. Как следствие, усиливается общее стремление создавать коалиции государств с целью совместного противостояния рискам национальной и региональной безопасности.

Уже накоплен определенный исторический опыт формирования региональных архитектур безопасности в виде Североатлантического альянса (далее — НАТО), Организации Варшавского договора (далее — ОВД), призванных обеспечить безопасность государств в стратегических макрорегионах.

ОВД не справился с задачей на евразийском (без Западной Европы) стратегическом пространстве и прекратил свое существование. НАТО продолжает расширяться за счет стран Восточной Европы, формируя новые риски в Евразии, встречая противодействие со стороны таких азиатских стран, как Иран, объявивший НАТО террористической организацией.

Более чем полувековую историю насчитывает процесс формирования архитектуры безопасности в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии в сложном стратегическом регионе. Это вызывает естественный научный интерес и попытки исследования этого феномена.

Полувековая история минимизации рисков полномасштабных междоусобных войн в регионе и масштабы террористической угрозы также актуализируют проблему. С 2002 по 2017 гг. на Филиппинах и в Союзе Мьянма зарегистрировано самое большое число жертв террористических актов в регионе. По уровню террористической угрозы Филиппины замыкают мировую десятку¹. Здесь действуют ИГИЛ, Новая народная армия, которая в 2017 г. была ответственна за 235 нападений в 204 городах по всей стране, Коммунистическая террористическая группа, исламские группы Абу Сайяф Бангсаморо и Даула Исламия².

Обсуждение

Исходя из важности безопасности для социально-экономического развития и сотрудничества между государствами, И. Ф. Кефели обосновывает тезис о том, что основой проекта «Большая Евразия» должна служить геополитическая безопасность [6, с. 127–141].

Группа ученых, в числе которых и авторы, провела исследование теоретических и методологических аспектов безопасности в геополитике, в том числе и стратегических вызовов и решений региональной безопасности. Была обоснована гипотеза о том, что регионалистическая традиция в трактовке безопасности содержит в своей основе утверждение о существенном значении динамики региональной безопасности как составной части глобальной безопасности [12, с. 108–132].

А. В. Картунов, раскрывая содержание основных принципов Большого Евразийского пространства, также уверен в том, что «развитие экономических интеграционных процессов на территории Евразии невозможно без параллельного процесса укрепления континентальной безопасности и разрешения проблем, оставшихся в наследство от XX в. и более ранних столетий».

К их числу эксперт относит международный терроризм и религиозный экстремизм, угрозу распространения оружия массового уничтожения и гонку вооружений в целом, сепаратизм, проблему «разделенных народов» и территориальные споры. Поэтому, считает А. В. Картунов, строительство БЭП должно осуществляться с учетом обеспечения безопасности в процессе формирования и развития разных

¹ Annual Security Outlook, 2019 (ASO). P. 132.

² Организации, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации.

механизмов военно-политического сотрудничества. В качестве положительного примера приводится деятельность Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии¹.

Ю. Н. Саямов правомерно ставит вопросы обеспечения личной безопасности в условиях нарастающих угроз и рисков глобальной безопасности [15, с. 133–145].

На методологические особенности обеспечения региональной безопасности обращают внимание В. В. Григорьева, И. Г. Матвеевич и С. Ю. Гудушкина [2, с. 37–41].

Изучаются особенности Западной Азии, и с учетом накопленного международного опыта оформляются предложения по формированию системы региональной безопасности в другом азиатском стратегическом регионе [9].

С. М. Меньшиковой исследуется опыт АСЕАН и ее роль в становлении региональной архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском стратегическом макрорегионе [10, с. 101–108].

Стратегическую ценность АСЕАН анализирует П. Дибб (P. Dibb), делая акцент на критике политической практики построения региональной системы безопасности в Юго-Восточной Азии².

Анализу существующих в регионе внутренних проблем, достижениям и недостаткам процесса формирования архитектуры безопасности посвящены исследование Сен Тана (Seng Tan)³ и П. Прамесварана (P. Parameswaran)⁴.

С. В. Михневич раскрывает эволюцию архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском стратегическом регионе на основе сравнительного анализа подходов США и Китая к этой проблеме и взаимной борьбы за влияние на страны АСЕАН. Исследователь выделяет шесть групп и два типа проблем региональной безопасности, раскрывает сущность пяти моделей сотрудничества по безопасности в регионе [11].

Предметом пристального внимания остаются межгосударственные разногласия, отрицательно влияющие на процесс формирования региональной восточноазиатской архитектуры безопасности [3, с. 16–20; 4, с. 368–79; 14, с. 88–100].

В изучение проблемы мотивов участия в подобных коалициях на примере НАТО вносят свой вклад отечественные ученые И. А. Истомин, И. В. Болгова, А. П. Соколов, В. А. Аватков [5, с. 57–85].

Авторы исследуют стратегии и практику обеспечения безопасности в Евразии [7, с. 34–40; 8, с. 146–156], изучают возможности использования внешнеэкономической политики в качестве инструмента обеспечения экономической безопасности государств [13, с. 151–184].

Процесс формирования архитектуры безопасности, современные его проблемы помогают исследовать документы АСЕАН: материалы восточноазиатских саммитов, Регионального форума АСЕАН, двусторонних взаимоотношений в формате диалогов, например, Россия — АСЕАН; программы, включая Программу региональной архитектуры безопасности (Regional Security Architecture Programme)⁵ и планы.

В этом же ряду материалы ежегодного, с 2000 г., обзора безопасности Регионального форума АСЕАН. Так, ежегодник за 2019 г. содержит информацию о деятельности 22 участников Восточноазиатского саммита по укреплению региональной архитектуры безопасности⁶.

Использование сравнительного, структурно-функционального и исторического методов способствовали исследованию и получению конкретных результатов.

¹ Кортунов А. В. Восемь принципов Большого Евразийского пространства [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem> (дата обращения: 27.04.2021).

² Paul Dibb. What is ASEAN's Strategic Value? [Электронный ресурс] // East Asia Forum. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2016/03/01/what-is-aseans-strategic-value/> (дата обращения: 26.04.2021).

³ Seng Tan. Is the ASEAN Getting Regional Security Right [Электронный ресурс] // Al Sharq Strategic Research. URL: <https://research.sharqforum.org/2018/11/13/is-the-asean-getting-regional-security-right/> (дата обращения: 26.04.2021).

⁴ Prashanth Parameswaran. What's Next for ASEAN's Regional Security Hotline? [Электронный ресурс] // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2019/10/whats-next-for-aseans-regional-security-hotline/> (дата обращения: 26.04.2021).

⁵ Regional Security Architecture Programme [Электронный ресурс] // RSIS of Nanyang Technological University. URL: <https://www.rsis.edu.sg/research/idss/research-programmes/regional-security-architecture-programme/> (дата обращения: 25.04.2021).

⁶ Annual Security Outlook, 2019 (ASO). P. 11–132.

Результаты

Выявлено, что современная глобальная неопределенность и неустойчивость способствуют формированию тренда к региональным коалициям и укреплению региональных архитектур безопасности. Подтверждением такого вывода является существование АСЕАН уже шестой десяток лет.

Развитию Ассоциации в определенной степени способствовало решение о возможности участия в ее работе с 1987 г. внерегиональных государств. Это влияет на статус АСЕАН и более ответственное отношение государств-участников к своему членству.

Современная деятельность Ассоциации оценивается подчас с противоположных позиций. Негативные оценки вызваны медлительностью в принятии оперативных решений. Вместе с тем в ряде случаев это способствует снижению напряженности в регулярно возникающих конфликтных ситуациях. Но если события станут развиваться быстрее, чем темпы регулирования процессов в АСЕАН, могут быть серьезные последствия, чреватые возникновением рисков региональной безопасности.

Именно в целях минимизации региональных конфликтных ситуаций зачастую внимание преднамеренно сосредоточивается далеко не на острых спорных вопросах.

В ближайшей перспективе ускорение процесса укрепления региональной архитектуры безопасности не стоит ожидать из-за разнонаправленности позиций членов Ассоциации по вопросам национальной и региональной безопасности.

Так, Лаосская Народно-Демократическая Республика не допускает участия в военных блоках, наличия иностранных военных баз на своей территории, но в Сингапуре и Таиланде находятся контингенты американских военных, а на Филиппинах — военная база США.

В соответствии с Планом политической безопасности АСЕАН на период до 2025 г. Индонезия рассматривает Юго-Восточную Азию не только как зону, свободную от ядерного оружия, но и как регион, свободный от всех других видов оружия массового уничтожения. И одновременно Индонезия считает, что политика нераспространения не должна подрывать неотъемлемые права государств на приобретение оружия массового уничтожения¹.

Очевидна ориентация АСЕАН в большей степени на Азиатско-Тихоокеанский стратегический макрорегион, и даже Индо-Тихоокеанский (по версии Австралии), чем на Западную и Центральную Азию. Этим подтверждается высокая степень влияния и зависимости от США и их союзников.

Также очевидно недостаточное внимание АСЕАН к развитию отношений с такими евразийскими региональными структурами, как Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности.

АСЕАН в формировании архитектуры безопасности использует опыт других региональных коалиций. Так, по примеру НАТО в октябре 2019 г. на основе системы прямых коммуникаций между министрами обороны стран Юго-Восточной Азии, существующей по инициативе Брунея с 2017 г., в странах АСЕАН был начат процесс по формированию «горячей линии региональной безопасности» с включением стран-партнеров, в первую очередь Китая, Японии и Южной Кореи. Цель «линии» — организация оперативного информирования и укрепление доверия.

Конфронтация в погоне за гегемонией и сферой влияния в регионе, в частности, приводит к ситуации, которая ставит под угрозу региональный мир и безопасность, что является необходимым условием дальнейшего развития².

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии была образована 8 августа 1967 г. В числе уставных целей определено и содействие упрочению мира и стабильности в этом стратегическом регионе. Взаимоотношения внутри Ассоциации имеют юридическую основу в виде «Декларации согласия АСЕАН» 1976 г.

¹ Annual Security Outlook, 2019 (ASO). P. 77.

² Там же, p. 46.

С 1999 г. в АСЕАН входят десять стран, но, в соответствии со «Второй Декларацией согласия АСЕАН» 2003 г. и «Договором о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийский договор)» 1976 г., с 1987 г. оформляется возможность присоединения к Ассоциации внерегиональных государств.

В настоящее время АСЕАН включает 27 участников: кроме десяти членов Ассоциации (*Региональный форум АСЕАН (ARF)*), это десять партнеров по диалогу, среди которых США, Индия, Китай и Россия; коллективный участник — Европейский союз, семь партнерских стран, вместе составляющих один из важных инструментов АСЕАН в создании архитектуры безопасности — Восточноазиатский саммит¹.

Российская Федерация впервые принимала участие в работе АСЕАН в 1991 г., в 2004 г. присоединилась к «Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии», а ратифицировав в 2011 г. подписанный в 2010 г. Третий протокол к этому Договору, стала полноправным партнером Ассоциации².

В юго-восточном азиатском стратегическом регионе российское государство всегда имело и будет иметь долгосрочные политические, экономические, цивилизационные интересы. Вовлеченность в интеграционные процессы этого региона, как было заявлено Россией на учредительном саммите Восточноазиатского сообщества в 2005 г., «способствует созданию благоприятных внешних условий для социально-экономического развития страны в целом, и прежде всего — для Сибири и Дальнего Востока»³.

С 2005 г. сотрудничество Российской Федерации с Ассоциацией развивалось в соответствии с «Комплексной программой действий», реализованной в целом в 2015 г.⁴, и «Комплексным планом действий», завершаемым в 2020 г.⁵

Россия твердо отстаивает в АСЕАН позицию, согласно которой международная безопасность является неделимой и всеобъемлющей, безопасность одних государств нельзя обеспечить за счет безопасности других⁶.

В настоящее время близится к завершению региональная программа «АСЕАН — видение в 2020 году: партнерство в динамичном развитии», принятая на пятом саммите АСЕАН в 1997 г. И завершается разработка проекта Декларации «АСЕАН-2025: вместе в будущее», главной целью которой остается обеспечение безопасного развития региона при сохранении центральной роли АСЕАН в сформированных механизмах безопасности.

Основополагающим документом, устанавливающим правовой статус и институциональные рамки, является «Хартия АСЕАН» 2007 г.

В соответствии с «Хартией АСЕАН» сотрудничество осуществляется на основе «превентивной дипломатии» по трем основным направлениям: экономическому, общественно-культурному и обеспечению политической безопасности. В Приложении 1 перечислены региональные инструменты «Сообщества политической безопасности АСЕАН» от саммитов руководителей государств и министерских встреч до комиссий по направлениям деятельности по обеспечению безопасности⁷.

Проблемы региональной безопасности имеют в Юго-Восточной Азии более острый и объемный характер, чем в европейской части Евразии, и включают межгосударственные разногласия среди членов АСЕАН в отношении усиливающихся позиций и регионального влияния Китая, взаимные территориальные претензии по морским территориям (например, Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины

¹ ASEAN Regional Forum (2019). Annual Security Outlook. Singapore. 206 p.

² О ратификации Третьего протокола о внесении изменений в Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии : федеральный закон от 03.05.2011 г. № 84-ФЗ [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/33067> (дата обращения: 24.04.2021).

³ В. В. Путин. Выступление на саммите Восточноазиатского сообщества 14 декабря 2005 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/114/events/23333> (дата обращения: 22.04.2021).

⁴ Комплексная программа действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2005–2015 гг. 13 декабря 2005 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3708> (дата обращения: 24.04.2021).

⁵ Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации Государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.) [Электронный ресурс] // Саммит Россия — АСЕАН. URL: <http://russia-asean20.ru/news/20160520/179633.html> (дата обращения: 24.04.2021).

⁶ Совместное заявление по итогам второго саммита Российская Федерация — АСЕАН 30 октября 2010 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/761> (дата обращения: 24.04.2021).

⁷ The ASEAN Charter [Электронный ресурс]. URL: https://www.asean.org/wp-content/uploads/2012/05/11.-October-2015-The-ASEAN-Charter-18th-Repeat-Amended-updated-on-05_April-2016-IUP.pdf (дата обращения: 23.04.2021).

и Вьетнам против Китая), внутривнутриполитическую нестабильность и, как следствие, попытки переворотов и мятежей, терроризм, пиратство, незаконная миграция и торговля людьми, незаконный оборот наркотиков, стихийные бедствия, низкий уровень продовольственной безопасности в ряде стран.

Так, только за 2014–2017 гг. в регионе произошло 55 землетрясений, 217 штормов и циклонов и 236 случаев сильных наводнений, пострадали 650 млн чел., погибли почти 33 тыс. чел.¹ Эти риски дестабилизируют ситуацию, отрицательно влияют на процесс укрепления региональной архитектуры безопасности.

В отличие от сложившейся архитектуры безопасности европейской части Евразии (без России) в АСЕАН включены политические системы с существенно большей разницей уровней политического и социально-экономического развития, значительными демографическими, религиозными и географическими различиями. Так, в 2019 г. Бруней и Сингапур входили в топ-10 мировых лидеров по доходам на душу населения, а Союз Мьянма — в аутсайдерах этого списка.

Построение системы безопасности осуществляется с 2002 г. в соответствии с «Программой многосторонности и регионализма», в настоящее время «Программа региональной архитектуры безопасности». «Программа» включает научные исследования и практическую работу по обеспечению безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, начиная с проекта «Развитие подходов к безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» 2002 г. по настоящее время, в которых главное внимание уделяется укреплению регионального и межрегионального сотрудничества, «превентивной» и «оборонной» дипломатии, например, «Будущее ADMM / ADMM-Plus и оборонной дипломатии в Азиатско-Тихоокеанском регионе» 2015 г.

Программа финансируется Министерством обороны Сингапура, а также американскими, международными, японскими, южнокорейскими и германскими фондами. К сотрудничеству привлечены различные структуры из Австралии, Великобритании, Китая. В списках отсутствует Россия.

Анализ действий Ассоциации по обеспечению региональной безопасности показывает, что основной азимут движения направлен на северо-восток в тихоокеанском направлении, на партнерство с США и их союзниками, Японией, Республикой Корея, Австралией. На западном и северо-западном евразийском направлении сложно складываются отношения с Индией.

Пол Дибб отмечает, что страны АСЕАН обладают огромным стратегическим преимуществом, занимая важнейшее геополитическое положение на жизненно важных морских путях между Персидским заливом и Индийским океаном на Западе и Южным и Восточно-Китайским морями на востоке, более трети мировой морской торговли проходит через воды Юго-Восточной Азии, включая около 80% импорта нефти Китаем и Японией. В ряду серьезных недостатков исследователь выделяет отсутствие прогресса в превентивной дипломатии; незначительный прогресс в осуществлении конкретных мер укрепления военного доверия, особенно в вопросах предотвращения морских инцидентов на море; углубление разногласий и нарастание территориальных претензий и делимитации межгосударственных границ; отсутствие надлежащего контроля над вооружениями и разоружением в условиях растущего военного потенциала; рост национализма; отсутствие правил подсчета стратегических ядерных боеголовок или переговоров по сокращению запасов ядерного оружия, а также отсутствие договоренностей о размещении все более смертоносных современных систем обычных вооружений. П. Дибб даже выразил опасение, что Восточноазиатский саммит возьмет на себя центральную роль в управлении региональной безопасностью, оттеснив Региональный форум АСЕАН².

Сенг Тан солидаризуется с П. Диббом и отмечает, что неоднозначные результаты усилий стран АСЕАН по миростроительству вызывают трудности в оценке вклада Ассоциации в обеспечение региональной безопасности и формируют их противоречивость. С одной стороны — отсутствие крупных войн, и это значимо в собственном региональном контексте. С другой — политическая практика изобилует бесчисленными примерами неспособности Ассоциации и нежелания Ассоциации действовать тогда, когда региональные ситуации требуют согласованных действий.

¹ Annual Security Outlook, 2019 (ASO). P. 11.

² Paul Dibb. What is ASEAN's Strategic Value? [Электронный ресурс] // East Asia Forum. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2016/03/01/what-is-aseans-strategic-value/> (дата обращения: 26.04.2021).

Эксперт резко критикует непрекращающееся «несоответствие между тем, что обещают ее декларации, договоры и планы действий, и тем, что Ассоциация реально выполнила». Он даже высказал предположение, что причина может быть и в принципе консенсуса в принятии решений. Это относится, прежде всего, к сфере безопасности¹.

Из реальных положительных результатов на последнем состоявшемся в августе 2019 г. 26-м Региональном форуме АСЕАН (ARF — ASEAN Regional Forum) было отмечено следующее: увеличение числа мероприятий ARF по превентивной дипломатии; встреча двух корейских лидеров по проблеме денуклеаризации; прогресс в переговорах, продолжающихся уже 18 лет, — завершение первого чтения проекта по заключению Кодекса поведения в Южно-Китайском море; принятие Плана работы ARF по борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью на 2019–2021 гг., а также соответствующие мероприятия ARF в этой области².

С момента подписания странами — участниками АСЕАН и Китаем «Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море» в 2002 г.³ до настоящего времени документ не имеет юридической силы из-за разных позиций сторон-подписантов, принимающих позиции или Китая, или призывающих к участию в разрешении проблем США. Последние с готовностью увеличили свое военное присутствие и активизировали военное сотрудничество с рядом стран, включая социалистический Вьетнам.

Следует также отметить принятие Декларации АСЕАН о предупреждении и противодействии киберпреступности в 2017 г. и готовность взаимодействовать, подтвержденная в Заявлении АСЕАН о сотрудничестве в сфере кибербезопасности 2018 г. Формируется механизм Межсессионных встреч ARF по безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), активизируется деятельность созданной в 2016 г. Экспертной рабочей группы по кибербезопасности.

В сфере дипломатии в качестве позитива можно считать продолжающийся Диалог «Россия — АСЕАН». Диалоговое сотрудничество в течении 24 лет способствует укреплению «всеобъемлющей, открытой, равной и инклюзивной архитектуры безопасности» в Юго-Восточной Азии и в целом в Азиатско-Тихоокеанском стратегическом регионе. Россия поддерживает сохранение центральной роли АСЕАН в региональной архитектуре безопасности, которая должна выстраиваться на базе асеаноцентричных механизмов.

С 2010 г. Россия участвует в работе Совещания министров обороны АСЕАН с партнерами по диалогу и Форума «Азия — Европа». С 2017 г. при АСЕАН в Джакарте функционирует Постоянное представительство Российской Федерации с постоянным Представителем Российской Федерации при АСЕАН.

В 2018 г. создана сеть исследовательских центров Российская Федерация — АСЕАН и Центр АСЕАН при МГИМО-университете. На третьем саммите Россия — АСЕАН стороны договорились поднять уровень диалоговых отношений между Российской Федерацией и АСЕАН до стратегического партнерства⁴.

В Сочинской декларации 2018 г. нашло подтверждение АСЕАН рассмотреть инициативу Российской Федерации об учреждении Диалога Россия — АСЕАН по вопросам, относящимся к безопасности ИКТ, а также выдвинутое Россией предложение о проведении совместного исследования перспективы создания всеобъемлющей зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и АСЕАН⁵.

В видеовыступлении на XV Восточноазиатском саммите в ноябре 2020 г. В. В. Путин вновь обратил внимание на состояние и значимость региональной безопасности⁶.

¹ Seng Tan. Is the ASEAN Getting Regional Security Right [Электронный ресурс] // Al Sharq Strategic Research. URL: <https://research.sharqforum.org/2018/11/13/is-the-asean-getting-regional-security-right/> (дата обращения: 26.04.2021).

² Chairman's Statement of the 26th ASEAN Regional Forum Bangkok, 2 August 2019 [Электронный ресурс] // ASEAN Tailand 2019. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/chairmans-statement-on-the-26th-asean-regional-forum.pdf> (дата обращения: 21.04.2021).

³ Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea [Электронный ресурс] // Association of Southeast Asian Nations. URL: https://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2 (дата обращения: 21.04.2021).

⁴ Совместное заявление 3-го саммита Российская Федерация — АСЕАН о стратегическом партнерстве 14 ноября 2018 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5360> (дата обращения: 21.04.2021).

⁵ Заявление Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в области обеспечения безопасности использования информационно-коммуникационных технологий и самих информационно-коммуникационных технологий, 14 ноября 2018 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5361> (дата обращения: 21.04.2021).

⁶ Владимир Путин выступает на заседании АСЕАН [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20201114/putin-1584587004.html> (дата обращения: 21.04.2021).

Заключение

В отличие от сформированной евроатлантической архитектуры безопасности, исключающей значительную часть Европы в виде европейской части Российской Федерации, на евразийском стратегическом пространстве в настоящее время идет процесс формирования системы безопасности, в который включены лишь отдельные группы государств. Исследования в основном направлены на изучение подходов к содержанию и формам сотрудничества этих стран в вопросах безопасности.

Современные глобальные процессы отрицательно влияют на все уровни безопасности и актуализируют проблему укрепления ее на региональном уровне. Даже в сложных условиях Юго-Восточной Азии АСЕАН удастся частично минимизировать последствия вызовов, угроз и рисков безопасности.

В юго-восточном стратегическом регионе все еще остаются нерешенными проблемы затяжных конфликтов, существенные различия в экономическом и политическом развитии государств — членов Ассоциации, и это отрицательно сказывается на достижении единства и развитии отношений сотрудничества между странами региона, а также и стабилизации региональной ситуации.

Существующие проблемы в оперативности принятия решений на региональном уровне имеют как отрицательные, так и положительные последствия. В настоящее время они уравновешены.

Участие в работе разных международных институтов имеет важное политическое значение и оказывает влияние на статус субъектов глобального или регионального политического процесса.

Участие в диалоговых программах АСЕН России оправдано и способствует продолжению контактов со странами Юго-Восточной Азии.

Опыт длительного существования региональной коалиции возможен к использованию в других регионах Евразии.

Литература

1. Глазьев С. Ю. ЕАЭС: от политики status quo к сценарию «Собственный центр силы» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 14. № 1. С. 11–14. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-01-11-14>
2. Григорьева В. В., Матвеевич И. Г., Гудушкина С. Ю. Методологические особенности обеспечения региональной безопасности // Стратегические задачи макроэкономического регулирования и пространственного развития : Материалы II международной научно-практической конференции научных и научно-педагогических работников общего и профессионального образования / под ред. Д. Е. Сорокина, С. В. Шманева. 2017. С. 37–41.
3. Зеленева И. В. «Малаккская дилемма» и региональная безопасность в Юго-Восточной Азии // Азия и Африка сегодня. 2017. № 1 (714). С. 16–20.
4. Зеленкова М. С. Проблемные аспекты вьетнамо-китайских отношений // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 5 (56). С. 68–79.
5. Истомин И. А., Болгова И. В., Соколов А. П. и др. «Знак качества» или «Черная метка»? НАТО как маркер статуса государств // Вестник МГИМО-Университета. Т. 2. № 65. 2019. С. 57–85.
6. Кефели И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности: монография. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 228 с.
7. Лукин В. Н., Мусиенко Т. В. Безопасность в Евразии: стратегии и практика // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2018. № 2–2 (22). С. 34–40.
8. Лукин В. Н., Мусиенко Т. В. Стратегии обеспечения региональной безопасности в Евразии: арктический аспект // Credo New. 2019. № 1 (97). С. 146–156.
9. Махмудов Т. А., Мамедов Р. Ш. Предложения к формированию системы региональной безопасности в Западной Азии и Северной Африке. Рабочая тетрадь. М. : Российский совет по международным делам. 2017.
10. Меньшикова С. М. Роль АСЕАН в становлении региональной архитектуры в АТР // Вестник МГИМО-Университета. 2012. Т. 4. № 25. С. 101–108.

11. Михневич С. В. Подходы КНР и США к развитию архитектуры безопасности в АТР: дисс. ... канд. полит. н. Москва. 2017. 293 с.
12. Мусиенко Т. В., Лукин В. Н., Артамонов В. С. и др. Безопасность в геополитике: теоретические и методологические аспекты / под ред. В. С. Артамонова. Серия: Российская Арктика. Вып. 1. 2-е изд. перераб. и доп. М. — СПб. : Наука. 2019. С. 108–132.
13. Мусиенко Т. В., Лукин В. Н., Артамонов В. С. и др. Геоэкономика Арктики: проблемы обеспечения экономической безопасности / под ред. В. С. Артамонова. Серия: Российская Арктика. Вып. 4. М. — СПб. : Наука. 2021. 226 с.
14. Новосельцев С. В. Конфликт в Южно-Китайском море в XXI в.: эволюция позиций участников // Сравнительная политика. 2018. № 3. С. 88–100.
15. Саямов Ю. Н. Политические проблемы и ракурсы безопасности: состояние и перспективы // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 133–145.

Об авторах:

Лукин Владимир Николаевич, профессор кафедры философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, ассоциированный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук — Социологического института РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент; lvn55555@mail.ru

Мусиенко Тамара Викторовна, профессор кафедры управления и экономики, профессор кафедры философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, ассоциированный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук — Социологического института РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент; tvn77777@mail.ru

Матвеев Александр Владимирович, заведующий кафедрой прикладной математики и информационных технологий Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук, доцент; fcvega_10@mail.ru.

References

1. Glazyev S. Yu. The EAEU: From the Status Quo Policy to the “Own Center of Power” Scenario // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 11–14. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-01-11-14> (In Rus.)
2. Grigorieva V. V., Matyevich I. G., Gudushkina S. Yu. Methodological Features of Ensuring Regional Security // Strategic Objectives of Macroeconomic Regulation and Spatial Development : Materials of the II International Scientific and Practical Conference of Scientific and Scientific-Pedagogical Workers of General and Vocational Education [Strategicheskie zadachi makroekonomicheskogo regulirovaniya i prostranstvennogo razvitiya : Materialy II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov obshchego i professional'nogo obrazovaniya] / ed. by D. E. Sorokin, S. V. Shmanev. 2017. P. 37–41. (In Rus.)
3. Zeleneva I. V. “The Malacca Dilemma” and Regional Security in Southeast Asia // Asia and Africa Today [Aziya i Afrika segodnya]. 2017. No. 1 (714). P. 16–20. (In Rus.)
4. Zelenkova M. S. Problematic Aspects of Vietnam-China Relations // Problems of National Strategy [Problemy natsional'noi strategii]. 2019. No. 5 (56). P. 68–79. (In Rus.)
5. Istomin I. A., Bolgova I. V., Sokolov A. P., etc. “Quality mark” or “Black mark”? NATO as a Marker of the Status of States // Bulletin of MGIMO University [Vestnik MGIMO-Universiteta]. Vol. 2. No. 65. 2019. P. 57–85. (In Rus.)

6. Kefeli I. F. *Asphatronics: On the Way to the Theory of Global Security: Monograph*. Saint Petersburg : CPI of the RANEP, 2020. 228 p. (In Rus.)
7. Lukin V. N., Musienko T. V. *Security in Eurasia: Strategies and Practices // National Security and Strategic Planning [Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie]*. 2018. No. 2–2 (22). P. 34–40. (In Rus.)
8. Lukin V. N., Musienko T. V. *Strategy of Regional Security in Eurasia: The Arctic Aspect // Credo New*. 2019. No. 1 (97). P. 146–156. (In Rus.)
9. Makhmutov T. A., Mamedov R. S. *Suggestions for the Formation of a Regional Security System in West Asia and North Africa. Workbook*. Moscow : Russian Council for International Affairs. 2017. (In Rus.)
10. Menshikova S. M. *The role of ASEAN in the Formation of Regional Architecture in the Asia-Pacific Region // Bulletin of MGIMO University [Vestnik MGIMO-Universiteta]*. 2012. Vol. 4. No. 25. P. 101–108. (In Rus.)
11. Mikhnevich S. V. *Approaches of the PRC and the USA to the Development of Security Architecture in the Asia-Pacific Region: diss. ... PhD in Political Sciences*. Moscow. 2017. 293 p. (In Rus.)
12. Musienko T. V., Lukin V. N., Artamonov V. S. et al. *Security in Geopolitics: Theoretical and Methodological Aspects / edited by V. S. Artamonov. Series: Russian Arctic. Iss. 1. 2nd ed. reprint. and additional*. Moscow — Saint Petersburg : Nauka. 2019. P. 108–132. (In Rus.)
13. Musienko T. V., Lukin V. N., Artamonov V. S. and others. *Geoeconomics of the Arctic: Problems of Ensuring Economic Security / edited by V. S. Artamonov. Series: Russian Arctic. Iss. 4*. Moscow — Saint Petersburg : Nauka. 2021. 226 p. (In Rus.)
14. Novoseltsev S. V. *The Conflict in the South China Sea in the XXI Century: The Evolution of the Positions of the Participants // Comparative Politics [Sravnitel'naya politika]*. 2018. No. 3. P. 88–100. (In Rus.)
15. Sayamov Yu. N. *Political Problems and Security Perspectives: State and Prospects // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]*. 2021. No. 1. P. 133–145. (In Rus.)

About the authors:

Vladimir N. Lukin, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences of St. Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia, Associate Research Fellow of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences — Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), PhD in History, Associate Professor; lvn55555@mail.ru

Tamara V. Musienko, Professor of the Department of Management and Economics, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences of St. Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia, Associate Research Fellow of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences — Sociological Institute RAS (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), PhD in History, Associate Professor; tvn77777@mail.ru

Alexander V. Matveev, Head of the Department of Applied Mathematics and Information Technologies of St. Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Technical Science, Associate Professor; fcvega_10@mail.ru

Состояние и перспективы исследования урбанизации как международно-политического феномена

Суданц М. Б.

Институт международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, Москва, Российская Федерация; Marat5085238@gmail.com

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение городских поселений и урбанизации как международно-политического феномена в современной мировой политике.

Цель. Определить понятие урбанизации и города в современной политологии и выявить роль урбанизационных процессов в современных международных отношениях.

Задачи. Обозначить сущность города как политического понятия, определить современные политические концепты городов, осмыслить перспективы урбанизационных процессов для современных международных отношений.

Методология. В настоящей работе с помощью таких научных методов, как анализ, синтез и прогнозирование, выявлены факторы, способствующие влиянию городов в частности и урбанизации в целом на современные международные отношения.

Результаты. Исследование показало, что урбанизация является неотъемлемой частью международно-политического процесса XXI в., значимость которого с каждым годом возрастает. В настоящее время политическая, экономическая и культурная жизнедеятельность общества сосредоточена именно в городах. При этом количество жителей городов неуклонно увеличивается, что делает XXI в. веком больших городских поселений. Политическая практика показывает, что при нарастающих тенденциях к глокализации и регионализации города становятся все более автономными игроками в решении локальных внутри- и внешнеполитических вопросов, выходя на мировую арену через особые трансграничные городские объединения. Возрастает роль глобальных, мировых, умных городов и мегаполисов. Разнообразные виды городов как нетрадиционных акторов международных отношений продиктованы диверсифицированными потребностями современного мирового сообщества в решении сложных международных вопросов и задач.

Выводы. Международно-правовая нерегламентированность автономизации городов как акторов международных отношений осложняет современный мировой политический процесс. Тем не менее мировые, глобальные и умные города становятся флагманами урбанизации и центрами притяжения международного сотрудничества, в том числе и в области политики, что обуславливает необходимость их исследования как нового международно-политического феномена.

Ключевые слова: урбанизация, мировой политический процесс, город, городские исследования, глобализация

Для цитирования: Суданц М. Б. Состояние и перспективы исследования урбанизации как международно-политического феномена // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 134–139.

The State and Prospects of the Study of Urbanization as an International Political Phenomenon

Marat B. Sudants

Institute of International Relations and Socio-Political Sciences of the Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation; Marat5085238@gmail.com

ABSTRACT

The present study is aimed at studying urbanization as an international political phenomenon in modern world politics.

Aim. To define the concept of urbanization and the city in modern political science and to identify the role of urbanization processes in international relations.

Tasks. To define the essence of the city as a political concept, to define modern political concepts of cities, to comprehend the prospects of urbanization processes for modern international relations.

Methods. In this paper, using the methods of analysis, synthesis and forecasting, the factors contributing to the influence of urbanization on modern international relations are identified.

Results. The study showed that urbanization is an integral part of the international political process of the XXI century, the importance of which is increasing every year. Currently, the political, economic, and cultural life of society is concentrated in cities. At the same time, the number of urban residents is steadily increasing, which makes the XXI century the century of large urban settlements. Political practice shows that with increasing trends towards globalization and regionalization, cities are becoming more and more autonomous players in solving local domestic and foreign policy issues, entering the world arena through special cross-border urban associations.

Conclusion. The international legal non-regulation of the autonomy of cities as actors in international relations complicates the modern world political process. Nevertheless, global, and smart cities are becoming the flagships of urbanization and the centers of attraction for international cooperation, including in the field of politics, which makes it necessary to study them as a new international political phenomenon.

Keywords: urbanization, world political process, city, urban research, globalization

For citing: Sudants M. B. The State and Prospects of the Study of Urbanization as an International Political Phenomenon // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 134–139.

Город и урбанизация как политические понятия

По заключению М. Вебера город как таковой и все «городское» традиционно воспринимаются как социальные проблемы и включаются в сферу интересов социологии [3]. Вместе с тем исторически города характеризовались сосредоточением власти, где концентрировалась политическая элита социума, и с каждым столетием эта тенденция постоянно усиливалась. Именно поэтому города как политическое явление изучались с античных времен. К примеру, Аристотель рассматривал различные древнегреческие полисы и их характерные особенности: структуру, уклад, политическую культуру. В частности, древнегреческий философ отмечал о Карфагене и Лакедемонском государстве, что там, где государственное устройство считается и с богатством, и с добродетелью, и с народом, как, например, в Карфагене, это и есть аристократический строй; там, где принимаются в расчет только два из указанных условий, т. е. добродетель граждан и народ, как, например, в Лакедемонском государстве, получается смешение двух видов — демократического и основанного на добродетели [1, с. 106].

По мере усложнения социальной и политической жизни города стали все более оказываться в центре внимания исследователей. Подобным образом стоит оценить и появление в XX в. научной дисциплины «урбанистика», изучающей городские системы, смыслы и их взаимосвязи с жителями города [4, с. 9]. Вполне обоснованно ставится современными исследователями и вопрос о необходимости учета и формирования политического сознания и поведения населения столиц в связи с поддержанием социально-политической стабильности¹.

Анализ показывает, что феномен городов имеет и международное измерение. Причем некоторые традиции и способы политических действий сложились достаточно давно. Отметим, к примеру, тради-

¹ См.: Белозёров В. К. Почему москвичам нужно политическое образование [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «ГосРег: государственное регулирование общественных отношений». URL: <http://gosreg.amchs.ru/index.php/2012-10-14-12-16-58/46-2013-01-13-12-09-04> (дата обращения: 14.08.2021).

цию, что современная дипломатия, подразумевающая учреждение постоянных представительств, расположенных в столице иностранного государства, берет свое начало в Вестфальском мире. Тем не менее основы дипломатии как таковой были заложены задолго до 1648 г., во времена, когда государств в том виде, в каком они известны сейчас, еще не существовало, а города были субъектами внешней политики. Ясно, дипломатия существовала еще до существования государств-наций. Например, в Древней Греции полисы (понимаемые как города-государства) регулярно отправляли и принимали посольства и назначали послов для участия в переговорах от имени города. Позже, в эпоху Возрождения, могущественные итальянские города-государства, такие как Венеция и Милан, первыми учредили постоянные дипломатические представительства за рубежом и создали организованную систему дипломатии [12, р. 5]. Для понимания международного содержания урбанизации важно учитывать и то, что еще со времен античности некоторые европейские города имели владения в удаленных регионах со всеми вытекающими последствиями для выстраивания международных связей.

Современные же международные процессы находятся в фазе усложнения вследствие глобализации, регионализации, глокализации. В рамках названных процессов набирает темпы и урбанизация, связанная с ростом городского населения, увеличением числа городов, повышением их роли как важного центра жизни общества, в том числе и политической¹. Отсюда и урбанизация становится важной частью международных отношений и требует осмысления. Небезынтересно, что в наши дни города, мегаполисы и агломерации, столицы государств нередко становятся международным политическим брендом нации. Так, Гаага, Брюссель, Женева часто ассоциируются со штаб-квартирами международных организаций. Здесь решаются важнейшие проблемы мирового развития, а в столицах разрабатывается внешнеполитический курс государств.

Таким образом, процессы урбанизации и городского развития имеют и политическое содержание, в том числе в сфере международных отношений.

Современные политические концепты городов

Истоки политических исследований городов лежат в начале XX столетия, когда шотландский социолог П. Геддес вводит понятие «мировой город» [10]. Именно в этот исторический период города стали промышленными и экономическими центрами, которые выдвинули город на международную экономическую арену. Впоследствии мировые экономические отношения стали все более интегрироваться в сферу международной политики, что можно увидеть на примере Европейского союза. В результате и города также стали рассматриваться в политическом и международно-политическом ключе.

При этом, как отмечает российский политолог М. М. Лебедева, города как субъект политики стали активно изучаться в конце XX — начале XXI вв. и превратились в особых акторов мировой политики, поскольку «они одновременно являются и государственными, и негосударственными структурами», близкими к «международным организациям, которые создаются государствами, но при этом государствами не являются» [6, с. 8]. Такие пограничность и международно-правовая нерегламентированность придают урбанизации многоликость и превращают данный процесс в широкое поле для политических исследований.

Одним из основных «идеологов» урбанизации как международного политического феномена является американский исследователь, профессор Колумбийского университета С. Сассен. В своей книге «Глобальный город: Нью-Йорк, Лондон, Токио» [13] она формулирует понятие «глобальный город» — узел интеграции мировой экономики и политики. Примечательно, что исследователь разграничивает понятия «мировой» и «глобальный город», подчеркивая, что мировой город характеризует определенную историческую эпоху. Исследователь концентрируется на экономической составляющей глобального города, что, тем не менее, никак не убавляет его политическую значимость.

¹ См.: Reis Liliana, Vaz Domingos Martins. From City-states to Global Cities: The Role of Cities in Global Governance [Электронный ресурс] // e-journal of International Relations JANUS.NET. Vol. 8. No. 2, November 2017 — April 2018. URL: <http://hdl.handle.net/11144/3227> (дата обращения: 02.08.2021).

Британский урбанист П. Холл, в свою очередь, придерживается мнения, что мировые города есть «центры политической власти, международных и связанных с правительством организаций, национальной и международной торговли, банковских центров, страхования и финансовых услуг, центров повышения квалификации и деятельности всех видов в медицине, юриспруденции, в высшем образовании и т. д.» [11]. Поддерживает «политический» уклон города П. Холла и социолог Й. Терборн, который в книге «Города власти. Город, нация, народ, глобальность» отмечает, что «города влияют на нас пространственной структуризацией социальных отношений, смыслами, которыми они обеспечивают жизнь общества» [7, с. 11], акцентируя внимание на том, что город «преобразует власть в форму» [Там же, с. 16]. Поскольку власть является политической категорией, мы будем придерживаться схожей с Холлом и Терборном точки зрения, что города есть территориальное воплощение политической власти.

Существующий контраст в определениях понятий «мировой город» и «глобальный город» говорит о развитии теоретической базы процесса урбанизации как политического феномена. В этой связи немаловажно упомянуть отчасти схожее с понятием «город» понятие «мегаполис» как актор международного политического процесса. Российский социолог О. Н. Яницкий отмечал, что «мегаполис есть национальное глобально-локальное образование, так как сегодня глобализация — всеохватывающий процесс. Поэтому “границы мегаполиса” определяются не занимаемой им территорией, а совокупностью сосредоточенных в нем национальных и транснациональных организаций и структурой их национальных и глобальных сетей» [9, с. 7]. Подход О. Н. Яницкого подчеркивает сущность и содержание мировой политики XXI в. как состязания глобального и локального, что фактически и отражается в современных больших городах. Особое внимание в определении мегаполиса исследователь обращает на сосредоточение национальных и транснациональных организаций, которые могут включать в себя не только производственные концерны, но и представительства международных политических организаций, которые традиционно расположены в точках стыка политики, экономики и культуры.

Небезынтересно обратиться и к определению нового вида городов, умных городов, которые ввиду цифровизации современного общества тесно связаны с мировыми и глобальными городами. Как отмечают российские ученые Н. Н. Киселёв, Н. П. Иванов и Т. С. Павлова, «умный город (smart city) — это стратегическая концепция по развитию городского пространства, подразумевающая совместное использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и решений Интернета вещей (IoT) для управления городской инфраструктурой» [5]. Зачастую умные города становятся международной площадкой для сотрудничества разных государств, где идет поиск подходов к решению их насущных проблем¹, чем подтверждается международно-политическая значимость городов и процесса урбанизации.

Перспективы международно-политического осмысления урбанизации

Развитие городов предоставляет дополнительные возможности для осмысления современной международной политики, поскольку они выступают как кластеры, где политика продумывается, обсуждается и воплощается в жизнь.

Тем не менее в настоящее время существуют определенные препятствия для того, чтобы города стали играть более важную роль в формировании глобальной международно-политической повестки. Так, следует отметить, что муниципальные власти не подпадают под действие международного публичного права. В дипломатических кругах их по-прежнему называют «суб-» или «инфранациональными» образованиями, как если бы их демократическая легитимность рассматривалась как «низшего» порядка. Чтобы усилить рычаги влияния на международные политические процессы, города объединяются в глобальные сети. Возникают федерации городов и мэров, такие как «Объединенные города и местные органы власти», «Всемирная ассоциация крупных мегаполисов» и другие. Названные организации выступают за изменение международно-правового статуса городов. При этом за последнее десятилетие произошел

¹ См.: Москва присоединится к проекту Международного альянса умных городов по ответственному внедрению цифровых технологий [Электронный ресурс] // Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/16299/6950050/> (дата обращения: 02.08.2021).

фактически взрыв междугородних сетей и сотрудничества по многим сферам. Города все более настойчиво требуют большей передачи власти и утверждения на мировой арене¹.

К тому же современные крупные города стали стратегической международно-политической платформой для корреляции многочисленных видов деятельности в различных областях. Например, существуют две крупные транснациональные сетевые организации городов, которые занимаются проблемами изменения климата: «Группа по климатическому лидерству городов C40» и «Глобальное соглашение мэров по климату и энергетике». Немаловажной мировой городской проблемой является международная миграция, поскольку города являются важными узлами на пути глобальных потоков беженцев и миграции. Этой проблемой занимаются такие объединения городов, как «Европейская инициатива городов солидарности Евророзны» и сеть «Объединенных городов и местных органов власти», связанных с миграцией².

Значимость городов в современных международных отношениях подтверждается и в рамках деятельности международных организаций и разработки программ, посвященных проблемам развития городов в условиях глобальных вызовов современности. Так, как справедливо утверждает российский исследователь К. Л. Хомякова, «в рамках Новой городской повестки, утвержденной на конференции Организации Объединенных Наций по жилищному хозяйству и устойчивому городскому развитию (Хабитат III), отмечаются центральная роль городов в глобальной экономике и вместе с тем неблагоприятные демографические тенденции, проблемы изменения климата, использования ресурсов и экосистем» [8, с. 96].

В целом же при сложившемся сосредоточении научного осмысления урбанизации на экономике, демографии и экологии городского развития не стоит забывать о политической и международно-политической составляющей данных вопросов. Внешнеполитическое сотрудничество стран в области городского развития является импульсом современной урбанизации как международно-политического феномена.

Заключение

В завершение можно отметить следующее. Международные процессы имеют тенденцию к усложнению и к хаотизации, что отмечают как политики, так и исследователи [2]. Их осмысление и предсказуемость не могут быть полноценными без изучения урбанизации и ее последствий. В современном мире международно-политическое значение развития городов, урбанизации нарастает. Статус городов характеризуется и наличием ряда проблем, осложняющих их участие в международной деятельности. Тем не менее усиление урбанизации, активизация существующих альянсов и сообществ городов позволяют утверждать о происходящих изменениях в системе международных отношений, в которой города, мегаполисы, городские агломерации будут занимать все более важное значение. Названным процессам еще предстоит стать объектом политологических исследований.

Литература

1. *Аристотель*. Политика. М. : Юрайт. 2019.
2. *Белозёров В. К.* Управляемый хаос и глобальные политические стратегии // Геополитика и безопасность. 2014. № 4. С. 9–13.
3. *Вебер М.* Город. М. : Strelka Press. 2017.
4. *Глазычев В. Л.* Урбанистика. М. : Европа. 2008.
5. *Киселёва Н. Н., Иванов Н. П., Павлова Т. С.* Инновационные города как новые формы пространственного роста // Вестник экспертного совета. 2018. №1–2 (12–13). С. 25–30.
6. *Лебедева М. М.* Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 7–16.

¹ См.: *Muggah R., Zapata-Garesche E.* How Cities Are Rewiring International Affairs [Электронный ресурс] // Devex, 2016. URL: <https://www.devex.com/news/how-cities-are-rewiring-international-affairs-88517> (дата обращения: 02.08.2021).

² См.: *Gongadze S.* The Emergent Role of Cities as Actors in International Relations [Электронный ресурс] // E-International Relations. 2019. URL: <https://www.e-ir.info/2019/08/06/the-emergent-role-of-cities-as-actors-in-international-relations/> (дата обращения: 02.08.2021).

7. Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
8. Хомякова К. Л. Концепция глобального города в современной социологии // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. № 26 (2). С. 94–110.
9. Яницкий О. Н. Российские мегаполисы в условиях глобальных социально-экологических вызовов // Общественные науки и современность. 2018. № 1. С. 5–16.
10. Geddes P. Cities in Evolution: An Introduction to the Town Planning Movement and to the Study of Civics. London : Williams & Norgate, 2015.
11. Hall P. The World Cities. London. 1966.
12. Pluijm R. van der. City Diplomacy: The Expanding Role of Cities in International Politics // Clingendael Diplomacy Papers. 2007. No. 10. The Hague : Netherlands Institute of International Relations Clingendael.
13. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. New Jersey. 1991.

Об авторе:

Суданц Марат Борисович, соискатель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета (Москва, Российская Федерация); Marat5085238@gmail.com

References

1. Aristotle. Politics. Moscow : Yurayt. 2019. (In Rus.)
2. Belozarov V. K. Controlled Chaos and Global Political Strategies // Geopolitics and Security [Geopolitika i bezopasnost']. 2014. No. 4. P. 9–13. (In Rus.)
3. Weber M. City. Moscow : Strelka Press. 2017. (In Rus.)
4. Glazychyev V. L. Urbanistics. Moscow : Europe. 2008. (In Rus.)
5. Kiseleva N. N., Ivanov N. P., Pavlova T. S. Innovative Cities as New Forms of Spatial Growth // Bulletin of the Expert Council [Vestnik ekspertnogo soveta]. 2018. No. 1–2 (12–13). P. 25–30. (In Rus.)
6. Lebedeva M. M. Transformation of the Role of Cities and Intra-state Regions in World Politics // Oikumena. Regional studies [Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya]. 2019. No. 1. P. 7–16. (In Rus.)
7. Terborn Y. Cities of Power. City, Nation, People, Globality. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. (In Rus.)
8. Khomyakova K. L. The Concept of a Global City in Modern Sociology // Bulletin of the Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]. Ser. 18: Sociology and Political Science. 2020. No. 26 (2). P. 94–110. (In Rus.)
9. Yanitsky O. N. Russian Megacities in the Context of Global Socio-ecological Challenges // Social Sciences and Modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 2018. No. 1. P. 5–16.
10. Geddes P. Cities in Evolution: An Introduction to the Town Planning Movement and to the Study of Civics. London : Williams & Norgate, 2015. (In Rus.)
11. Hall P. The World Cities. London. 1966.
12. Pluijm R. van der. City Diplomacy: The Expanding Role of Cities in International Politics // Clingendael Diplomacy Papers. 2007. No. 10. The Hague : Netherlands Institute of International Relations Clingendael.
13. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. New Jersey. 1991.

About the author:

Marat B. Sudants, Candidate for an Academic Degree of the Department of Political Science of the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences of the Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation); Marat5085238@gmail.com

II ЕВРАЗИЙСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ФОРУМ - 2021

Пресс-релиз

Круглый стол Секретариата, Объединенного штаба
и Евразийского информационно-аналитического консорциума:
«Аналитика безопасности Евразии: состояние, проблемы, пути решения»,
Москва, зал заседаний Объединенного штаба ОДКБ,
19 ноября 2021 года

Круглый стол Секретариата, Объединенного штаба ОДКБ и Евразийского информационно-аналитического консорциума: **«Аналитика безопасности Евразии: состояние, проблемы, пути решения»** в рамках II Евразийского аналитического форума состоялся в зале заседаний Объединенного штаба ОДКБ 19 ноября 2021 г.

Модератор заседания — председатель Координационного совета ЕИАК Николай Николаевич Бордюжа обратил внимание собравшихся на то, что началом форума послужила дискуссия руководителей аналитических институтов при главах государств, на которой были рассмотрены опыт, проблемы и пути сотрудничества. В свою очередь, завершение форума направлено на рассмотрение проблем безопасности на евразийском пространстве.

И это не случайно, поскольку необходимость усиления безопасности вызвана эскалацией агрессивности со стороны зарубежных информационных ресурсов в различных регионах по всему периметру границ стран — участниц ОДКБ, значительного роста напряженности военно-политической обстановки в регионе. Поэтому заседание нацелено на анализ угроз, вызовов и рисков, выработку рекомендаций по комплексному развитию кризисного реагирования в интересах обеспечения коллективной безопасности стран — членов ОДКБ.

Особенностью заседания, отметил Н. Н. Бордюжа, служит его открытость, нацеленность на все евразийское экспертно-аналитическое сообщество. Он выразил уверенность, что это, несомненно, послужит делу его консолидации, повышению уровня объективности и компетентности со стороны государственных и негосударственных аналитических организаций. Начало обсуждения положил обзор по теме: «Аналитика безопасности Евразии: угрозы и вызовы стабильности и суверенитету государств — членов ОДКБ», с которым на пленарном заседании форума 11 ноября этого года выступил первый заместитель Генерального секретаря ОДКБ **Валерий Анатольевич Семериков**.

Первым на заседании круглого стола с сообщением на тему: «О механизмах развития кризисного реагирования в интересах обеспечения коллективной безопасности стран — членов ОДКБ» выступил заместитель Генерального секретаря ОДКБ **Ордобаев Самат Исламович**.

С сообщением о китайском факторе в Центральной Азии выступил **Маслов Алексей Александрович**, директор Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор, а о турецком факторе в Центральной Азии — **Аватков Владимир Алексеевич**, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, доктор политических наук.

Важное сообщение о вызовах и угрозах военной безопасности в зоне ответственности ОДКБ сделал заместитель начальника Объединенного штаба ОДКБ **Виктор Александрович Лисовский**.

Затем для сообщения на тему: «О мерах кризисного реагирования в зоне региональной ответственности стран — членов ОДКБ» слово было предоставлено **Ременчику Вячеславу Евгеньевичу**, Постоянному и Полномочному представителю Республики Беларусь при ОДКБ.

Н. Н. Бордюжа выразил сожаление в связи с тем, что в заседании не присутствуют Постоянный и Полномочный представитель Республики Армения **Биягов Виктор Леонидович** и Постоянный и Полномочный представитель Республики Таджикистан **Султонов Хасан Усмонович**, чьи выступления были запланированы, и передал слово **Данилову Дмитрию Александровичу**, заведующему отделом европейской безопасности Института Европы РАН, профессору МГИМО (У) МИД России, кандидату экономических наук, для выступления по теме: «Безопасность в Евразии: оценка вызовов концептуально-стратегической трансформации НАТО».

Следующими были представлены сообщения **Майтдиновой Гузели Майтдиновны**, директора Центра геополитических исследований, доктора исторических наук, профессора, по теме: «Проблема безопасности и центрально-азиатского развития в фокусе интересов Центра глобальных исследований Российско-Таджикского (Славянского) университета»; **Трунова Филиппа Олеговича**, старшего научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, кандидата политических наук, об особенностях военной деятельности НАТО на постсоветском пространстве и сопредельных зонах на рубеже 2010 — 2020-х годов; **Кривопалова Алексея Алексеевича**, старшего научного сотрудника Института международной экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова, кандидата исторических наук, об актуальных военно-политических угрозах в трактовке «Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 года».

Подводя итоги, модератор заседания Н. Н. Бордюжа сообщил о предложении издать материалы заседания отдельным сборником и предложил выступающим до 1 декабря представить тексты в Секретариат консорциума.

Видеоотчет о заседании:

<https://youtu.be/O5rQ4ua6-Jw>

Информационные сообщения о заседании:

На сайте Объединенного штаба ОДКБ

На сайте Секретариата ОДКБ

Секретариат форума

<https://eaf-2021.ru/>

<https://mk-mae.com/>

19.11.2021

II Евразийский аналитический форум

«Аналитика устойчивого развития и безопасности Большой Евразии. Образ будущего: угрозы, вызовы и риски»

Алевтина Шевченко

19 ноября в конференц-зале Объединенного штаба ОДКБ были подведены итоги завершившего свою работу II Евразийского аналитического форума, который проходил с 9 по 19 ноября 2021 г. (частично в режиме онлайн). Председатель оргкомитета ЕАФ-2021, председатель Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК) **Николай Николаевич Бордюжа** отметил существенный качественный и количественный рост организаций — членов ЕИАК, представивших на форуме результаты и проекты аналитической деятельности, направленной на выявление угроз, вызовов и рисков комплексному развитию потенциала ЕАЭС как субъекта цивилизационной динамики и выработку рекомендаций по совершенствованию политики его развития.

В течение десяти дней состоялось более тридцати проектно-аналитических сессий по трем направлениям:

- цивилизационное и международное развитие;
- государственное управление и аналитика;
- национальная и экономическая безопасность.

Титульными мероприятиями форума стали пленарное заседание с участием заместителя Секретаря Совета безопасности Российской Федерации **Р. Г. Нургалиева**, заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации **А. А. Панкина**, заместителя Генерального секретаря ОДКБ **В. А. Семерикова**, председателя Постоянной комиссии по международным делам, члена Совета Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь **А. В. Савиных** и расширенное заседание Научно-технического совета при Председателе коллегии Евразийской экономической комиссии под председательством президента РУДН, председателя ВАК Минобрнауки России В. М. Филиппова с участием члена Коллегии (министра) по интеграции и макроэкономике ЕЭК, академика РАН С. Ю. Глазьева.

В рамках форума состоялся научный круглый стол (в формате онлайн) на тему **«Большое Евразийское партнерство: восстановление значения национального суверенитета и разнообразия национальных политик развития»**, организованный факультетом национальной безопасности ИПиНБ РАНХиГС совместно с редколлекцией журнала **«Евразийская интеграция: экономика, право, политика»**. Эта тема была раскрыта в шестнадцати докладах участников заседания, представлявших семь государств Большой Евразии.

Модераторами круглого стола выступили:

Алевтина Владимировна Шевченко — доктор политических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, и. о. декана факультета национальной безопасности ИПиНБ РАНХиГС, член Научного совета при Совете безопасности РФ, действительный член Академии военных наук, руководитель Экспертно-методического совета по проблемам стратегического анализа, прогноза и планирования Ассоциации «Аналитика»;

Игорь Федорович Кефели — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС, эксперт Российской академии наук и Парламентской Ассамблеи ОДКБ, первый вице-президент Академии геополитических проблем, заместитель главного редактора журнала **«Евразийская интеграция: экономика, право, политика»**.

Как известно, вектор на создание Большого Евразийского партнерства (БЕП) определен и инициирован Президентом РФ В. В. Путиным в целях превращения Евразии в зону мира, сотрудничества и процветания.

Научные аналитические обзоры актуальных подходов к исследованию содержания понятия «национальный суверенитет» представили профессор **С. В. Коростелев** (СПбГУ), доцент **Н. И. Харитонов** (МГУ им. М. В. Ломоносова), советник ректора РАНХиГС **Н. В. Шафинская**, эксперт Совета национальной безопасности Монголии **Сухээ Гомбо** (Улан-Батор, Монголия).

В частности, профессор **И. Ф. Кефели** (СЗИУ РАНХиГС) подчеркнул преемственность между теоретическими изысканиями основателей евразийского движения и евразийской идеологии 20–30-х гг. XX в. и современными поисками путей формирования Большого Евразийского партнерства как комплексной модели, разрабатываемой на основе геополитического прогнозирования, сценарных проектов и больших данных. В докладе ученого была рассмотрена геополитическая миссия России как фактора обеспечения глобальной и региональной безопасности на евразийском пространстве.

Профессор **А. В. Шевченко** (РАНХиГС) проанализировала проблемы восстановления значения понятия «национальный суверенитет» в контексте методологии реального суверенитета, предполагающей ответственную субъектность государств — участниц ЕАЭС, исключение практики «аутсорсинга суверенитета», определение допустимых и критических пределов доверия в международных отношениях.

Анализ факторов, влияющих на целостность национальных суверенитетов стран — участниц БЕП, провел соискатель ИПиНБ РАНХиГС **А. С. Максимов** (Москва). Представить проект Большого Евразийского партнерства как потенциально эффективную стратегию против Евразийской системы дуг нестабильности предложил директор Института им. Хо Ши Мина Санкт-Петербургского государственного университета **В. Н. Колотов**.

Влияние ментального кода белорусов на политику развития Республики Беларусь определила профессор **Е. В. Баранова** (БелГУ, Минск). Роль цивилизационного идентитета в укреплении суверенитета России выявил соискатель ИПиНБ РАНХиГС **З. Р. Гапизов** на основе анализа социально-политических процессов в Крыму. Опыт Казахстана в формировании национального суверенитета проанализировали **А. Т. Турымшаева** (Шымкент, Республика Казахстан), профессор **Н. А. Баранов** (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург) и преподаватель-исследователь **Севги Кок** (Турецкая Республика). На роль освоения космоса в обеспечении суверенитета евразийских государств обратил внимание профессор **А. Б. Савченко** (РАНХиГС).

Геоэкономическая глобализация, как отмечалось в ряде докладов и сообщений, подвела многие суверенные государства евразийского континента к утрате монополии на самостоятельное определение характера отношений с внешним окружением и, глубже, к невозможности контроля обеспечения внутренних жизненно важных интересов. Такое состояние системы государственного управления диктует поведенческие стратегии с партнерами, в том числе добровольное делегирование суверенитета в той его части, которую можно восстановить от внешней удручающей зависимости благодаря ресурсам БЕП.

Методологические проблемы исследования процессов политической, экономической, культурной суверенизации в странах Центральной Азии, славянских государствах Европы, странах Северо-Восточной Азии были подняты в докладах проректора Российско-Кыргызского Славянского университета **Л. И. Сумарокова** (Бишкек, Кыргызская Республика), профессора ИПиНБ РАНХиГС **В. Б. Титова** (Москва), руководителя Владивостокского филиала Ассоциации «Аналитика» **С. Н. Садового** (Владивосток), соискателя ИПиНБ РАНХиГС **А. В. Храмовой**.

Ряд предложений, прозвучавших на круглом столе, вошли в перечень рекомендаций форума различным структурам, обеспечивающим реализацию инициативы Большого Евразийского партнерства.

Публикации в журнале «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» в 2021 г.

От главного редактора	№ 1	Глазьев С. Ю. ЕАЭС: от политики status quo к сценарию «Собственный центр силы»	с. 11
	№ 2	Глазьев С. Ю. «Единство многообразия» как конкурентное преимущество ЕАЭС	с. 9
	№ 3	Глазьев С. Ю. Как построить Большое евразийское партнерство	с. 9
	№ 4	Глазьев С. Ю. Идеи и реалии современного евразийства	с. 9
ГЛАВНОЕ	№ 1	Шамахов В. А., Межевич Н. М. Дивный старый мир и новые факторы развития	с. 15
	№ 2	Кефели И. Ф. Евразийская цивилизация: от идеи к современному дискурсу	с. 12
	№ 2	Субетто А. И., Шамахов В. А. Россия — евразийская цивилизация	с. 26
	№ 3	Шамахов В. А., Межевич Н. М. Качество управления и качество информации: некоторые итоги 2020 г. для постсоветского пространства	с. 15
	№ 3	Кротов М. И. От Беловежских соглашений до Евразийского экономического союза: опыт тридцатилетия	с. 22
	№ 4	Козут В. Г., Нурышев Г. Н. Геополитический резонанс VI Всебелорусского народного собрания	с. 11
ЭКОНОМИКА	№ 1	Куклина Е. А. Современный Китай в экономическом пространстве Арктики	с. 22
	№ 1	Беляев Л. С., Подковальников С. В., Чудинова Л. Ю. Электроэнергетическая реинтеграция России со странами Центральноазиатского и Каспийского регионов	с. 32
	№ 2	Бойко И. В. Евразийская цивилизация и логистика Великого шелкового пути	с. 40
	№ 2	Глинская М. В., Абросимова В. В. Торгово-экономические отношения между странами ЕАЭС в период пандемии COVID-2019	с. 49
	№ 3	Потапова Е. В. Союзное государство в восприятии бизнеса: есть ли эффекты для экономической интеграции?	с. 35
	№ 3	Погодин С. Н., Ягья Т. С. Торгово-экономическое сотрудничество в рамках БРИКС	с. 44
	№ 3	Куклина Е. А. Траектория развития Евразийского экономического союза — дорога с односторонним движением	с. 55
	№ 4	Додонов В. Ю. Внешняя торговля Казахстана с партнерами ЕАЭС: предварительные итоги	с. 21
	№ 4	Кириленко В. П., Мишальченко Ю. В., Чаплик А. В. Международные правовые и экономические аспекты оборота недвижимого имущества в государствах — членах ЕАЭС	с. 33
	№ 4	Козьменко С. Ю. Согласование экономической и оборонной деятельности в Тихоокеанском регионе	с. 40
ПРАВО	№ 4	Мисько О. Н., Сысоев Ф. И. Неолиберальный постмодерн и гиперимпериализм	с. 49
	№ 1	Царёва Л. В. Ограничение прямых иностранных инвестиций: правовые аспекты в контексте евразийской интеграции	с. 44
	№ 1	Мячина А. Г. Привилегии и иммунитеты персонала международных организаций	с. 55
	№ 1	Беляков В. Г. К вопросу о правовом статусе эксплуатации морских автономных аппаратов	с. 62
	№ 1	Chuluunbat Sharkhuu, Min-Sik Lee Fear of Crime among Mongolians in the Ulaanbaatar Metropolitan Area	с. 68
	№ 2	Чимаров Н. С. Нормативно-правовые основы применения технологии биометрической регистрации граждан в избирательном процессе Кыргызской Республики	с. 57
	№ 2	Кириленко В. П., Мишальченко Ю. В., Щеглова А. Н. Международные правовые и экономические аспекты разрешения споров в рамках ВТО в условиях международной интеграции	с. 64
	№ 2	Захарова А. В. Интеграция иммигрантов в Санкт-Петербурге на фоне эпидемии коронавируса	с. 72
	№ 3	Мишальченко Ю. В., Платонова Л. А., Торопыгин А. В. Международно-правовые особенности реализации конституционных прав граждан государств — членов ЕАЭС в сфере пенсионного обеспечения	с. 66
	№ 3	Чугуевская Е. В. Развитие международного инвестиционного права в рамках Евразийского экономического союза	с. 77
	№ 4	Березина Е. К. Особенности политико-правовых документов ЕАЭС с третьими странами	с. 61
	№ 4	Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Классификация морских споров и современные правовые средства их разрешения	с. 67
	№ 4	Коростелев С. В. Задачи государств — участников СНГ в обеспечении национальной безопасности	с. 82
	№ 4	Павлова М. А. Противодействие коррупции в рамках функционирования Евразийского экономического союза	с. 93

ПОЛИТИКА	№ 1	Кожухова К. Е. Российско-китайское взаимодействие в сфере обеспечения стратегической стабильности	с. 81
	№ 1	Карпенко Ю. О., Шумилов М. М. Институционализация антитеррористического сотрудничества на евразийском пространстве: проблемы и перспективы	с. 88
	№ 1	Козут В. Г., Нурышев Г. Н. Карабахский узел геополитических противоречий на Южном Кавказе	с. 104
	№ 1	Передня Д. Г. Географическая индетерминированность государственно-гражданской идентичности российской молодежи	с. 112
	№ 1	Храмова А. В. Стратегическое развитие Евразийского экономического союза в эпоху коронакризиса	с. 125
	№ 1	Саямов Ю. Н. Политические проблемы и ракурсы безопасности: состояние и перспективы	с. 133
	№ 2	Погодин С. Н., Тараканова Т. С. Внешнеполитические интересы Российской Федерации в Центральной Азии	с. 77
	№ 2	Смирнов П. А. Болгарский вектор внешней политики Северной Македонии: проблема идентичности	с. 86
	№ 2	Вульфович Р. М. Проблемы и противоречия в процессе становления местного самоуправления на постсоветском пространстве (на примере стран Центральной Азии)	с. 97
	№ 2	Ефремов О. В. Участие граждан в решении вопросов местного значения: опыт Республики Беларусь	с. 107
	№ 2	Акматалиев А. А., Дуйшо кызы Нуржан Тенденции развития местного самоуправления в Кыргызской Республике	с. 112
	№ 2	Торопыгин А. В. Экономические и политические аспекты зоны свободной торговли Сербия — ЕАЭС	с. 120
	№ 2	Ветренко И. А. Эффективность женщин — депутатов Государственной Думы VII созыва РФ, по данным рейтинга «Коэффициент полезности депутатов Государственной Думы», в сравнении со странами СНГ	с. 132
	№ 3	Драган Трайлович, Стеван Рапайч Политические и экономические аспекты сербско-российских отношений с позиции сербских граждан	с. 82
	№ 3	Ковалев С. Н. На страже правды истории	с. 97
	№ 3	Выходец Р. С. Пространство политики ЕС в области искусственного интеллекта	с. 108
	№ 3	Базавлук С. В. Евразийство и внешняя политика Российской Федерации	с. 118
	№ 3	Серегина А. А., Богомолова В. Е., Харланов А. С. Роль статуса страны в ЕАЭС	с. 125
	№ 3	Одинаев Д. С. Терроризм как особая форма политической борьбы в современном мире	с. 135
	№ 4	Берладир Ю. В., Харичкин И. К. Политическая сущность международного терроризма	с. 99
ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА	№ 4	Кефели И. Ф., Николаенко А. В. Арктическая стратегия России в Большом Евразийском партнерстве	с. 109
	№ 4	Мусиенко Т. В., Лукин В. Н., Матвеев А. В. Стратегический регион Юго-Восточной Азии: формирование архитектуры безопасности	с. 122
	№ 4	Суданц М. Б. Состояние и перспективы исследования урбанизации как международно-политического феномена	с. 134
	№ 1	Новости ЕАЭС и ЕЭК	с. 146
	№ 2	Новости ЕАЭС и ЕЭК	с. 140
РЕЦЕНЗИИ	№ 3	Новости ЕАЭС и ЕЭК	с. 141
	№ 4	II Евразийский аналитический форум. Пресс-релиз	с. 140
	№ 4	А. Шевченко. II Евразийский аналитический форум. «Аналитика устойчивого развития и безопасности Большой Евразии. Образ будущего: угрозы, вызовы и риски»	с. 142
	№ 1	Шехова Н. В. Рецензия на учебник под общей редакцией В. А. Шамахова и В. П. Кириленко «Морское право и международный морской бизнес»	с. 146
	№ 2	Кудрявцев А. М. Ризома гибридных операций. Рецензия на книгу Бартош А. А. «Серая зона: театр гибридной войны»	с. 149

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей должен быть не более 40 000 знаков, но не менее 16 000 знаков с пробелами.

Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

2. Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова.

Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются.

Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 слов. В реферате обязательно указываются: **Цель, Задачи, Методология, Результаты, Выводы** (по 1–2 предложения для каждого пункта), в английском варианте, соответственно, **Aim, Tasks, Methods, Results, Conclusion**.

4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова — 5–7 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.

5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].

7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования).

Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон: (только для внутреннего пользования)

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

– **монографии:**

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

– **статьи в научных сборниках:**

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

– **публикации в многотомных изданиях:**

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

– **статьи в научных журналах:**

1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В.* О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В. А.* К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

– **статьи в газетах:**

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

– **правовые акты:**

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– **архивные документы** (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– **электронные ресурсы оформляются следующим образом:**

1. Маноило А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2021. Том 15, № 4

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 15.12.2021.

Подписано к печати 30.12.2021.

Формат 84×108 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 9,375. Тираж 100 экз.

Заказ № 4/2021.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72

